

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1

1971

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Костюшко.</i> Ф. Энгельс об аграрном развитии Центральной и Восточной Европы	3
<i>В. Марьина.</i> Съезд в Любохне (К 50-летию создания Коммунистической партии Словакии)	17
<i>М. И. Копашева.</i> Чехословацкая социал-демократическая молодежь в годы послевоенного революционного подъема (1918—1920)	27
<i>В. Г. Карасев.</i> Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике» (1863—1865)	41
<i>Е. Е. Станкевич.</i> Текстильное производство в Силезии по данным Генеральных статистических таблицей 1787 г.	59
<i>А. В. Каллош.</i> Из истории хорватской реалистической драмы 30-х годов	67
<i>Л. Титова.</i> Чешский патриотический театр «Боуда» (1786—1789)	77
<i>К. Т. Ходова.</i> К проблемам славянской синонимии (синонимичность как стадия развития системы)	86

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Л. С. Кишкин.</i> Мозаика Староместской ратуши в Праге	96
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ежи Куманецкий</i> (ПНР). Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały	102
---	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

А. Н. Киришевская. Григор Пописаков. Экономические отношения между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом	106
Н. П. Мананчикова. К вопросу о Дубровницком Возрождении	110
Т. Агапкина. Из истории польской публицистики 1918—1939 гг.	112
А. Татаринцев. Немецкие слависты об эпохе Просвещения	114
Ю. К. Бегунов. Южнославянский перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина в издании немецкого ученого	118

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970 г. (продолжение)	120
Содержание иностранных журналов	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

На XIII Международном конгрессе исторических наук

Л. Обушенкова. Работа Международной комиссии славянских исследований на XIII конгрессе исторических наук	131
В. В. Зеленин. Заседание комиссии Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы	135
Л. Г. Невская, Т. М. Судник. Вторая всесоюзная конференция по актуальным проблемам балтийского языковедения	138
А. В. Банк. Выставка «Югославские средневековые фрески» в Эрмитаже	139
Т. Ф. Аристова. <u>Василий Романович Ваврик</u>	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

И. И. КОСТЮШКО

Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ АГРАРНОМ РАЗВИТИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Основоположники марксизма, разрабатывая теорию научного коммунизма, раскрыли закономерности развития человеческого общества, создали учение о социально-экономических формациях. Они показали, что общество в своем поступательном движении проходит ряд ступеней, обусловленных развитием производства материальных благ. Способ производства определяет характер общественной формации, его общими законами определяется положение и развитие различных отраслей производства и, в частности, земледелия.

Большое теоретическое и методологическое значение имеют положения К. Маркса и Ф. Энгельса о формах земледельческого производства и его роли в различных общественных формациях.

Отмечая, что у пастушеских народов спорадически встречается извстная форма земледелия, Маркс указывал на существование у этих народов коллективной или общинной земельной собственности¹. Скотоводство, являвшееся главной отраслью производства, определяло и форму земледелия.

Первобытной формой земельной собственности была общинная собственность. Эта форма собственности, писал Маркс, прослеживается у римлян, германцев и в разрушенном виде выступает у индийцев. Из различных форм индийской общинной собственности могли быть выведены различные, оригинальные типы частной собственности у римлян и германцев². Точка зрения Маркса о том, что «азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами», по его словам, получила новое подтверждение в работах Маурера о германском марковом и сельском устройстве³.

Энгельс развил и обосновал эти положения. В работе «Марка» он показал существование у германцев общинной собственности на землю, изменения, происходившие в общине-марке, и ее роль в различных областях общественной жизни, в развитии земледелия и в борьбе с растущим крупным землевладением. Энгельс подчеркивал, что общинная собственность на землю была характерна не только для германцев, она господствовала у всех или почти у всех народов в древнейший период их истории⁴.

Общинная земельная собственность пережила первобытнообщинный строй. В измененной форме она существовала или ее отдельные черты сохранялись у многих народов в античный период, средние века и новое время. Примером этого, по мнению Маркса, была общинная собственность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

² Там же, т. 13, стр. 20; т. 23, стр. 88.

³ Там же, т. 32, стр. 36.

⁴ Там же, т. 19, стр. 329—339.

у славян⁵. Некоторые ее формы отмечались в Германии до XIX в.⁶ Энгельс указывал на «изумительную приспособляемость» марки к различным условиям. «Марковый строй,— писал он,— приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей, пока еще существовали общие угодья марки, а также к разнообразнейшим правам собственности на них, когда марка перестала быть свободной»⁷. Эти черты марки в той или иной степени были свойственны общинным формам землевладения и у других народов.

Для рабовладельческой формации были характерны отношения, существовавшие между владельцем средств производства и непосредственным производителем, являвшимся собственностью владельца средств производства. Частная собственность на землю или собственность верховного правителя на нее, возникшая в период разложения первобытно-общинного строя и развивавшаяся в рамках рабовладельческой формации, обуславливала присвоение собственником земли прибавочного продукта труда раба или близкого к нему по положению непосредственного производителя. Присвоение рабовладельцем прибавочного продукта являлось определенным типом ренты — экономической формой, в которой реализовалась земельная собственность в рабовладельческом обществе. В античном обществе, отмечал Маркс, преобладало земледелие, у древних римлян от него целиком зависела промышленность. Поэтому в античном обществе промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности в большей или меньшей степени имели землевладельческий характер⁸.

Основой средневекового, феодального общества, указывал Маркс, являлась крупная земельная собственность. Как господствующий общественный фактор она определяла способ производства и обмена в феодальной формации⁹. Здесь отношение крестьянина к феодалу заключалось в различных формах его зависимости от землевладельца, наиболее тяжелой из которых было крепостничество. Землевладелец присваивал непосредственно прибавочный труд крестьянина или получал прибавочный продукт натурой или денежную ренту. Раскрывая генезис капиталистической земельной ренты, Маркс дал обстоятельную характеристику форм феодальной ренты, господствующих в феодальном обществе производственных отношений¹⁰.

В феодальной формации, как и в античном обществе, преобладающей отраслью производства было земледелие. Энгельс, характеризуя феодальный строй, существовавший в Германии накануне революции 1848 г., отмечал, что «в Германии деревня господствует над городом, земледелие — над промышленностью и торговлей»¹¹. Принципы организации земледелия в средние века, указывал Маркс, переносились в города и городские отношения, причем даже капитал в виде традиционных орудий ремесла приобретал землевладельческий характер¹². Феодальному строю свойственны были и «резкая противоположность между городом и деревней и прежде всего господство деревни над городом»¹³. С развитием промышленности уменьшался удельный вес земледелия в общественном произ-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.

⁶ Там же, т. 32, стр. 36; т. 19, стр. 417.

⁷ Там же, т. 19, стр. 337.

⁸ Там же, т. 12, стр. 733.

⁹ Там же, т. 6, стр. 258.

¹⁰ Там же, т. 25, ч. II, стр. 344—379.

¹¹ Там же, т. 4, стр. 46.

¹² Там же, т. 12, стр. 733.

¹³ Там же, т. 6, стр. 268.

водстве, уменьшалось и социально-экономическое значение деревни в жизни народа. Крупное промышленное производство делало невозможным дальнейшее существование феодальных отношений в деревне. Эти социально-экономические сдвиги знаменовали собой кризис феодального строя и переход к новому способу производства. «Феодальная система,— писал Энгельс,— везде приходила в упадок в той мере, в какой земледелие переставало быть решающей отраслью производства страны, в какой наряду с земледельческим классом образовывался класс, занимающийся промышленностью, наряду с деревнями возникали города»¹⁴. Положения Маркса и Энгельса о соотношении земледелия и промышленности в период перехода от феодализма к капитализму раскрывают одну из основных закономерностей этого периода.

При капитализме, отмечал Энгельс, главным источником существования населения становятся промышленность и торговля¹⁵. Маркс указывал, что буржуазное общество покоится на промышленности и торговле¹⁶, что земледелие в нем «все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала»¹⁷, ведется «на промышленных началах»¹⁸. Капитализм базируется на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда. Господствующие в промышленности производственные отношения определяют и способ сельскохозяйственного производства. При этом капитал подчиняет земледелие, преобразует его, приспосабливает к потребностям капиталистического хозяйства. Земельная собственность экономически реализуется здесь в форме капиталистической земельной ренты, включающей и остатки феодальной ренты. Рассматривая капиталистическую земельную ренту, Маркс раскрыл источники и условия возникновения дифференциальной и абсолютной ренты, обусловленных монополией на землю как объект производства и монополией частной собственности на землю¹⁹. Капитализм еще более углубляет противоположность между деревней и городом и закрепляет отсталость земледелия по сравнению с промышленностью.

Основоположники марксизма показали антагонистический характер рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций и раскрыли движущую силу развития классового общества. Этой силой являлась борьба угнетенных масс против своих поработителей и эксплуататоров. Касаясь крестьянского движения, Энгельс указывал на его характерные черты, обусловленные положением крестьянства в обществе. «На протяжении последних шестисот лет,— писал Энгельс,— города в такой мере служили очагами прогрессивного движения, что в своих самостоятельных демократических движениях сельское население (Уот Тайлер, Джек Кэд, Жакерия, Крестьянская война), во-первых, всякий раз держалось реакционно, а, во-вторых, всякий раз подавлялось»²⁰. В средние века крестьяне постоянно выдвигали реакционные требования и добивались лишь незначительных результатов для себя. Сопутствуя движению бюргеров, крестьянское движение «оказывало лишь поддержку освободительной борьбе городов»²¹. Выступления крестьян в период Великой французской революции являлись революционными, пока не были удовлетворены их «ближайшие, явно ощутимые частные интересы». Затем они,

¹⁴ Там же, т. 4, стр. 46.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, т. 6, стр. 258.

¹⁷ Там же, т. 12, стр. 733.

¹⁸ Там же, т. 6, стр. 258.

¹⁹ Там же, т. 25, ч. II, стр. 163—343.

²⁰ Там же, т. 4, стр. 272.

²¹ Там же, т. 5, стр. 508.

по словам Энгельса, «со всем неистовством слепой враждебности обратились против непонятого им движения больших городов»²².

Крестьянство, будучи угнетенным классом, поднимаясь против своих поработителей, не было и не могло быть ведущей, руководящей силой в социальной борьбе, революционном движении. «Сельское население, — подчеркивал Энгельс, — никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение, в силу своей распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного городского населения»²³. Условием успеха крестьянского движения были его связь с движением развивающихся новых классов и руководство им буржуазией во время борьбы против феодальных порядков и пролетариатом в период борьбы против гнета капитала.

В трудах основоположников марксизма содержится и ряд других важных положений, характеризующих закономерности аграрного развития общества.

Вместе с тем Маркс и Энгельс отметили общие черты и особенности в аграрном развитии отдельных регионов и стран. Большой интерес представляют их наблюдения и выводы, относящиеся к аграрной истории Центральной и Восточной Европы и отдельных стран этих регионов. Особенно много внимания аграрному вопросу в странах Центральной и Восточной Европы уделил Энгельс.

Говоря о Средней или Центральной Европе, Энгельс, как и Маркс, обычно имел в виду Германию и Австро-Венгрию. При этом славянские земли, расположенные в восточной части этих стран, за некоторым исключением, и Россия относились к Восточной Европе²⁴.

Одной из характерных черт аграрного развития Центральной и Восточной Европы было так называемое второе издание крепостного права. Рассматривая положение крестьян в Германии в средние века, Энгельс отмечал, что крепостное право раннего средневековья, имевшее много черт древнего рабства, постепенно смягчалось и приближалось к простой зависимости. С одной стороны, часть крестьян в связи с крестовыми походами добилась свободы, а, с другой, с ростом потребностей феодалов большее значение приобретали повинности крестьян, чем право распоряжения их личностью. В Северной Германии во второй половине XIII в. крестьяне приобрели личную свободу. «Только славянские и литовско-пруссские крестьяне, — писал Энгельс, — оставались несвободными»²⁵.

Быстрый подъем городов, рост их богатства и укрепление власти территориальных князей в XIV и XV вв. повлекли за собой перемены и в деревне. Поскольку разбой на дорогах становился все более опасным и безуспешным, дворянство стремилось получить больше дохода от своих земельных владений. «Отсюда, — указывал Энгельс, — новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины, возобновившееся и все растущее стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую землю марки в господскую землю»²⁶. По примеру крупных феодалов и монастырей дворяне стали заводить собственное хозяйство. Это сопровождалось насилием над крестьянами, захватом части их земель и усилением крепостного права.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 508—509.

²³ Там же, т. 8, стр. 13.

²⁴ Там же, т. 4, стр. 272; т. 5, стр. 353; т. 6, стр. 290; т. 16, стр. 162, 202; т. 18, стр. 507; т. 19, стр. 146.

²⁵ Там же, т. 19, стр. 340.

²⁶ Там же.

Крестьяне оказывали сопротивление натиску со стороны феодалов. С конца XV в. происходили разрозненные восстания, а в 1525 г. разразилась Великая крестьянская война, охватившая Западную и Южную Германию²⁷. После поражения крестьян, указывал Энгельс, «возобновляется всеобщее преобладание крепостной зависимости среди немецких крестьян». В районах, охваченных войной, «права крестьян были теперь беззащитно попораны, их общинная земля была превращена в господскую, а сами они в крепостных». То же самое впоследствии произошло и восточнее Эльбы, на севере Германии. «Крепостное право для немецких крестьян в Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурге, Силезии, — писал Энгельс, — утвердилось с середины, а в Шлезвиг-Гольштейне — с конца XVI столетия и все более приобретало характер всеобщего закабаления крестьян»²⁸. Закрепощение крестьян было связано с развитием крупного сельскохозяйственного производства, основанного на барщинном труде.

Тридцатилетняя война до крайности разорила Германию, особенно в тяжелом положении оказались крестьяне. Дворянство, утратив политические права в сословных собраниях, приобрело полную свободу действий в отношении крестьян. Ему было предоставлено и право вотчинной юрисдикции. Поскольку способность крестьян к сопротивлению была сломлена войной, дворянство смогло осуществить такие преобразования, которые были наиболее выгодными для них. Опустевшие крестьянские земли присоединялись к поместью, в широких масштабах производился стгон крестьян с земли, увеличивались барщинные повинности. «Крепостное состояние, — отмечал Энгельс, — сделалось отныне всеобщим»²⁹.

Направляя Марксу рукопись своей работы «Марка», Энгельс писал: «Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на возникновение *второго* крепостного права с середины XV века я считаю в общем бесспорным»³⁰. Почти все свои положения с доказательствами Энгельс находил в работах Маурера. Утверждения Маурера, имевшие противоположный характер, Энгельс считал необоснованными³¹. Возвращаясь к этому вопросу, Энгельс интересовался мнением Маркса относительно положения о «почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках», поскольку раньше Маркс придерживался иной точки зрения. «Для земель к востоку от Эльбы, — писал он, — твердо установлена свобода *немецких* крестьян вследствие колонизации»³². По мнению Маурера в это время в Шлезвиг-Гольштейне крестьяне вновь добились свободы (Энгельс считал, что может быть позднее, чем в XIV в.), в Южной Германии тогда с ними «обращались лучше всего»; подобное положение было и в Нижней Саксонии. Маурер возражал Киндлингеру, будто крепостное право возникло только в XVI в. «Но что оно, — писал Энгельс, — с этого времени снова оживило, появилось во втором издании, кажется мне бесспорным»³³. Энгельс соглашался с Маурером, что это крепостное право было смягченным по сравнению с крепостничеством IX—XI вв., имевшем черты древнегерманского рабства, и с юрисдикцией помещика по правовым кодексам XIII и последующих веков. «Но сравнительно с *фактическим* положением крестьян в

²⁷ Там же, т. 7, стр. 343 и сл.

²⁸ Там же, т. 19, стр. 340.

²⁹ Там же, т. 19, стр. 342.

³⁰ Там же, т. 35, стр. 105.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 106.

³³ Там же, стр. 107.

XIII и XIV веках, а в Северной Германии и в XV веке, — подчеркивал Энгельс, — новое крепостное право было чем угодно, только не смягчением. И особенно после Тридцатилетней войны! Характерно также, что в то время как в средние века было такое множество степеней зависимости и крепостничества, что „Саксонское зеркало“ даже отказывается говорить о праве крепостных людей, — после Тридцатилетней войны дело поразительно упрощается»³⁴. Маркс, сообщая свое мнение о труде Энгельса, дал о нем такой отзыв: «очень хорошо»³⁵. По словам Энгельса, Маркс и Энгельс «были единомышленны» по этому вопросу³⁶.

Процесс «вторичного» закрепощения происходил и в странах, расположенных восточнее Германии. Здесь он имел ряд особенностей, обусловленных историческим развитием региона. Характеризуя этот процесс, Энгельс указывал на его экономическое основание, отмечал роль насилия в утверждении крепостничества. Он показал, что в процессе всеобщего закрепощения крестьян проявились диалектика исторического развития, антагонистический характер действительного прогресса, явления общественного регресса³⁷. В частности, Энгельс констатировал, что повсеместное восстановление крепостничества было одной из причин, мешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII вв.³⁸ Положения Энгельса о втором издании крепостного права позволяют глубоко понять и исследовать аграрные отношения в Центральной и Восточной Европе.

Интересны соображения Энгельса о характере общественного строя в великих земледельческих странах, расположенных между Балтийским и Черным морями, и о путях его преобразования. Отмечая, что здесь господствуют патриархально-феодалные отношения, Энгельс указывал, что эти страны могли «избавиться от патриархально-феодалного варварства только посредством революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями (*frohnpflichtigen*) крестьян в свободных землевладельцев, — революции вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне»³⁹. Первой попыткой такого преобразования была польская конституция 1791 г.; вопрос об аграрной реформе ставился во время восстания 1830 г.; в период восстаний 1846 и 1848 гг. «открыто провозглашалась аграрная революция»⁴⁰. Революционные выступления польского народа еще крепче привязывали его поработителей к контрреволюции. Следствием этого было сохранение патриархально-феодалного строя не только в Польше, но в государствах, разделивших ее. Поэтому «особенно со времени Краковского восстания 1846 г., — писал Энгельс, — борьба за независимость Польши одновременно является борьбой аграрной демократии — единственно возможной в Восточной Европе — против патриархально-феодалного абсолютизма»⁴¹. Только аграрная революция могла радикально уничтожить господствующие в деревне феодально-крепостнические отношения.

Энгельс подчеркивал значение Великой французской буржуазной революции для ликвидации крепостничества в Германии. В результате революции были радикально упразднены феодальные порядки на левом берегу Рейна⁴².

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 107.

³⁵ Там же, стр. 108.

³⁶ Там же, стр. 112.

³⁷ Там же, стр. 105.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. 5, стр. 352.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 353.

⁴² Там же, т. 19, стр. 342.

Поражение Пруссии в войне с Францией заставило прусское правительство приступить к аграрной реформе ⁴³. Законами 1807—1811 гг. упразднены некоторые привилегии юнкеров и разрешался выкуп крестьянских повинностей ⁴⁴.

В трудах Энгельса глубоко раскрывается сущность прусской аграрной реформы. Он отмечал ограничения, установленные декларацией 1816 г. и положением 1821 г. о выкупе барщины и других повинностей крестьян, показал вопиющее ограбление крестьян юнкерами ⁴⁵.

Барщина, писал Энгельс, прямо вытекала из сеньериальной власти и наследственной крепостной зависимости. Эта повинность особенно в Силезии, не являлась «вносимой в натуре рентой или платой за наследственную аренду, ... возмещением за пользование землей» ⁴⁶. Первоначально барщина заключалась в том, что крестьянин должен был работать определенное количество дней или выполнять определенные работы за плату, которая вначале равнялась подневной плате за свободный труд. При этом выгода помещика состояла не в денежной стоимости барщины, а в ее принудительном характере. Для крестьянина она была не экономически невыгодна, а тягостна вследствие его не свободного состояния. Со временем изменился характер барщины. Оплата за барщинный труд оставалась неизменной, цена же жизненных припасов и оплата свободного труда повышались. В этих условиях помещик присваивал разницу между оплатой барщинного и свободного труда. Барщина, первоначально экономически выгодная обеим сторонам, превратилась в поземельную повинность для крестьян и прямой денежный доход для помещика. Поэтому не было никаких оснований для «вознаграждения» помещика, напротив, последний обязан был вознаградить крестьянина за многолетнюю эксплуатацию ⁴⁷. При всем этом условия выкупа были весьма тяжелыми (высокая рента, капитализация ее из 4%, уступка земли — крестьяне потеряли около одной трети своей земли, — оплата экономических комиссаров, действия их в пользу помещика и т. д.). Следствием этого было усиление ростовщического гнета над крестьянами ⁴⁸.

Характеризуя революцию 1848 г. в Пруссии, Маркс и Энгельс указывали на ее ограниченность в решении крестьянского вопроса. Мартовская революция была использована крестьянами, чтобы избавиться от феодальных повинностей. Крестьяне, писал Энгельс, «сейчас же отменили их на практике» ⁴⁹, но действовали менее энергично, чем крестьяне в Австрии, так как феодализм здесь не был так суров ⁵⁰. «... По истечении трех месяцев свободы после кровавых столкновений и военных экзекуций, в особенности в Силезии, феодализм был восстановлен руками той самой буржуазии, которая до вчерашнего дня была еще антифеодальной» ⁵¹.

Энгельс показал реакционный характер предположений правительства, содержащихся в записке Патова о принципах регуляции феодальных отношений ⁵². Проект Патова, по словам Энгельса, «представлял жалкий плод бессильнейших поползновений буржуазии отменить феодальные привилегии ... и страха буржуазии перед революционным поку-

⁴³ Там же, т. 12, стр. 606; т. 19, стр. 342.

⁴⁴ Там же, т. 12, стр. 407; т. 19, стр. 342—343; т. 21, стр. 252.

⁴⁵ Там же, т. 21, стр. 253—254.

⁴⁶ Там же, т. 5, стр. 326.

⁴⁷ Там же, т. 5, стр. 326—327.

⁴⁸ Там же, стр. 327, 328; т. 21, стр. 254.

⁴⁹ Там же, т. 5, стр. 111; т. 19, стр. 66.

⁵⁰ Там же, т. 8, стр. 45.

⁵¹ Там же, т. 8, стр. 45; т. 21, стр. 254, 255.

⁵² Там же, т. 5, стр. 110—111.

пением на какой бы то ни было вид собственности»⁵³. Резкой критике подверг Энгельс и проект Гирке об отмене феодальных повинностей. Проектом предусматривалась безвозмездная отмена повинностей, не имевших никакой ценности. Прочие подлежали выкупу. Таким образом, сохранились самые обременительные, распространенные и существенные повинности; поскольку эти повинности на практике были уничтожены крестьянами, то тем самым они снова восстанавливались. Прежние выкупные договора не подлежали пересмотру. Оценивая проект, Энгельс писал: «Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!»⁵⁴ Закон о приостановке ведущихся переговоров между крестьянами и помещиками оставлял в силе текущие повинности и разрешал взыскания спорных платежей⁵⁵. Указом 20 декабря 1848 г. крестьянские повинности восстанавливались до издания особого постановления⁵⁶. Наконец, по закону 1850 г. отменялись незначительные повинности, другие — заменялись денежной рентой, которая по капитализации выплачивалась крестьянами посредством рентных банков. По расчетам Энгельса крестьяне уплатили помещикам не менее 300 млн талеров, а возможно и миллиард марок за освобождение от незаконно возложенных на них повинностей⁵⁷. При размежевании «крестьян жестоко обделили, отобрав даже сверх того, что допускала буква закона»⁵⁸.

После реформы, по выражению Энгельса, остались «изумительнейшие ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, захолустное юнкерство»⁵⁹. Преобладало крупное землевладение⁶⁰, а это означало сохранение полуфеодального господствующего положения крупных землевладельцев даже при буржуазных отношениях во всем остальном хозяйстве⁶¹. В Северной Германии и особенно восточнее Эльбы в крупных имениях хозяйство велось большей частью на средства владельца, реже крупного арендатора, с помощью дворовой челяди и поденщиков. Патриархальные отношения в таких имениях приводили к наследственной зависимости сельского батрака и безземельного крестьянина от помещика⁶². Мелкое parcelное крестьянское владение было исключением⁶³. Крестьяне-собственники были опутаны роставщиками и испытывали разного рода трудности при ведении своего хозяйства⁶⁴. Крестьянский вопрос в Пруссии, замечал Маркс, хотя и в измененной форме, все еще ждал своего окончательного разрешения в будущей революции⁶⁵.

Рассматривая аграрный строй в австрийской монархии накануне революции 1848 г., Энгельс констатировал разложение феодальной системы хозяйства. Во время революции, отмечал он, «крестьянство повсюду уничтожало феодализм до последних остатков»; вследствие войны в Италии и революции в Венгрии крестьяне имели полную свободу действий и смогли добиться большего в своем освобождении. Властям «пришлось санкционировать меры, которые крестьянство фактически провело

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 130—131.

⁵⁴ Там же, т. 5, стр. 299.

⁵⁵ Там же, т. 6, стр. 131; т. 21, стр. 255.

⁵⁶ Там же, т. 18, стр. 288; т. 21, стр. 255.

⁵⁷ Там же, т. 21, стр. 257.

⁵⁸ Там же, т. 19, стр. 343.

⁵⁹ Там же, т. 16, стр. 67.

⁶⁰ Там же, стр. 74.

⁶¹ Там же, т. 19, стр. 88.

⁶² Там же, т. 16, стр. 67; т. 19, стр. 89.

⁶³ Там же, т. 16, стр. 74.

⁶⁴ Там же, стр. 74, 418.

⁶⁵ Там же, т. 12, стр. 607.

в жизнь»⁶⁶. Маркс указывал, что аграрный вопрос здесь был решен революцией 1848 г. и венгерским восстанием⁶⁷.

В работах Энгельса освещаются некоторые вопросы аграрного развития Венгрии. Он дал характеристику крестьянской войны 1514 г.⁶⁸ Касаясь капиталистической эволюции помещичьего хозяйства, Энгельс в конце 1847 г. писал: «В Венгрии феодалы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер»⁶⁹. Постановления венгерского сейма о праве продажи земельной собственности, свободе передвижения крестьян и выкупе феодальных повинностей, принятые осенью 1847 г., он оценивал как революционные⁷⁰. Энгельс подчеркивал значение революции 1848 г. в деле ликвидации феодальных отношений в стране. По его словам, в Венгрии «и по закону и фактически» были упразднены феодальные повинности крестьян⁷¹; эти повинности отменялись безвозмездно при компенсации со стороны государства⁷².

Энгельс интересовался гуситским движением в Чехии, которое определял как национально-чешскую крестьянскую войну против немецкого дворянства и верховной власти германского императора в религиозной окраске⁷³; он отмечал наличие у таборитов хилиастической общности имущества, характеризовал воззрения таборитов и каликстинцев как крестьянско-плебейскую ересь⁷⁴, касался и других вопросов аграрного развития Чешских земель.

Важные выводы были сделаны Энгельсом при рассмотрении аграрной истории Польши. Он видел причины упадка Речи Посполитой в том, что она упорно сохраняла феодальный строй, в то время как ее соседи быстро прогрессировали⁷⁵. По его мнению, заслуга поляков состояла в том, что «они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций»⁷⁶. Энгельс указывал на органическую связь национально-освободительного движения с аграрным вопросом. «Установление аграрной демократии для Польши, — писал он, — стало вопросом жизни не только политическим, но и общественным»; если крепостные крестьяне не станут свободными владельцами, то земледелие — основной источник существования народа, рухнет; «аграрная революция невозможна без одновременного завоевания самостоятельного национального существования, без обладания балтийским побережьем и устьями польских рек»⁷⁷. Восстания 1846 и 1863 гг. были не только национальными, они ставили своей целью и освобождение крестьян с передачей земли в их собственность⁷⁸. При этом дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, с беспримерным самоотвержением примкнуло к демократической аграрной революции⁷⁹. Энгельс раскрыл политику австрийского правительства в связи с восстанием крестьян в Галиции⁸⁰.

⁶⁶ Там же, т. 8, стр. 39—40.

⁶⁷ Там же, т. 12, стр. 607.

⁶⁸ Там же, т. 7, стр. 388—390.

⁶⁹ Там же, т. 4, стр. 468.

⁷⁰ Там же, т. 6, стр. 550.

⁷¹ Там же, стр. 325.

⁷² Там же, т. 6, стр. 551.

⁷³ Там же, стр. 180.

⁷⁴ Там же, т. 7, стр. 363—364.

⁷⁵ Там же, т. 16, стр. 154.

⁷⁶ Там же, т. 5, стр. 381.

⁷⁷ Там же, стр. 367.

⁷⁸ Там же, т. 18, стр. 508.

⁷⁹ Там же, т. 5, стр. 379.

⁸⁰ Там же, т. 6, стр. 178; т. 8, стр. 30.

В своих трудах основоположники марксизма рассматривали и отдельные вопросы аграрной истории России или касались их. Интересно замечание Маркса об установлении крепостной зависимости в России. Считая далеко не соответствующим истине утверждение, что крепостничество было произвольно введено Борисом Годуновым, Маркс писал, что указом 1601 г. крестьяне лишались права переходить с одного места на другое и прикреплялись к поместьям, к которым они уже принадлежали в силу рождения или жительство. В дальнейшем власть дворян над крестьянами быстро возрастала, и со временем крестьяне стали действительно крепостными. Эта незаконная узурпация бояр была легализована Петром I в 1723 г. Оставаясь прикрепленными к поместьям, крестьяне теперь также превращались в личную собственность дворянина — помещика. Сравнительно свободные крестьяне во вновь присоединенных западных и южных областях были превращены в крепостных Екатериной II⁸¹.

Касаясь аграрной политики правительства в феодальный период, Энгельс указывал, что оно «все сильнее сковывало русского крепостного»⁸². Крестьяне отвечали на это бесчисленными разрозненными восстаниями, которые были направлены против дворянства и отдельных чиновников. В некоторых случаях движение приобретало и антицарскую направленность (например, восстание Пугачева)⁸³.

Маркс и Энгельс отмечали существенные социально-экономические сдвиги в предреформенной России, ослабление позиций дворянства и его обуржуазивание. Характеризуя «движение 1847 года», Энгельс подчеркивал: «В России развитие промышленности идет гигантскими шагами и даже бояр все более и более превращает в буржуа. Крепостное право подвергается в России и Польше ограничениям, что означает ослабление дворянства в интересах буржуа и создание класса свободных крестьян, в котором буржуазия всюду нуждается»⁸⁴. Маркс констатировал большую задолженность дворян у банков и частных лиц. Эта задолженность была часто так велика, что дворяне лишь номинально являлись собственниками своих поместий. «Тех из них, которые еще боролись с банкротством, окончательно разорили огромные издержки минувшей (Крымской. — И. К.) войны»⁸⁵. В то же время, указывал Маркс, «большинство дворян с головой окунулось в водоворот буржуазного увлечения акционерными компаниями». В 1857 г. было создано 16 компаний с капиталом 303,9 млн. руб., а с января по август 1858 г. возникла еще 21 компания с капиталом 36 175 тыс. руб.⁸⁶

Маркс и Энгельс отмечали нарастание антифеодальной борьбы крестьян. С 1842 г., писал Маркс, «восстания крепостных против своих помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением»; даже по официальным данным около 60 дворян ежегодно погибало от руки крестьян⁸⁷. В 1848 г., по словам Энгельса, имели место «отдельные волнения в некоторых уездах»⁸⁸. Во время Крымской войны, говорил Маркс, крестьянские восстания «колоссально возросли», а в западных губерниях они «направлялись главным образом против правительства»⁸⁹. Касаясь положения в России в 1859 г., Маркс писал: «В настоящее время у нее самой

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 692.

⁸² Там же, т. 16, стр. 165.

⁸³ Там же, т. 18, стр. 547.

⁸⁴ Там же, т. 4, стр. 468.

⁸⁵ Там же, т. 12, стр. 696—697.

⁸⁶ Там же, стр. 699.

⁸⁷ Там же, стр. 701.

⁸⁸ Там же, т. 5, стр. 315.

⁸⁹ Там же, т. 12, стр. 701.

под ногами накопился горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться. Симптомы войны крепостных крестьян внутри России настолько очевидны, что самим местным властям приходится для объяснения этого необычного брожения обвинять в нем Австрию, которая будто бы с помощью тайных эмиссаров распространяет по всей стране социалистические и революционные учения»⁹⁰. Если раньше Россия могла сдерживать революцию в Европе, то теперь она сама была охвачена движением, знаменовавшим назревание в ней революционной ситуации.

Маркс подчеркивал значение крестьянского движения для развития аграрного строя. Правительство, указывая на, «не по каким либо мотивам гуманности, а из чисто государственных соображений» пыталось изменить положение крестьян⁹¹. В 1803 г. был издан указ, разрешавший помещикам отпускать своих крестьян на волю; указами 1842, 1844, 1846, 1847 гг. частично ограничивалась власть дворян над крепостными и последним предоставлялись некоторые права. Однако по существу все осталось по-старому⁹². Начиная Крымскую войну, правительство обещало облегчить положение крестьян; после поражения в войне, впрочем, если бы этой войны и не было, оно вынуждено было заняться крестьянским вопросом⁹³. Энгельс отмечал, что поражение в Крымской войне означало и крах доведенной до предела бюрократической системы правления. «Чтобы заложить основы более подходящей системы,— писал он,— Александр II вынужден был обратиться к идее освобождения крепостных»⁹⁴. С отменой крепостного права «нельзя уже было больше медлить»⁹⁵. При этом правительство надеялось найти поддержку в традиционной и пассивной покорности инертной массы крестьян и купцов⁹⁶.

Рассматривая предположения об отмене крепостного права, Маркс глубоко раскрыл цели правительства, дворянства и крестьян и показал отношение дворян и крепостных к правительственному проекту аграрной реформы. По мнению правительства, отмена крепостного права должна была устранить последние препятствия, ограничивающие самодержавие. При этом были бы упразднены сравнительная независимость дворянства, обусловленная его бесконтрольной властью над большинством народа, и самоуправление сельских общин, основанное на общинном землевладении крестьян⁹⁷.

Правительство, готовя реформу, рассчитывало на повиновение дворян, если не на их поддержку⁹⁸. Большинство дворян было против реформы и стремилось помешать ее осуществлению. Дворяне, стоявшие за отмену крепостничества, не были единодушны по важнейшим вопросам, и их поддержка была половинчатой. Те и другие опасались сокращения доходов, уменьшения ценности земельной собственности и серьезного ограничения политической власти с потерей господства над крестьянами⁹⁹. Не видя возможности сохранить крепостничество, дворяне стремились получить за его отмену денежное вознаграждение, превращающее крепостных в должников по закладной, причем изменилась бы только форма крепостной зависимости; они добивались дополнительного вознаграждения

⁹⁰ Там же, стр. 520.

⁹¹ Там же, стр. 607.

⁹² Там же, стр. 699—700.

⁹³ Там же, стр. 607, 700.

⁹⁴ Там же, стр. 772.

⁹⁵ Там же, т. 18, стр. 568.

⁹⁶ Там же, т. 12, стр. 672.

⁹⁷ Там же, т. 15, стр. 184.

⁹⁸ Там же, т. 12, стр. 607.

⁹⁹ Там же, стр. 605.

граждения от правительства и предоставления им политической власти за отказ от власти над крепостными¹⁰⁰.

Что касается крестьян, то по их представлениям, «освобождение означало старый порядок вещей за вычетом их старых господ»¹⁰¹.

Все это определяло следующую расстановку сил по вопросу аграрной реформы. Правительству противостояла оппозиция дворянства и крестьян, аристократии — оппозиция правительства и крепостных, крестьянству — объединенная оппозиция царизма и местных господ¹⁰².

Анализируя доклад Главного комитета по крестьянскому делу о принципах реформы, Маркс указывал, что он не удовлетворял ни дворян, ни крестьян. Проведение реформы на этих основаниях означало бы «весьма чувствительную материальную потерю для аристократии»¹⁰³. Дворянство, обремененное большими долгами, потеряло бы значительную часть своих доходов, а остальные доходы в дальнейшем регулировались бы таким образом, который не только не увеличивал, но и весьма ограничивал их размер. Разумеется, что дворяне противились такому решению вопроса¹⁰⁴. Предусматриваемые комитетом «временнообязанное» состояние, система патримониальной власти по прусскому образцу и другие меры не облегчили бы положение крестьян, и попытка осуществить эти меры могла бы послужить сигналом «для вспышки массового восстания среди сельского населения России»¹⁰⁵. Энгельс предвидел трудности в связи с отменой крепостного права¹⁰⁶.

Особое беспокойство у правительства и дворян вызывала позиция крестьянства. «... Крестьяне, — писал Маркс, — имевшие преувеличенное представление даже о том, что царь намеревался сделать для них, стали терять терпение при виде медлительного образа действий своих господ. Поджоги, начавшиеся в отдельных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Известно далее, что в Восточной России и областях, прежде принадлежавших Польше, имели место бунты, сопровождавшиеся большими жестокостями, что заставило помещиков переехать из деревень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмущившихся рабов»¹⁰⁷.

В таких условиях неизбежно было соглашение царизма с дворянством за счет крестьян¹⁰⁸.

В трудах Маркса и Энгельса дается обстоятельная характеристика реформы 1861 г. По их словам, эта реформа была «жульнической проделкой», представляла собой «акт царского вероломства», «антинародный акт»¹⁰⁹. В результате реформы к помещикам перешла значительная часть крестьянской земли; это были, как правило, лучшие, плодородные земли; к ним отошли и общинные леса и выгоны¹¹⁰. Кроме того, помещики получили большой выкуп за отмену крепостного права. За пользование лесом и выгоном взималась особая плата с крестьян¹¹¹.

Крестьяне получили самые минимальные наделы и по большей части на плохой заброшенной земле¹¹². Эти наделы были недостаточны для,

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 185.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, т. 12, стр. 695.

¹⁰⁴ Там же, стр. 695—697.

¹⁰⁵ Там же, стр. 701.

¹⁰⁶ Там же, стр. 672.

¹⁰⁷ Там же, стр. 607—608.

¹⁰⁸ Там же, т. 15, стр. 185.

¹⁰⁹ Там же, т. 18, стр. 430.

¹¹⁰ Там же, стр. 539; т. 19, стр. 144; т. 22, стр. 41.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

содержания семей крестьян. «Той земли, — отмечал Энгельс, — которая осталась у него (крестьянина. — *И. К.*), было слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы существовать»¹¹³. При этом крестьянин должен был платить за эту худшую землю по цене самой лучшей¹¹⁴. Он платил непомерно высокий выкуп, тяжелый поземельный налог, который поглощал или превышал стоимость ренты с надельной земли, уездные и губернские сборы, составлявшие уже прямой вычет из его заработной платы¹¹⁵. Поскольку крестьянин не мог обойтись без леса и выгона, то вынужден был платить и за пользование ими¹¹⁶. Реформа создала значительные трудности для помещичьего хозяйства и обрекла массы крестьян на нищету и полуголодное существование. «В результате реформы, — писал Энгельс, — большинство помещиков еще больше прежнего запуталось в долгах, крестьянство было доведено до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть»¹¹⁷.

Сравнивая реформу 1861 г. в России с прусской аграрной реформой, Энгельс отмечал их общие черты и особенности. «Сходство поразительное, — писал он. — В обоих случаях шаг за шагом тот же самый обман крестьян в пользу помещиков»¹¹⁸. При всем этом реформа 1861 г. была более реакционной, чем прусская реформа. Характеризуя реформу 1861 г., Энгельс указывал: «За образец был взят прусский метод отмены личной зависимости и барщины, медленно проводившейся с 1810 по 1851 год; однако в России все должно было быть закончено в несколько лет. Поэтому, чтобы сломить сопротивление крупных земельных собственников и владельцев „душ“, им надо было сделать еще больше уступок, чем сделали в свое время господам помещикам прусское государство и его продажные чиновники»¹¹⁹.

Маркс и Энгельс, рассматривая пореформенное развитие России, констатировали существенные перемены в ее аграрном строе. Страна, по выражению Маркса, переживала аграрный переворот¹²⁰; в ней развивался капитализм¹²¹. Энгельс отмечал, что сельскохозяйственное производство в связи с реформой и другими социальными и политическими переменами было расстроено¹²². Помещичье землевладение находилось в привилегированном положении, дворяне по сравнению с крестьянами платили незначительные подати¹²³. Полученные деньги за выкуп помещики большей частью растранижили¹²⁴ (часть этих денег была вложена в винокурение)¹²⁵; помещичье хозяйство велось преимущественно по-старому; стремясь добыть деньги, помещики занялись рубкой и продажей лесов; их имения были обременены долгами¹²⁶; происходила распродажа этих имений; в деревне усиливались позиции кулачества и городской буржуазии¹²⁷.

Крестьяне, указывал Энгельс, испытывали недостаток земли, были задавлены выкупом, податями и сборами. В связи с этим широкое разви-

¹¹³ Там же, т. 22, стр. 41.

¹¹⁴ Там же, т. 18, стр. 538—539.

¹¹⁵ Там же, т. 18, стр. 539; т. 19, стр. 44.

¹¹⁶ Там же, т. 22, стр. 262.

¹¹⁷ Там же, т. 19, стр. 144; т. 22, стр. 262.

¹¹⁸ Там же, т. 19, стр. 80.

¹¹⁹ Там же, т. 22, стр. 262.

¹²⁰ Там же, т. 16, стр. 349.

¹²¹ Там же, т. 19, стр. 119—120; т. 22, стр. 261.

¹²² Там же, т. 17, стр. 275; т. 18, стр. 548.

¹²³ Там же, т. 18, стр. 539.

¹²⁴ Там же, т. 22, стр. 406.

¹²⁵ Там же, т. 19, стр. 53.

¹²⁶ Там же, т. 22, стр. 406.

¹²⁷ Там же, т. 38, стр. 263, 316.

тие получило ростовщичество. Народная масса была опутана и придавлена сетями капиталистического паразитизма¹²⁸. Промышленность подорвала кустарное производство крестьян¹²⁹. Переход крестьян к денежному хозяйству был весьма болезненным для них, сопровождался разорением громадных масс крестьянства¹³⁰. Россия в ускоренном темпе превращалась в капиталистическую страну. Вместе с тем происходила пролетаризация крестьянства, усиливался гнет мироедов-кулаков, помещиков и буржуазии¹³¹.

Внимание Маркса и Энгельса привлекала и судьба русской общины. Они убедительно показали ошибочность представлений об ее исключительном характере и отметили ее особенности: патриархальный характер управления общиной и круговую поруку при уплате государству налогов и т. д., весьма обременявшую крестьян¹³².

Общинная собственность в определенном смысле смягчала нищету крестьян, однако сопротивление общины в борьбе с капитализмом все более ослабевало¹³³. При капитализме община, по словам Энгельса, становилась «великолепной и самой широкой основой для эксплуатации и деспотизма и кричащим анахронизмом»¹³⁴. Освобождение крестьян «подорвало общинную собственность», сильный удар ей нанес выкуп барщины¹³⁵. «Меновая стоимость, — писал Энгельс, — уже слишком глубоко проникла в эти первобытные общины, чтобы после отмены крепостного права они могли бы еще уцелеть»¹³⁶. Передел земли и обработка каждым крестьянином своего участка для себя создавали условия для большого неравенства членов общины: среди них имелись богатые, занимавшиеся ростовщичеством, эксплуатировавшие своих соседей. При недостатке земли, леса, тяжелых податях и гнете ростовщичества общинная собственность переставала быть благодеянием для крестьян и превращалась в их оковы. Крестьяне бежали из общины, происходил процесс ее разложения¹³⁷.

Маркс и Энгельс полагали, что общинная собственность в России при благоприятных условиях могла преобразоваться в высшую форму. «Если русская революция, — указывали они, — послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹³⁸. Дальнейшее развитие капитализма, отмечал Энгельс, должно было привести к уничтожению общины¹³⁹. В работах Энгельса затрагивались и другие вопросы пореформенной истории России.

Положения и выводы Маркса и Энгельса об аграрном развитии Центральной и Восточной Европы имеют большое познавательное значение. Они дают представление об общих чертах и особенностях исторического процесса и являются отправным пунктом для исследования аграрной истории этих регионов.

¹²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 539—540, 548.

¹²⁹ Там же, т. 22, стр. 407.

¹³⁰ Там же, стр. 555.

¹³¹ Там же, стр. 452.

¹³² Там же, т. 19, стр. 417; т. 32, стр. 158, 541; т. 18, стр. 544.

¹³³ Там же, т. 32, стр. 541; т. 38, стр. 170.

¹³⁴ Там же, т. 36, стр. 97.

¹³⁵ Там же, т. 16, стр. 207; т. 18, стр. 545.

¹³⁶ Там же, т. 32, стр. 92.

¹³⁷ Там же, т. 18, стр. 545; т. 19, стр. 305; т. 22, стр. 263—264; т. 36, стр. 258, 462.

¹³⁸ Там же, т. 19, стр. 305; см. также т. 18, стр. 546; т. 19, стр. 251, 401, 410; т. 22, стр. 58; т. 36, стр. 469; т. 39, стр. 33, 129.

¹³⁹ Там же, т. 38, стр. 312, 315; т. 39, стр. 130.

В. МАРЬИНА

СЪЕЗД В ЛЮБОХНЕ (К 50-летию создания Коммунистической партии Словакии)

В январе 1971 г. исполняется 50 лет с момента съезда Словацкой социал-демократической партии («левицы») в Любохне, на котором была создана Коммунистическая партия Словакии.

Процесс создания единой коммунистической организации в Чехословакии шел более медленно, чем в других европейских странах¹. Это объясняется некоторыми особенностями положения страны в 1918—1920 гг. и состоянием ее рабочего движения. В 1918 г. Чехословакия стала самостоятельным государством. Пролетариат же оказался раздробленным на ряд национальных отрядов. Преодолеть недоверие немецких, венгерских, украинских и других рабочих к чешскому и словацкому пролетариату, принадлежащему к господствующим нациям, было не просто. Для этого требовалось время и собственный опыт.

Процесс создания Коммунистической партии в Чехословакии тормозился и довольно широким распространением в рядах рабочего класса господствующих наций национальных иллюзий, связанных с образованием самостоятельного национального государства. Многим представлялось, что за долгожданной национальной свободой автоматически последует и социальное освобождение. Эти иллюзии в сознании чешского и словацкого пролетариата неустанно насаждала буржуазия и поддерживали реформистские вожди социал-демократии.

Ко времени национального освобождения чехословацкий пролетариат имел массовую и относительно организованную социал-демократическую партию. Социал-демократическая идеология довольно прочно укрепилась в сознании рабочего класса, и ее преодоление представляло значительные трудности.

Развитие революционного процесса в Словакии имело свои особенности, которые в определенной степени нейтрализовали действие перечисленных отрицательных факторов и ускорили вызревание и организационное оформление левых сил в словацком рабочем движении.

Прежде всего, иллюзии национального освобождения в словацком пролетариате были менее сильны, чем в чешском. Террористический режим, установленный чехословацкой буржуазией в Словакии в 1919—1920 гг., мешал словацкому пролетариату почувствовать изменение своего положения после национального освобождения. Более тяжелое по сравнению с Чешскими землями экономическое положение Словакии не оставляло места для иллюзий о социальном освобождении трудящихся.

¹ Только в Бельгии, Норвегии и Албании коммунистические партии образовались позже, чем в Чехословакии.

Словацкая социал-демократическая партия к моменту создания самостоятельного Чехословацкого государства была гораздо более слабой и менее массовой, чем чешская². В среде словацкого рабочего класса в меньшей степени получила распространение социал-демократическая идеология. В период революционного подъема 1919—1920 гг. в словацкую социал-демократическую партию вступила масса новых членов, сознание которых формировалось под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции и создания первого в мире пролетарского государства.

Наконец, большое воздействие на развитие революционного движения в Словакии оказало существование Венгерской и Словацкой советских республик. После их разгрома силами международной реакции на территории Словакии, несмотря на террор и преследования, продолжали работать многие активные деятели Венгерской коммунистической партии и ее словацкой секции. Интервенция чехословацкой буржуазии против Венгерской и Словацкой советских республик, объединение буржуазии разных национальностей в борьбе с пролетарским движением диктовали словацкому пролетариату необходимость интернационального сплочения для отстаивания своих классовых интересов. Опыт существования Советской власти в Венгрии и Словакии показал преимущества пролетарской демократии перед буржуазной.

Эти особенности политического развития Словакии усилили радикализацию ее трудящихся масс, способствовали более решительному и быстрому, чем в Чешских землях, выделению революционных сил в рабочем движении и созданию его революционной партии.

Большое революционизирующее воздействие на состояние и развитие рабочего движения в Чехословакии оказали идеи Великого Октября и успехи молодого Советского государства.

Непосредственную помощь чехословацкому рабочему движению в период рождения его революционной партии оказал В. И. Ленин³. Один из основателей КПЧ К. Крейбих писал впоследствии: «...Великий вождь трудящихся стоял непосредственно у колыбели нашей Коммунистической партии Чехословакии»⁴. И это не было преувеличением. В течение 1918—1921 гг. В. И. Ленин неоднократно встречался и беседовал с деятелями чехословацкого рабочего движения, изучал материалы, отражающие процесс формирования революционных сил в этой стране⁵, давал советы, делился опытом создания и деятельности большевистской партии в России⁶. Такое внимание В. И. Ленина к Чехословакии не было случайным: ведь это была страна с многочисленным и политически зрелым рабочим классом, имевшим свою массовую социал-демократическую партию, страна, занимающая важное положение в Центральной Европе и соседствующая с Германией, которая тогда представлялась одним из возможных в ближайшее время очагов пролетарской революции. Вспоминая о своих беседах с Лениным в 1920 г., К. Крейбих писал: «...Он подчеркнул исключительно большую роль нашей коммунистической пар-

² В Словакии, как и в Венгрии, социал-демократическая партия не имела своих организаций на местах, а работу в массах проводила через профсоюзы. Каждый член профсоюза автоматически становился членом социал-демократической организации. После создания Чехословацкого государства профсоюзы в Словакии руководили не только экономической, но и политической борьбой пролетариата.

³ А. Х. К л е в а н с к и й. В. И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Чехословакии. «Советское славяноведение», 1969, № 4.

⁴ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. М., 1969, стр. 402.

⁵ «Ленинский сборник. XXXVI». М., 1959, стр. 288, 289, 311.

⁶ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. См. воспоминания Б. Шмерала, А. Запотоцкого, К. Крейбиха.

тии ввиду ее положения в Центральной Европе и ввиду того, что она массовая партия»⁷.

Некоторые словаки, находившиеся во время Октябрьской революции и в первые годы после нее в Советской России, видели В. И. Ленина, говорили с ним, слушали его выступления⁸. Об одной из таких встреч вспоминал впоследствии один из организаторов и участников Любохнянского съезда М. Кршиак. Это было расширенное заседание президиума Федерации иностранных коммунистических групп в России, происходившее в ноябре 1918 г. в Кремле, на котором присутствовал В. И. Ленин. Одним из важнейших пунктов совещания был вопрос о создании коммунистических партий в европейских странах. М. Кршиак вспоминает о рекомендациях В. И. Ленина коммунистам, которые уезжали к себе на родину. В. И. Ленин считал необходимым учитывать сложившиеся в разных странах условия и исходить из них. Он советовал коммунистам проводить работу в социал-демократических партиях, чтобы завоевать их членов на свою сторону. «...Мы готовились к тому, — пишет М. Кршиак, — чтобы по возвращении на родину вступить в социал-демократическую партию и формировать в ней левое движение»⁹.

Опытный политик и вождь революционной партии российского пролетариата, В. И. Ленин обратил внимание деятелей чехословацкого революционного рабочего движения на два важнейших момента в вопросе создания коммунистической партии: необходимость ее интернационального единства в условиях многонациональной Чехословакии и сохранение ее массового характера. Б. Шмераль, вспоминая о беседе с В. И. Лениным 5 мая 1920 г., писал: «Больше всего мне Ленин задавал вопросов о том, какое отражение имеет в Чехословакии национальный вопрос». И далее Б. Шмераль изложил мысли В. И. Ленина по вопросу интернационального объединения чехословацкого рабочего класса: «Да, положение у вас очень сложное. Путь к боевому объединению чешского и немецкого пролетариата крайне затрудняется у вас всем предшествующим. А все-таки вы должны добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился у вас в одном фронте. Если это не случится, классовая борьба будет происходить у вас в более болезненных формах»¹⁰.

Вспоминая о беседе 21 мая, Б. Шмераль писал: «На этот раз Ленин говорил со мной уже подробно о создании коммунистической партии в Чехословакии. Я получил советы, как работать для того, чтобы по возможности большая часть массовой организации „левой“ социал-демократической партии была завоевана для III Интернационала, как, не теряя связи с основной массой рабочих, организованных в социал-демократической партии, создать компартию»¹¹.

В пролетарском движении в Словакии уже в начале 1920 г. наметилась явная тенденция к интернациональному единству. Необходимость этого была подказана опытом классовой борьбы предшествующего года. 14 марта 1920 г. в Жилине начал работу съезд венгерско-немецкой социал-демократической партии Словакии, на котором присутствовало 54 делегата от 18 партийных организаций. На съезде было принято решение об объединении венгерско-немецкой социал-демократической партии с чехословацкой. Была принята резолюция, в которой говорилось: «Венгерский и немецкий пролетариат в Словакии придерживается того мне-

⁷ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 401.

⁸ «Lenin medzi nami. Spomienky, úvahy, dokumenty». Bratislava, 1970.

⁹ Ibid., s. 81—82.

¹⁰ «Воспоминания о В. И. Ленине», стр. 268.

¹¹ Там же, стр. 270.

ния, что борьба за осуществление социализма только тогда даст результаты, когда пролетариат в отдельных странах будет действовать совместно. Поэтому венгерский и немецкий пролетариат в Словакии заявляет, что как профсоюзные, так и политические организации присоединяются к пражскому как партийному, так и профсоюзному центру»¹². Пролетариат Закарпатской Украины высказался на съезде (20—21 июня 1920 г.) за объединение с чехословацкой социал-демократией. В это же время в организациях социал-демократической партии Словакии начались дискуссии о присоединении к III Интернационалу¹³. 27—28 июня по инициативе Кошицкой организации социал-демократической партии состоялась конференция 134 делегатов профсоюзов Словакии и Закарпатской Украины, которая 29—30 июня продолжала свою работу как конференция 102 делегатов коммунистических групп. Конференция высказалась за единство профсоюзных организаций в Чехословацкой республике и за присоединение к III Интернационалу¹⁴. В течение июля решение о присоединении к Коминтерну было поддержано и одобрено жупными конференциями партии в Комарне, Тренчине, Прешове, Спишской Новой Веси, Баньской Быстрице¹⁵.

Революционное движение в Словакии было массовым и носило политический характер. Словацкие трудящиеся совместно с пролетариатом всего мира выступали против нападения Польши на Советскую Россию. В городах и на предприятиях Словакии проходили митинги и забастовки в поддержку первой в мире Страны Советов и III, Коммунистического Интернационала¹⁶. Во многих местных организациях социал-демократической партии руководство переходило в руки революционных элементов, на митингах и собраниях принимались резолюции, одобряющие непримиримую классовую борьбу с буржуазией. Левые силы социал-демократии в Словакии издавали ряд газет и журналов, приобретавших все больший авторитет среди трудящихся¹⁷. Массовый характер приобрело движение трудящихся и в Чешских землях. Под его давлением руководство чехословацкой социал-демократии решило созвать на 25—28 сентября 1920 г. съезд партии, где должен был решиться вопрос о том, останется ли партия в составе II Интернационала или вступит в Коминтерн. Съезд социал-демократической организации Словакии был назначен на 19 сентября.

После II конгресса III Интернационала (Москва, 19 июля — 7 августа 1920 г.), утвердившего 21 условие вступления в Коминтерн, в местных организациях социал-демократической партии и профсоюзах развернулись дискуссии о принятии этих условий. 5—7 сентября состоялся съезд крупнейшей словацкой профсоюзной организации «Унион», насчитывавшей 40 тыс. членов. Делегаты съезда голосовали за поддержку Коммунистического Интернационала. 17—18 сентября съезд делегатов профсоюзных организаций Словакии и Закарпатской Украины, где было пред-

¹² См. сообщение министерства по делам Словакии от 1 VI 1921 г. министерствам внутренних дел, иностранных дел и национальной обороны, а также канцелярии президента республики. «Komunizmus na Slovensku od prevratu do konce kvétna 1921» (Fotokopia Ústav dejin KSS), s. 25.

¹³ Ibid., s. 26.

¹⁴ «Tisky Poslanecké snemovny Národného shromaždení Republiky Československé, r. 1920». Tisk 812.

¹⁵ L. Holotik. Sjazd socialno-demokratickej strany (I'avice) na Slovensku v januári 1921. «Historický časopis», 1963, č. 3, s. 31.

¹⁶ В июле-августе в поддержку Советской России выступили рабочие Ружомберка и Липтовского св. Микулаша, трудящиеся Гуменского и Михаловецкого районов. За присоединение к III Интернационалу голосовали делегаты конференции социал-демократической партии Зволенской и Спишской жуп. Ibid., s. 224—226.

¹⁷ «Komunizmus na Slovensku...», s. 30—31.

ставлено 300 000 организованных рабочих, постановил немедленно приступить к выполнению рекомендаций III Интернационала¹⁸.

Наиболее решительно в вопросе создания коммунистической партии и принятия 21 условия вступления в Коминтерн высказалась самая молодая и революционная часть пролетариата Словакии, объединенная в «Союз социалистической молодежи Словакии». Летом 1920 г. в Союз входили 42 местные организации, насчитывавшие 5200 человек¹⁹. 5 сентября 1920 г. в Братиславе состоялся съезд Союза, в котором участвовали делегаты рабочей молодежи всех национальностей Словакии, Закарпатской Украины, чешских областей и представитель ИК КИМ. Была принята резолюция о переименовании организации в «Союз коммунистических молодых рабочих Словакии», который в будущем должен был стать частью единого союза коммунистической молодежи всех народов Чехословацкой республики. В решениях съезда говорилось, что «Союз коммунистической молодежи Словакии» присоединяется к Коммунистическому Интернационалу и призывает всех членов партии порвать с вождями, скомпрометировавшими себя оппортунистическим прислужничеством буржуазии, и основать массовую революционную Коммунистическую партию Чехословакии²⁰. В газете «Молодая гвардия», выходящей на венгерском языке, было опубликовано воззвание «Всем рабочим Чехословакии», которое призывало к свержению власти буржуазии и установлению социалистического строя. Воззвание заканчивалось призывом: «Долой изменников рабочего класса — социал-демократов! Пусть они в одиночестве проводят политику предательства рабочего класса! Революционные массы покидают их и создают свою массовую революционную партию — Коммунистическую партию Чехословакии! Кто не с нами, тот против нас! Познаем же своих друзей и врагов! Встанем под коммунистическое знамя! ... Да здравствует III Интернационал, пролетарское знамя мировой пролетарской революции!»²¹

Значение съезда социалистической молодежи Словакии состояло в том, что на нем было открыто и решительно заявлено о необходимости порвать с реформистским социал-демократическим руководством и создать революционную партию рабочего класса. Союз стал активным помощником левых социал-демократических сил в борьбе за создание компартии.

Съезд словацкой социал-демократии, назначенный на 19 сентября в Турчанском св. Мартине, должен был обсудить вопрос о положении в партии, ее задачах и выработать платформу для делегатов, направляемых на общегосударственный съезд. Большинство делегатов, избранных на словацкий съезд, принадлежало к сторонникам «левицы». Правое руководство, опасаясь, что в этих условиях оно не сможет удержать своих позиций, сообщило 11 сентября об отмене съезда. Однако против этого решения выступили как рядовые члены партии, так и руководство всех жудных партийных организаций (кроме Братиславской — цитадели правых), а также Краевой профсоюзный совет в Ружомберке.

15 сентября 1920 г. в Ружомберке вышел первый номер еженедельной газеты «Правда худобы» («Pravda chudoby»), органа «левицы» словацкой социал-демократии. В газете было напечатано обращение ко всем политическим организациям социал-демократической партии в Словакии, под-

¹⁸ «Z bojov za revolučnu stranu. Spomienky na založenie KSC». Bratislava, 1962, s. 226—228.

¹⁹ «Komunizmus na Slovensku...», s. 67.

²⁰ M. G o s i o r o v s k ý. Priespevok k dejinam slovenského robotníckého hnutia Bratislava, 1951, s. 119.

²¹ Ibid., s. 119—120.

писанное руководством 14 жупных организаций и сообщавшее, что съезд состоится в указанный срок в назначенном месте.

19 сентября 1920 г. на съезд в Турчанский св. Маргин прибыло 128 делегатов, 117 из которых были сторонниками «левицы». Они представляли 168 000 членов партии²². Правое руководство, не желая подчиняться решениям большинства, покинуло съезд и провело особое совещание.

На заседании большинства съезда была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости создать интернациональную партию словацкого, немецкого, венгерского и украинского пролетариата в Словакии, которая войдет в качестве составной части в единую коммунистическую партию Чехословацкой республики. Большинство съезда высказалось за III Интернационал и обязалось провести дискуссию о его принципах во всех партийных организациях. До общегосударственного съезда высшим партийным органом для Словакии и Закарпатской Украины стал Исполнительный комитет, состоящий из десяти словаков, одного венгра, одного немца и одного украинца.

Совершенно аналогично развивались события в Праге. 25—23 сентября, вопреки желанию правых, состоялся XIII очередной съезд социал-демократической партии, $\frac{2}{3}$ участников которого были сторонниками «левицы». Делегаты Словакии решительно возражали против того, что словацкий пролетариат представлен в пражском руководстве реформистами, за которыми стоит лишь меньшинство рабочих²³. Было избрано новое руководство партии, состоящее из представителей «левицы».

Турчанско-маргинский съезд отразил революционные настроения словацкого пролетариата и показал, что большинство социал-демократических рабочих Словакии идет за левыми. Но на съезде еще не произошло полного организационного разделения революционных и реформистских сил рабочего движения. Наоборот, одной из задач созданного Исполнительного комитета было воспрепятствовать расколу и сохранить единство партии. Беседа на II конгрессе Коминтерна с А. Запотоцким, В. И. Ленин предостерегал «марксистскую левую» в Чехословакии от иллюзий относительно поведения и намерений правого руководства. Впоследствии А. Запотоцкий так описывал реакцию В. И. Ленина на его сообщение о состоянии дел в партии: «А как партийный съезд? Скоро он у вас будет? Стало быть в сентябре? На что рассчитывает левое крыло? Получите большинство?... Не знаю, не знаю, не радуйтесь преждевременно, вы еще не знаете, как поступят правые, и на что они способны. Вы говорите, что явное большинство членов партии идет за вами. Все это очень хорошо, но ведь руководство-то в руках правых! Пока это так, они еще многое могут предпринять. Они могут отменить съезд. Вы считаете, что это вызвало бы раскол в партии? По-вашему, правые не пойдут на раскол? Не будьте наивны! Правые пошли на раскол в других партиях, не останутся перед ним и у вас. Вы еще увидите, на что они способны, когда им надо удержать свою власть в партии. У нас есть опыты на этот счет, мы тоже прошли через фракционную борьбу»²⁴.

Предвидения В. И. Ленина оправдались. Правые в чехословацкой социал-демократии не остановились перед расколом. Сохранить единство в партии, не причиняя ущерба революционному движению, оказалось невозможным. Но «левица», еще очень слабая в идеологическом и теоретическом отношениях, не понимала этого.

²² «Protokol XIII řadného sjezdu Československé socialno-demokratické strany dělnické». Praha, 1920, s. 190.

²³ Ibid., s. 267.

²⁴ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 286.

Движение трудящихся Словакии летом 1920 г., носившее массовый характер, свидетельствовало об их решимости встать под знамя Коммунистического Интернационала, чтобы революционными методами бороться против власти чехословацкой буржуазии. «Марксистская левиза» шла вместе с этим движением, но пока еще не во главе его. Она выступала тогда в роли наблюдателя и регистратора стихийно развивающегося пролетарского движения, не умея поднять его на более высокую ступень.

Правые, между тем, встали на путь решительной борьбы с «левицей». 7 ноября 1920 г. они создали свою конференцию в Турчанском св. Мартине. Здесь было положено начало организационному оформлению правой социал-демократической партии в Словакии. На конференцию не были допущены представители «левицы». 27—28 ноября 1920 г. в Праге собрался общегосударственный съезд правых социал-демократов. Раскол стал неизбежным.

Исполнительный комитет «марксистской левизы» в Словакии и Закарпатской Украине решил созвать в декабре 1920 г. новый съезд, целью которого было бы создание независимой от правых революционной рабочей организации.

Но провести съезд в намеченный срок помешала забастовка, которая в декабре 1920 г. охватила всю страну. Декабрьская стачка особенно ясно показала буржуазную сущность Чехословацкой республики, подтвердила предательство интересов рабочего класса правыми вождями социал-демократии и продемонстрировала организационную, политическую и идеологическую слабость «марксистской левизы». Необходимость организации боевого революционного штаба пролетарского движения стала очевидной.

16 января 1921 г. в небольшом курортном местечке Любохня под Ружомберком собрался съезд «марксистской левизы» Словакии и Закарпатской Украины. 149 делегатов, из которых было 88 словаков, 36 венгров, 15 немцев, 6 украинцев и 4 еврея, представляли 241 205 человек²⁵, состоящих в политических и профсоюзных организациях²⁶. Делегатами Любохнянского съезда могли стать только сторонники III Интернационала. На съезде присутствовало также 40 гостей. Представителем ЦИК Чехословацкой социал-демократической партии («левицы») был И. Ольбрахт. Немецкий революционный пролетариат Чешских земель послал в Любохню К. Крейбиха.

Программа съезда была следующей: отчет ИК, вопросы организации и тактики партии, вопрос о III Интернационале, выборы нового руководства²⁷.

Местные власти были весьма обеспокоены предстоящим съездом. В приказе липтовского жупана жандармскому отделению в Липтовском св. Микулаше говорилось: «В целях обеспечения порядка и предотвращения возможных антисоциальных выступлений я требую сосредоточения достаточного количества жандармерии, которая должна руководствоваться распоряжениями представителей политических учреждений, которые будут присутствовать на съезде»²⁸. Власти заранее подготовились к разгону съезда.

Съезд начал свою работу 16 января 1921 г. в 10 часов утра в помещении гостиницы «Дом Коллара». При открытии съезда рабочий хор из Вру-

²⁵ L. Holotik. Ibid., s. 349.

²⁶ В профсоюзах за левыми в Словакии шли многие организации сельскохозяйственных рабочих, металлистов, горняков, железнодорожников, рабочих химической, кожевенной, лесной, строительной промышленности. «Komunizmus na Slovensku...», s. 41.

²⁷ «Tisky Poslanecké snemovny NSRČ, r. 1921». Tisk 1302.

²⁸ M. Gosiorovský. Ibid., s. 135.

ток исполнил «Интернационал» и «Песнь труда». Председательствующий М. Чулен во вступительном слове сказал: «Этот съезд имеет огромное историческое значение. Весь мир смотрит, как поведет себя словацкий пролетариат и какие пути он выберет для себя в теперешний исторический период»²⁹.

С поздравлением съезду от имени немецких рабочих в Чешских землях выступил К. Крейбих, который заявил: «Мы стоим перед теми же вопросами, что и вы: перед основанием единой коммунистической партии в Чехословацкой республике. Мы поздравляем вас и надеемся, что данный съезд будет инициатором создания этой партии и первым шагом к этому»³⁰.

В первой половине дня делегаты приняли резолюцию, в которой был выражен протест против преследований рабочего движения и против режима военной диктатуры в Словакии, требующую освобождения всех арестованных во время декабрьской забастовки, отмены цензуры, восстановления всех гражданских свобод, немедленного проведения «социализации», увеличения пособия по безработице и т. д. Съезд направил поздравления революционному пролетариату России и Франции, а также почтил память вождей немецкого пролетариата Р. Люксембург и К. Либкнехта в связи с приближающимся двухлетием со дня их злодейского убийства³¹.

Во второй половине дня заседания съезда проходили по секциям: словацкие делегаты остались в гостинице «Дом Коллара», а венгерские, немецкие, украинские и еврейские делегаты перешли в гостиницу «Фатра». Основным вопросом на заседаниях секций было обсуждение 21 пункта условий вступления в Коммунистический Интернационал. В словацкой секции по этому вопросу выступил И. Ольбрахт, который решительно высказался за принятие всех, в том числе 3-го и 17-го пунктов³², по которым в организациях социал-демократической партии («левицы») развернулась оживленная дискуссия.

После выступления И. Ольбрахта на обсуждение секции был предложен проект резолюции, в котором говорилось: «Съезд пролетариата Словакии и Подкарпатской Руси, состоявшийся 16 января 1921 г. в Любохне, выражает полное согласие с принципами III Интернационала и от имени организованного пролетариата Словакии и Подкарпатской Руси заявляет, что его горячее желание и обязанность — стать рядом с рабочими всего мира, объединенными в III Интернационале»³³.

Выступившие в прениях единодушно высказались за принятие резолюции. В 7 часов вечера присутствующий на съезде представитель властей, решив воспрепятствовать принятию резолюции, именем закона объявил съезд распущенным. Делегаты, поняв, что речь идет о насильственном разгоне съезда, успели все же проголосовать за предложенную резолюцию. Вслед за этим в зал заседания ворвались вооруженные жапдармы и разогнали делегатов.

В венгерской, немецкой, украинской и еврейской секциях делегаты успели принять резолюцию, но дальнейшие заседания также не были разрешены.

Однако, несмотря на запрещение, съезд на другой день, 17 января 1921 г., продолжил свою работу в Ружомберке в помещении, где издава-

²⁹ Ibid., s. 135.

³⁰ Ibid., s. 136.

³¹ L. H o l o t i k. Ibid., s. 348—349.

³² В этих пунктах говорилось о создании нелегальных организаций партий и о переименовании партий, желающих принадлежать к III Интернационалу, в коммунистические.

³³ M. G o s i o g o v s k ý. Ibid., s. 139—140.

лась газета «Правда художбы». В этот день была принята программа партии, которая должна была действовать до общегосударственного съезда «марксистской левой» в Праге, и избран временный исполнительный комитет, председателем которого стал М. Чулен.

«Программа действия»³⁴, принятая в Ружомберке, определила основное содержание работы партии на ближайшее будущее. Она нацелила партию на воспитание своих членов в социалистическом духе и на необходимость организационного укрепления. Программа предписывала членам партии содействовать повсеместному созданию местных партийных организаций и вступить в одну из них, одновременно проводя работу в профсоюзах. В то же время она ни словом не упоминала о конечных целях коммунистического движения, о задачах, которые вставали перед пролетариатом Словакии в той конкретной обстановке. Такая направленность программы объяснялась следующим. Организаторы съезда в Любохне не задавались целью создать самостоятельную революционную партию в Словакии и Закарпатской Украине. Они видели в ней составную часть будущей единой коммунистической партии Чехословакии и поэтому предполагали, что окончательная программа партии будет принята на общегосударственном съезде. Кроме того, в Ружомберке присутствовала лишь часть делегатов, избранных на Любохнянский съезд, и это, видимо, тоже препятствовало широкому обсуждению программы и ее усовершенствованию. Наконец, немалое значение имела идейная слабость и недостаточная теоретическая подготовленность тогдашних руководителей словацкого рабочего движения, одна часть которых вышла из рядов социал-демократии и не освободилась еще от груза социал-демократизма, другая, пришедшая к руководству движением снизу в период массового революционного подъема, страдала от недостатка теоретических знаний.

17 января съезд принял обращение ко всем беднякам Словакии и Закарпатской Украины, в котором говорилось: «Товарищи!... Террор и разгон нашего съезда доказывают, что мы на правильном пути ... Иных путей, чем III Интернационал, нет, поскольку тому, кто нас обманул и предал, мы не можем верить, а это был II Интернационал и его вербовщики, теперешние правые, лакеи буржуазии.

Поэтому в каждом населенном пункте и на каждом предприятии создавайте наши организации, распространяйте нашу печать и поддерживайте дело нашей партии...

Напрягите все силы, пробуждайте до сих пор непросвещенных и разъясняйте им цели нашего движения. Смелым и сильным принадлежит мир и будущее!

Да здравствуют объединенные бедняки! Да здравствуют свобода, равенство, воляность и братство! Да здравствует социалистическая республика!»³⁵

Оценивая значение съезда, министерство по делам Словакии отмечало: «Любохня является гранью в развитии коммунизма в Словакии. С этого времени его развитие быстро идет вперед, а вместе с тем растет и наступательный дух руководства»³⁶.

Любохнянский съезд завершил важный этап в развитии рабочего движения Словакии, этап идейного и организационного размежевания с социал-демократизмом. Он свидетельствовал о радикализации трудя-

³⁴ «Sborník' Ústavu Slovenského národného povstania», Banská Bystrica, 1950, № 4, s. 239—243.

³⁵ Ibid., s. 237—239.

³⁶ «Komunizmus na Slovensku...», s. 43.

щихся масс Словакии и ослаблении долголетнего влияния реформизма и буржуазного национализма в рабочем движении. На опыте борьбы в первые послевоенные годы словацкий пролетариат понял, что его место — не рядом со своей национальной буржуазией, а под знаменем III Интернационала, объединившего революционных рабочих всего мира.

Любохнянский съезд был первым шагом на пути создания единой интернациональной революционной партии рабочего класса Чехословакии. Он способствовал укреплению идей пролетарского интернационализма среди словацких трудящихся, сознания необходимости тесной связи и солидарности угнетенных не только Чехословакии, но и всех стран мира.

Любохнянский съезд заложил организационные основы коммунистического движения в Словакии. И хотя съезд не ставил своей задачей создание самостоятельной коммунистической партии словацкого пролетариата и не принял решения о переименовании созданной организации в коммунистическую, все же его по праву можно считать Учредительным съездом Коммунистической партии Словакии.

На Учредительном съезде Коммунистической партии Чехословакии в мае 1921 г. революционный пролетариат Словакии и Закарпатской Украины был представлен своей единой интернациональной коммунистической организацией.

М. И. КОПАШЕВА

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1918—1920)

Мировая империалистическая война, развал австро-венгерской империи и образование на ее территории самостоятельных национальных государств, в числе которых была Чехословакия, оказали сильное влияние на радикализацию чехословацкой молодежи. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции и послевоенный революционный подъем в национальном и международном масштабе были основным политическим фактором, обусловившим формирование ее революционного сознания. Сильное воздействие на активизацию деятельности прогрессивных молодежных организаций оказало создание III Коммунистического Интернационала, придававшего большое значение участию молодежи в революционном движении. Объективные условия материального существования пролетарской и значительной части студенческой молодежи способствовали быстрому восприятию ими революционных идей. В данной статье рассматриваются основные черты развития социал-демократического движения молодежи — важнейшей составной части прогрессивного молодежного движения Чехословакии 1918—1920 гг.

Следствием раскола рабочего движения по национальной и партийной принадлежности со времен австро-венгерской монархии была и разобщенность движения молодежи. Организации, объединявшие пролетарскую молодежь и часть студенчества, существовали при трех основных социалистических партиях Чехословакии: Чехословацкой социал-демократической, Чехословацкой социалистической и Немецкой социал-демократической¹. В начальный период существования Чехословацкой республики

¹ Чехская социал-демократическая молодежь с 1900 г. объединялась при местных организациях партии. Накануне войны в них состояло около 6 тыс. членов («Protokol XII řádného sjezdu Československé sociálně demokratické strany dělnické». Praha, 1919, s. 250—251). В движении чехской социал-демократической рабочей молодежи перед войной не существовало левого крыла. Немецкая социал-демократическая молодежь была организована в «Союзе молодых рабочих Австрии», который в 1913 г. имел 44 тыс. членов (H. S t e i n e r. Hnutí dělnické mládeže v Rakousku před Říjnovou revolucí. «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, č. 2, s. 111). Во время мировой войны социал-демократическая молодежь Чешских земель не участвовала в международном революционном движении (В. М ю н ц е н б е р г. Штутгартская и Бернская конференции Социалистического интернационала молодежи. М., 1931, стр. 35; Р. Ш и л л е р. Как складывался КИМ. М., 1931, стр. 25). Несмотря на сильные антивоенные настроения молодежи, ее антимилитаристская борьба осталась стихийной (J. В e g á n e k. Rakouský militarismus a boj proti němu v Cechách. Praha, 1955, s. 186—188). Замедленное развитие общественно-политических отношений в Словакии и Закарпатской Украине в предшествующий период обусловило недостаточную политическую активность словацкой и украинской молодежи. Венгерская пролетарская молодежь объ-

социалистические организации чешской и немецкой молодежи продолжали развиваться самостоятельно и между ними почти не было контактов. Среди них особое место занимало «Интернациональное объединение студентов-марксистов»², созданное в Праге в марте 1919 г. В условиях сильного влияния национализма в чешском и немецком рабочем движении это «Объединение» заняло интернационалистскую позицию, о чем свидетельствовал, в частности, его состав: членами организации были чешские и немецкие студенты³. Интерес к марксистской теории и стремление понять сущность происходящих событий явились непосредственной причиной создания этой организации⁴. Она не имела четкой организационной структуры и своего печатного органа. Это был своеобразный дискуссионный клуб, школа по изучению революционного марксизма.

В процессе изучения марксистской теории члены организации познакомились с некоторыми ленинскими работами. В первые послевоенные годы остро ощущался недостаток в марксистской литературе. Большая заслуга в распространении революционных изданий в Чехословакии принадлежала известному чешскому поэту, одному из руководителей анархо-коммунистического движения С. К. Нейману. Произведения В. И. Ленина — глава из книги «Государство и революция» и «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» — были опубликованы в 1919 г. на страницах выпускаемого им журнала «Червен», который пользовался большой популярностью среди молодежи. (В 1920 г. в издательстве «Червен» вышел полный перевод книги «Государство и революция».) Члены «Интернационального объединения студентов-марксистов» познакомились с этой работой В. И. Ленина во время развернувшейся в социалистическом движении

еднялась в социалистической организации с центром в Будапеште, входившей в Социалистический интернационал молодежи. (Od Mezinárodního sdružení socialistických organizací mládeže ke Komunistické internacionále mládeže. Praha, 1927, s. 35). Традиционной формой объединения молодежи, находившейся под влиянием социал-демократов, являлись рабочие физкультурные общества. В 1903 г. чешские физкультурные социал-демократические организации образовали «Союз рабочих физкультурных обществ» (РФО), который в 1913 г. насчитывал 34 тыс. членов (V. M ů s h a. Dějiny dělnické tělovýchovy v Československu. Sv. I, Praha, 1955, s. 70, 79). После образования республики рабочая молодежь массами вступала в РФО и создавала новые физкультурные объединения, полагая, что Союз РФО будет содействовать борьбе пролетариата за социальное освобождение. В августе 1919 г. число его членов составляло уже 122 тыс.; из них 48 130 — школьники до 14 лет и 15 360 — молодежь до 18 лет. («Protokol VI válného sjezdu Svazu dělnických tělovýchových jednot. Praha, 1919, s. 12—13), а к концу 1920 г. возросло до 220 тыс., причем более половины членов составляли дети и молодежь (V. M ů s h a. Ibid., s. 154). В Словакии социал-демократическое физкультурное движение начало развиваться лишь накануне войны. В августе, 1919 г. здесь было всего 3 РФО. В мае 1920 г. их было 20. (J. P e r ů t k a. Sokol na Slovensku v r. 1918—1938. «Historický časopis», 1969, č. 2, s. 204.) Около 20 тыс. немецкой молодежи состояло в 1920 г. в «Союзе немецких рабочих физкультурных и спортивных обществ» (V. M ů s h a. Ibid., s. 154).

² В исторической литературе известно еще одно название этой организации — «Марксистское объединение». Однако это название неточное.

³ Традиционной формой организации социал-демократического студенчества и молодой интеллигенции в Чешских землях были так называемые «Свободные объединения студентов-социалистов», имевшие чешские и немецкие группы. Члены их левой оппозиции составили ядро «Интернационального объединения студентов-марксистов» (P. R e i m a n. Ve dvacátých letech. Vzpomínky. Praha, 1966, s. 8—13). Архивные документы о деятельности «Объединения» до сих пор обнаружить не удалось. (См. I. T e s á g. Komunistické studentské hnutí na pražských vysokých školách v předmnichovské republice. «Acta Universitatis Carolinae. Historica. 1962, III, f. I, s. 15.) Поэтому особенно ценными являются отдельные воспоминания его членов, которые в сочетании с материалами прессы помогают восстановить картину деятельности этой прогрессивной молодежной организации.

⁴ Воспоминания деятеля КПЧ и КПГ И. Винтерница, одного из основателей «Объединения». «1921. Spomienky na vznik KSC». Bratislava, 1962, s. 497.

дискуссии по проблеме «диктатура и демократия»⁵. Знакомство с марксистскими работами оказало сильное влияние на формирование социалистического мировоззрения прогрессивной молодежи. Члены «Интернационального объединения студентов-марксистов» призывали социал-демократов порвать с реформистами, вернуться к революционному марксизму, встать на позиции пролетарского интернационализма⁶. «Объединение» в числе первых социалистических организаций в Чехословакии высказалось за программу III Интернационала (сентябрь 1919 г.)⁷.

Несмотря на то что организация была немногочисленной, она не превратилась в замкнутый академический кружок. Ее члены принимали активное участие в партийных дискуссиях, организованных Марксистской левой, и посылали своих пропагандистов на собрания правых социал-демократов. Председатель «Объединения» Бедржих Ворел выступал вместе с руководящими деятелями левой оппозиции в Чехословацкой социал-демократической партии Богумиром Шмералем и Антонином Заптоцким на одном из первых массовых собраний левых, когда обсуждался вопрос о Советах (31 марта 1919 г.)⁸. В феврале — апреле 1920 г. одновременно с развернувшимся в стране движением рабочего класса и прогрессивной интеллигенции в защиту первой страны социализма, возглавляемым левыми социал-демократами, комитет «Объединения» организовал цикл лекций о Советской России. Осенью 1920 г. в момент наибольшего обострения борьбы внутри Чехословацкой социал-демократической партии большинство членов «Объединения» активно выступило на стороне революционного крыла⁹.

В «Интернациональном объединении студентов-марксистов» начинали путь революционной борьбы многие будущие видные деятели коммунистического движения Чехословакии: Ян Шверма, Вацлав Колепский, Александр Бубеничек, Рудольф Кон, братья Иржи и Йозеф Винтерниц, Кэте Бекманова, Иржи Котятко и др.

Организация стремилась к сотрудничеству с левой молодежью: с социал-демократами, социалистами, анархо-коммунистами и с молодежью из Реалистического клуба¹⁰. Наиболее тесные связи поддерживали ее члены с пражской социал-демократической рабочей молодежью чешской и немецкой национальности¹¹. Лекции и дискуссионные вечера, еженедельно проводившиеся комитетом «Объединения», были основной формой его пропагандистской деятельности. На собраниях «Интернационального объединения студентов-марксистов», которые посещали и молодые рабочие, с лекциями и докладами по проблемам научного социализма и актуальным политическим вопросам выступали руководящие деятели левых: Б. Шмераль, К. Крейбих, В. Ружичка, И. Ольбрахт, А. Мацек и др. Осенью 1920 участники дискуссионных вечеров слушали сообщения Б. Шмералья и И. Ольбрахта об их поездке в Советскую Россию. Пропагандистская работа левой

⁵ Воспоминания известной деятельницы женского коммунистического движения в Чехословакии, члена комитета «Объединения» К. Бекмановой. Ibid., s. 55; «Právo lidu», 16 VII 1920.

⁶ «1921. Spomienky...», s. 52.

⁷ Ibid., s. 57.

⁸ «Dělnický denník», 1 IV 1919.

⁹ «Rudé právo», 25 IX 1920, 9 XI 1920, 12 XII 1920; «1921. Spomienky...», s. 61.

¹⁰ «Var», 1922, č. 10; «1921. Spomienky...», s. 52. Реалистический клуб был создан в 1920 г. представителями пражской интеллигенции из сторонников бывшей Чешской реалистической партии. Под воздействием революционного движения и острой идейной борьбы в социалистических партиях в клубе происходило размежевание между правыми элементами, возглавляемыми университетским профессором Э. Радлом, и левыми, группировавшимися вокруг известного чешского ученого профессора З. Нееды (См. К. J e s h o v á. Leví realisté a Československý Proletkult. «Československý časopis historický», 1968, č. 5).

¹¹ «Rudé právo», 3 XI 1920; «Právo lidu», 8 II 1920.

студенческой молодежи в Чехословакии была отмечена в отчете ИК КИМ II конгрессу Коммунистического Интернационала Молодежи¹².

Настроения чешской социал-демократической рабочей молодежи проявились на ее III съезде, который состоялся 26 декабря 1918 г.¹³ «У нас есть республика, и мы хотим, чтобы она была социалистической», — таков был лейтмотив выступлений в дискуссии по основному докладу «Задачи молодежи в Чехословацкой республике»¹⁴. В принятом на съезде Заявлении приветствовалось образование Чехословацкой республики. Были сформулированы основные социально-экономические и политические требования молодежи: принятие законов об охране труда молодых рабочих, демократизация школы, отделение церкви от школы и ликвидация влияния клерикализма на воспитание молодежи, замена регулярной армии милицией, а также выдвинуто требование осуществления обещанной аграрной реформы и национализации основных отраслей промышленности¹⁵. Эти требования свидетельствовали о том, что молодежь не удовлетворилась частичными уступками правящих классов. Вместе с тем съезд показал, что в движении чешской социал-демократической молодежи не существовало организованной революционной оппозиции, способной выступить с критикой соглашательской политики руководства партии и сформулировать конкретную программу действий. Рабочая молодежь, как и основная масса чехословацкого рабочего класса, питала иллюзии, что с образованием республики социализм стал делом недалекого будущего. Делегаты съезда высказались за объединение чехословацких социалистических партий, восприняв демагогически используемый оппортунистами лозунг единства рабочего класса¹⁶. Идея единства рабочего движения как в национальном, так и в международном масштабе была популярна среди социал-демократической молодежи, выступившей на съезде за создание нового Интернационала¹⁷. Непонимание реформистской сущности политики социал-демократической и социалистической партий свидетельствовало об идейной незрелости молодежи. Таким образом, субъективно искреннее стремление молодых социал-демократов к объединению чехословацкого пролетариата объективно вылилось в поддержку ими националистического и оппортунистического направления в рабочем движении.

Однако на молодежном съезде, хотя и в гораздо меньшей степени, чем на XII партийном, проявились признаки идейного размежевания. Важным симптомом этого явилось выступление представителя кладненской организации рабочего Вацлава Стадника, единственного делегата, высказавшегося против объединения социалистических партий. В материалах III съезда молодежи, опубликованных в центральной социал-демократической прессе, и в подробном отчете, представленном молодежной организацией XII съезду

¹² «Молодежь в революции. Три года пролетарского юношеского движения (1918—1920 гг.)». Пг., 1922, стр. 278.

¹³ I и II съездами считались общеимперские конференции чешской социал-демократической рабочей молодежи, состоявшиеся соответственно в конце 1911 и 1913 гг. Согласно отчету секретариата, делегаты III съезда представляли 6092 члена молодежных организаций Чешских земель. («Protokol XII řádného sjezdu...», s. 250—251). О быстром организационном росте социал-демократического молодежного движения свидетельствовал факт, что почти через год, в ноябре 1919 г., делегаты очередного съезда молодежи представляли уже 34 тыс. членов. («Protokol I samostatného sjezdu československé socialistické dělnické mládeže». «Mladý socialista», — příloha, 8 VII 1920.)

¹⁴ «Protokol XII řádného sjezdu...», s. 251—254; «Mladý socialista», 1 II 1919.

¹⁵ «Protokol XII řádného sjezdu...», s. 255.

¹⁶ См. V. K a š í k. Snaby o jednotnou reformistickou stranu v. 1. 1917—1918 a jejich porážka. Praha, 1961.

¹⁷ «Protokol XII řádného sjezdu...», s. 256.

партии, отмечался факт оппозиционного выступления Стадника, но не приведены его аргументы. Мы, к сожалению, не располагаем протоколом III съезда. Однако, принимая во внимание, что партийная организация Кладно являлась наиболее активной частью формирующегося левого направления в Чехословацкой социал-демократической партии, можно предположить, что делегат от ее молодежных секций обосновал свою позицию в духе революционных принципов. Именно представители кладненской делегации на XII партийном съезде, в частности А. Запотоцкий, наиболее отчетливо выразили взгляды левой оппозиции. Левые социал-демократы принципиально возражали против объединения с национальными социалистами¹⁸.

В целом, резолюции съезда молодежи не вышли за рамки решений XII съезда чехословацкой социал-демократии, на котором победило оппортунистическое направление¹⁹. Об усилении оппортунистических тенденций среди руководства молодежи свидетельствовало то обстоятельство, что на III съезде впервые за много лет не обсуждалось требование предоставления организационной самостоятельности молодежному движению²⁰. Требование организационной самостоятельности во многом определяло характер взаимоотношений чехословацкой социал-демократической молодежи с партией. В самой партии не было единства по этому вопросу. Реформисты были против самостоятельной политической организации молодежи, считая наиболее целесообразной формой ее объединения рабочие физкультурные общества. Как известно, В. И. Ленин всегда поддерживал требование о создании особых политических организаций молодежи. В заметке «Интернационал молодежи» (1916 г.) содержится известное ленинское положение о взаимоотношениях союзов молодежи с партией. Ленин писал о том, что молодежь «по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, за организационную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед»²¹. Коммунистический Интернационал Молодежи включил требование организационной самостоятельности союзов молодежи в свою программу, принятую на I конгрессе в ноябре 1919 г.²².

В чехословацком социал-демократическом движении молодежи борьба за самостоятельную молодежную организацию объективно могла стать составной частью борьбы против правых социал-демократов, поскольку

¹⁸ «Protokol XII řádného sjezdu...», s. 98—99.

¹⁹ См. Я. Б. Ш м е р а л ь. Образование Чехословацкой республики в 1918 г., М., 1967, стр. 279—280.

²⁰ Отличительной чертой пролетарских организаций чешской социал-демократической молодежи (по сравнению с движением молодежи чешских социалистов и немецких социал-демократов) была их организационная зависимость от партии. Единственным результатом борьбы молодежи за признание права на самостоятельное существование ее организаций было постановление VIII съезда чехословацкой социал-демократии (август 1907 г.) о создании молодежных секций при местных партийных организациях. Во главе секций находились краевые и земские, так называемые агитационные комитеты (секретариаты) молодежи. В 1919 г. на молодежном съезде был создан Центральный агитационный комитет.

²¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

²² «Манифест, Программа и Устав КИМ». Тамбов, 1920, стр. 8. Наряду с правильной постановкой вопроса о самостоятельной молодежной организации, в документах I конгресса КИМ содержались ошибки авангардистского характера (см. В. В. П р и в а л о в. Образование КИМ. Л., 1962, стр. 122—123).

такая политическая организация давала больше возможностей для проявления революционной активности молодежи. Это обстоятельство формирующаяся Марксистская левая в целом недооценивала, несмотря на внимание и помощь, оказываемую молодежи. Большинство левых разделяло старую социал-демократическую точку зрения о необходимости объединения молодежи в секциях при партийных организациях²³.

Помимо объективных условий послевоенного периода²⁴, сильное влияние на формирование революционных течений в организациях чешской молодежи оказывало развитие Чехословацкой социал-демократической партии, кристаллизация в ее рядах левых сил. В авангарде революционной молодежи шла социал-демократическая организация Кладно. Кладненская молодежь принимала активное участие в движении за создание Советов. Революционное Кладно было идеологическим и организационным центром этого движения в Чехословакии. Уже весной 1919 г. кладненской левой удалось перейти от пропаганды идеи рабочих Советов к их созданию. 18 апреля 1919 г. на собрании рабочих уполномоченных и представителей других слоев трудящихся Кладно обсуждался вопрос о рабочих Советах. В. Стадник высказался на этом заседании за безотлагательное создание Рабочего Совета Кладно²⁵. Выборы в кладненский Рабочий Совет состоялись во второй половине мая. В соответствии с положением о выборах, подготовленным специальным Комитетом (Комитет был избран на вышеупомянутом собрании), активное избирательное право предоставлялось всем трудящимся, достигшим 16 лет. Избранными в Рабочий Совет Кладно могли быть лица, достигшие 20-летнего возраста²⁶. В состав его Исполнительного комитета вошел один из активистов краевой молодежной организации Карел Геринк, который спустя год был избран секретарем Центрального Рабочего Совета²⁷. Революционно настроенная молодежь Кладно в Манифесте к молодежи Чехословацкой республики, принятом ею на краевой конференции в Раковнике 21 сентября 1919 г., констатировала, что классовая борьба, «ведущаяся во всех без исключения областях общественного развития, неизбежно должна вылиться в диктатуру пролетариата или буржуазии. Нет никакого среднего пути или пункта, где могли бы сойтись два борющихся между собой мира — мир капиталистический и мир социалистический»²⁸. Молодые социал-демократы резко осудили соглашательскую политику социал-демократических вождей и высказались за диктатуру пролетариата. Заявив о своем стремлении следовать примеру революционной России, молодежь присоединилась к лозунгу создания Советов рабочих, солдат и деревенской бедноты. Особое внимание в Манифесте уделено солдатским Советам. Молодежь Кладно обратилась к молодым пролетариям в военной форме с призывом безотлагательно создавать в армии солдатские Советы²⁹. Манифест левой социал-демократической молодежи Кладно явился своеобразным дополнением к Обращению кладненского Рабочего Совета к чехословацкому народу от 21 августа, в котором содержался призыв к созданию рабочих Советов. Авторы Манифеста открыто заявили

²³ «Protokol XIII řádného sjezdu...», Praha, 1920, s. 278—280; «Dělnický denník», 29 XI 1920.

²⁴ С весны 1919 г. в газете «Млады социалиста» начали появляться статьи, отражающие недовольство молодежи социально-экономическим положением в стране.

²⁵ «Dělnický denník», 6 V 1920.

²⁶ Положение о выборах в Кладненский Совет значительно снизило официальный возрастной ценз. Согласно избирательному закону Чехословацкой республики от 31 января 1919 г., активное избирательное право имели лица, достигшие 21 года. («Sbírka zákonů a nařízení Republiky Československé», 1919, č. 75.)

²⁷ Z. K a r n í k. Za Československou republiku rád. Praha, 1963, s. 101, 166.

²⁸ «Oblas Velké Říjnové socialistické rewoluce v Československu. Sborník dokumentů». Praha, 1957, s. 175.

²⁹ Ibid., s. 176.

о своей поддержке III Интернационала. «Мы не скрываем своих симпатий к III Интернационалу и заявляем, что сделаем все возможное для того, чтобы стать активной частью этой могучей организации пролетариата», — говорилось в заключении этого документа³⁰. В отчете ИК КИМ II конгрессу КИМ этот Манифест приведен как свидетельство высокого идейного уровня развития международной революционной молодежи³¹. О последовательно революционной позиции кладненской молодежи свидетельствовал факт, что она, единственная в Чехословакии, направила своего представителя на Учредительный конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, состоявшийся в конце ноября 1919 г. в Берлине. В числе 14 организаций, подписавших Манифест I конгресса КИМ, стоит подпись представителя социал-демократической организации Кладненского края, насчитывающей 9800 членов³². Показателем признания авторитета молодежи Кладно в международном молодежном революционном движении явилось приветственное письмо ЦК РКСМ, направленное в кладненскую социал-демократическую организацию по случаю 1 Мая 1920 г. «Мы знаем, — говорилось в письме, — что рабочая молодежь Кладно и ее социалистическая организация стоят в первых рядах революционной армии борцов за коммунизм»³³.

В материалах Коммунистического Интернационала Молодежи, освещающих процесс становления этой международной революционной организации, в числе левых оппозиционных групп, поддерживавших III Интернационал в 1919 г., упоминаются кладненская и пражская социал-демократические организации³⁴. Революционно настроенная молодежь Праги впервые открыто провозгласила себя сторонницей III Интернационала и Советской России на митинге 18 сентября 1919 г., организованном пражским краевым агитационным комитетом для обсуждения одного из самых актуальных тогда вопросов рабочего движения — о новом Интернационале. После бурной дискуссии, в которой участвовали представители различных течений в социалистическом молодежном движении от анархо-коммунистов до правых социал-демократов, была принята резолюция в поддержку Коммунистического Интернационала³⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что во второй половине 1919 г. в молодежном движении возникло левое революционное направление.

Революционным элементам в чешском социал-демократическом молодежном движении, как и в социал-демократической партии в целом, приходилось преодолевать националистические предрассудки, подогреваемые буржуазно-националистической пропагандой. Особенно отчетливо националистические настроения проявились в связи с возникновением Венгерской и Словацкой советских республик. Чехословацким правящим кругам с помощью националистических лозунгов удалось скрыть от значительной части трудящихся сущность вооруженной интервенции против Венгерской республики. Пропагандистской шумихе поддались и часть социал-демократической молодежи, что проявилось, например, в публикации ее централь-

³⁰ «Ohlas...», s. 177.

³¹ «Молодежь в революции...», стр. 295.

³² Стенограмма I конгресса КИМ. М.—Л., 1930, стр. 29; «Манифест, Программа и Устав КИМ», стр. 6.

³³ Письмо было опубликовано в газете левых социал-демократов Кладно «Свобода» 26 августа 1920 г. Копия письма хранится в ЦПА ИМЛ (ф. 549, оп. 5, ед. хр. 35, л. 15).

³⁴ «Молодежь в революции...», стр. 295; А. К у р е л л а. От Берлина до Москвы. Л., 1931, стр. 71.

³⁵ «Mladý socialista», 25 IX 1919, «Právo lidu», 19 IX 1919; «Souhrnná týdenní hlášení Prexidia zemské správy politické v Praze o situaci za l. 1919—1920». Praha, 1959, s. 100.

ным органом газетой «Млады социалиста» обращения оппортунистического руководства «Союза рабочих физкультурных объединений» с призывом добровольно выступить на борьбу против Венгрии³⁶. Однако большинство молодежных организаций протестовало против участия чехословацких вооруженных сил в интервенции. Молодежь особенно возмущала активность тех членов «Союза РФО», которые вместе с «соколами»³⁷ действовали в добровольческих охранных отрядах³⁸. Под лозунгом защиты «родины и народа» в Словакию отправились четыре добровольческих отряда, получивших за свою деятельность «по поддержанию порядка» благодарность командующего армией в Словакии³⁹. Членов РФО в этих формированиях было значительно меньше, чем «соколов». Однако сам факт участия представителей чешского рабочего класса в буржуазных добровольческих отрядах свидетельствовал о живучести в его среде националистических предрассудков.

Движение молодежи в многонациональных областях Словакии и Закарпатской Украины отличалось рядом существенных особенностей по сравнению с молодежным движением в Чешских землях. С одной стороны, политическое движение словацкой и украинской молодежи не имело традиций, но, с другой, — в рабочем движении этих областей было значительно слабее влияние оппортунистических элементов, чем в Чехии. Тяжелое социально-экономическое положение трудящихся и национальный гнет создавали объективные предпосылки для возникновения здесь радикального молодежного движения. Наиболее энергично и решительно выступала венгерская и немецкая молодежь Словакии, имевшая традиции политической борьбы и поддерживавшая связь с революционными молодежными организациями Австрии и Венгрии⁴⁰. Образование советских республик в Венгрии и Словакии оказало революционизирующее воздействие на рабочую молодежь. Во многих городах после объявления мобилизации новобранцы стихийно отказывались идти на военную службу. Часть молодежи, по признанию полиции, «дала увлечь себя в красные войска»⁴¹. Деятели прогрессивного молодежного движения свидетельствовали, что в рядах венгерской Красной Армии на территории Восточной Словакии боролись сотни молодых словаков и венгров⁴². Были предприняты и попытки создания самостоятельных молодежных групп в Кошице, Ужгороде и Комарно. Большинство их членов составляла венгерская молодежь. Однако эти группы распались вскоре после разгрома революционного движения⁴³.

В отличие от пролетарского молодежного движения в Чешских землях, где кристаллизация левых сил проходила в основном в сложившихся национальных социал-демократических организациях чешской и немецкой молодежи, в Словакии левые течения с самого начала развивались на интернациональной основе. Первой попыткой интернационального объединения пролетарских молодежных групп явился Союз социалистической рабочей молодежи Словакии, созданный в мае 1920 г. на конференции в Липтовском Микулаше. Микулашская конференция приняла решение об

³⁶ «Mladý socialista», 16 VI 1919.

³⁷ Чешская физкультурная организация, созданная в 60-е годы XIX в. для физического и духовного развития народа, после образования Чехословацкой республики стала носителем официальной буржуазно-националистической идеологии.

³⁸ «Ríjen 1917. Vzpomínky na jeho ohlas u nás». Praha, 1957, s. 197.

³⁹ J. M a r e k, L. R o u b á l. Dokumenty k úloze Sokola v období boje o charakter republiky v l. 1918—1920. Praha, 1965, s. 95, 96.

⁴⁰ Archiv Ústavu dějin KSS (AÚD KSS), 1/10/III/4/44; Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА), ф. 29, оп. 3, ед. хр. 58, л. 59.

⁴¹ Archiv Kanceláriei Prezidenta Republiky (AKPR). Spisy D. Liška. «Komunizmus na Slovensku od prevratu do konce května 1921», s. 14.

⁴² «Nové obzory», Košice, 1961, č. 3, s. 39.

⁴³ «Молодежь в революции...», стр. 281.

объединении разрозненных групп рабочей молодежи, возникших осенью 1919 г. в Кошице, Братиславе, Комарно и Ужгороде, а также рабочих физкультурных объединений⁴⁴. Определяющее воздействие на интернационалистскую позицию словацкой, венгерской, немецкой и украинской молодежи Словакии и Закарпатской Украины оказали идеи и опыт Венгерской и Словацкой республик Советов. Важную роль в пропаганде революционных идей сыграли эмигранты-коммунисты из Венгрии. Их влияние на молодежь отмечалось в донесениях земских властей в Прагу⁴⁵. В полицейских списках революционных венгерских эмигрантов находился один из руководителей Союза социалистической рабочей молодежи Словакии Кароль Полани. После падения Венгерской республики он бежал в Словакию, где проводил пропаганду среди молодежи⁴⁶. Революционные эмигранты вели пропаганду и среди прогрессивной молодежи в Чешских землях. В Брно венгерские студенты включались в работу «Свободного объединения студентов-социалистов», в котором уже сотрудничали чешские и немецкие студенты. Под их влиянием организация развернула революционную агитацию, за что была распущена Земским политическим управлением⁴⁷.

В социал-демократическом движении немецкой молодежи развитие левых течений осложнялось тем, что после образования Чехословацкой республики немецкие буржуазные партии и социал-демократия находились в оппозиции к правительству, имея тем самым больше возможностей для маневрирования и влияния на трудящихся. Это во многом обусловило отставание в идейно-политическом развитии немецкой молодежи пограничных районов Чешских земель от молодежного движения в Германии и Австрии, где уже в 1918 г. возникли революционные союзы.

На Учредительном съезде Союза социал-демократической рабочей молодежи немецких областей Чехословакии⁴⁸, как и на проходившем в конце августа 1919 г. съезде Немецкой социал-демократической рабочей партии, проявились первые серьезные разногласия между правыми и революционными элементами. Левые выступили с предложением о присоединении к Коммунистическому Интернационалу и о сотрудничестве с чешской молодежью, но остались в меньшинстве⁴⁹. В отличие от Марксистской левой, немецкие левые социал-демократы не уделяли достаточного внимания молодежному движению⁵⁰. На I съезде немецкого Союза социал-демократической рабочей молодежи правое руководство партии обеспечило ключевые позиции своим молодым сторонникам⁵¹.

Немецкое социал-демократическое движение в Чехословакии поддерживало традиционные тесные связи с молодежным движением Германии, с его как революционным, так и реформистским течениями. Левые группы в Союзе

⁴⁴ «Молодежь в революции...», стр. 282—285; «Z bojov za rev olíčnu stranu. Sromienky». Bratislava, 1962, s. 43—44.

⁴⁵ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 265, л. 62; Там же, ед. хр. 58, л. 100; АКРР. Spisy D. Liška. «Komunizmus na Slovensku...», s. 22.

⁴⁶ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 130, л. 22—23; «Štatný Slovenský Ústredny archiv (SSUA), f. PR, Mat/150/1, č. 824/20.

⁴⁷ «Pod praporem KIM. Sbornik dokumentů k dějinám KSM na Moravě (1921—1938)». Brno, 1962, s. 8.

⁴⁸ В мае 1919 г. на совместном заседании земского и центрального руководства «Союза молодых рабочих Австрии» было решено создать самостоятельную организацию в Чехословакии центром в Теплице-Шанов. (Protokol der gründenden Reichskonferenz der sozialdemokratisch Arbeitjugend in Tschechoslowakische Republik am 27 und 28 September 1919 in Aussig. Teplitz Schonau, 1919, S. 10.)

⁴⁹ «Интернационал молодежи», 1922, № 1.

⁵⁰ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 14; «Интернационал молодежи», 1921, № 6—7.

⁵¹ «Интернационал молодежи», 1920, № 2.

начали возникать лишь с начала 1920 г.⁵² Значительную помощь в идейном и организационном становлении революционной немецкой молодежи оказал Коммунистический Интернационал Молодежи, руководящий центр которого первоначально находился в Берлине. Левые группы поддерживали постоянную связь с ИК КИМ, вследствие чего немецкая молодежь первой имела возможность ознакомиться с материалами III Интернационала. ИК КИМ издавал специально для немецких левых газету «Авангард», которая способствовала установлению связи между отдельными оппозиционными группами⁵³.

Левая социал-демократическая молодежь Чехословакии активно участвовала в политической борьбе революционного рабочего класса. Молодежные организации выступали в первых рядах сил, развернувших антимилитаристскую пропаганду. Антимилитаристские настроения молодежи проявились в связи с обсуждением закона о воинской повинности, непосредственно затрагивавшем ее интересы. В противовес официальному проекту создания регулярной кадровой армии молодежь поддерживала требование социал-демократов о создании милиции. Деятели прогрессивного молодежного движения впоследствии отмечали, что левая социал-демократическая молодежь поддерживала это пацифистское требование, как единственно известную ей альтернативу системе буржуазного милитаризма⁵⁴. Отношение молодежи к чехословацкой армии было одним из основных идеологических вопросов, по которым происходило размежевание в социал-демократическом молодежном движении. После принятия парламентом в марте 1920 г. законопроекта о создании постоянной армии по всей стране состоялись антимилитаристские митинги, на которых левая социал-демократическая молодежь обоснованно указывала на сходство закона о военной повинности Чехословацкой республики со старым австрийским законом и выражала решительный протест против любой попытки использования чехословацкой армии в империалистических целях⁵⁵. В антимилитаристских статьях, опубликованных в газете «Млады социалиста», разяснялась позиция левой социал-демократической молодежи, выступавшей против использования армии в классовых интересах буржуазии. Земские власти доносили центральным государственным органам об активной антимилитаристской пропаганде левой социал-демократической молодежи⁵⁶. Не случайно «Млады социалиста» — первая в Чехословацкой республике газета, подвергшаяся конфискации⁵⁷. Пльзенская газета «Омладина», ставшая рупором правых молодых социал-демократов, поместила целый ряд статей, выдержанных в духе официальной пропаганды, использовавшей патриотические чувства широких слоев чехословацкого общества.

Разоблачение революционной молодежью чехословацкого милитаризма сочеталось с ее борьбой в защиту Советской России. Молодежь выступала против помощи буржуазно-помещичьей Польше, напавшей на первую страну социализма. В поддержку борьбы рабочих Праги против империалистической внешней политики правительства «Млады социалиста» опу-

⁵² «Интернационал молодежи», 1922, № 1; А. Курелла. От Берлина до Москвы, стр. 94, 95; Воспоминания известного деятеля КПЧ и СЕПГ Карела Кнешке. «Ríjen 1917», s. 112.

⁵³ «Интернационал молодежи», 1922, № 1.

⁵⁴ «Ríjen 1917», s. 198.

⁵⁵ «Mladý socialista», 15 IV 1920.

⁵⁶ Státní Archiv Brno (SAB), f. B 40, č. j. 6499/21; AKPR. Týdenní zpráva státní policie ve Slezsku o situaci 1—8 VIII 1920; ЗОГА, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 58, л. 8, 14., ед. хр. 283, л. 66, 67.

⁵⁷ В июле 1920 г. был запрещен цензурой ее сорок третий номер из-за помещенных в нем материалов антимилитаристского характера.

ликовал статью «Борьба империализма против социализма», в которой, в частности, говорилось: «Наши симпатии на стороне России. Пролетарская молодежь Чехословакии посылает привет героическим русским рабочим и желает им справедливой победы. Да здравствует русский пролетариат и его гениальный вождь Ленин!»⁵⁸. В первой декаде августа 1920 г. вновь прокатилась волна антимилитаристских митингов, организованных Центральным и краевыми агитационными комитетами чехословацкой социал-демократической молодежи. «Мы предупреждаем тех, кто решает вопросы войны и мира в Чехословацкой республике,— говорилось в резолюции митинга пражской молодежи,— не рассчитывайте на нас в войне с Россией»⁵⁹.

Осенью антимилитаристское движение поднялось на более высокую ступень. Чешская и немецкая молодежь организовала совместные антимилитаристские выступления в Брно, Остраве, Теплице и других городах⁶⁰. О росте революционного сознания немецкой левой молодежи свидетельствовал митинг, состоявшийся 1 августа в Стржибже. Молодые немецкие социал-демократы выступили на этом митинге с критикой изжившего себя пацифистского требования милиционной системы и заявили, что антимилитаристскую пропаганду они рассматривают как средство разложения буржуазной армии — орудия буржуазного государства. В знак солидарности с Советской Россией и революционным рабочим движением они призвали усилить антимилитаристскую пропаганду в армии⁶¹. В докладе МВД Земскому политическому управлению в Праге о революционной деятельности немецкой молодежной организации особо отмечалась пропаганда левыми социал-демократами лозунга создания Советов в армии⁶². 3 октября 1920 г. Центральный агитационный комитет чехословацкой социал-демократической молодежи и немецкий Союз социал-демократической молодежи выступили в центральном органе Марксистской левой — «Руде право» с совместным обращением к новобранцам, в котором содержался призыв вести антимилитаристскую пропаганду в армии с позиций классовой борьбы.

Левая социал-демократическая молодежь активно выступила на стороне революционного крыла партии в борьбе за идейное и организационное размежевание с оппортунистами. Молодые социал-демократы принимали активное участие в председательской дискуссии о политической линии партии. Начиная с апреля 1920 г. «Млады социалиста» регулярно публиковал статьи, доказывающие пагубность для рабочего класса политики классового сотрудничества с буржуазией. Большинство молодежных организаций резко критиковало соглашательскую политику официального руководства социал-демократии. Исключение составляла краевая организация Пльзень, представители которой приняли на своем заседании резолюцию о поддержке руководства партии⁶³. Молодежь одной из первых выступила в поддержку представителей Марксистской левой, обратившихся 15 сентября 1920 г. к социал-демократическим организациям с призывом провести отложенный правым руководством очередной XIII съезд Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в ранее назначенный срок. 17 сентября Центральный агитационный комитет молодежи совместно с комитетом социал-демократической организации женщин призвали деле-

⁵⁸ «Mladý socialista», 27 VI 1920.

⁵⁹ Там же, 19 VIII 1920.

⁶⁰ АКРР. Týdenní zpráva státní policii ve Slezsku o situaci 30 V—6 VI 1920, 1—8 VIII 1920; «Boj o směr vývoje Československého státu. Dokumenty», sv. II, Praha, 1969, s. 235—236.

⁶¹ «Boj o směr vývoje...», sv. II, s. 265—267.

⁶² ЗОГА, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 194, л. 105, 106.

⁶³ «Omladina», 16 VII 1920.

готов принять участие в съезде в намеченный срок ⁶⁴. Несмотря на сопротивление правых, съезд открылся своевременно — 25 сентября 1920 г. Представители молодежных организаций в ходе дискуссий выступили на стороне революционных элементов, требовавших решительного размежевания с соглашателями ⁶⁵. Делегаты Кладно К. Геринк и В. Стадник участвовали в дискуссии об идеологических и тактических принципах партии. В. Стадник поддержал А. Заптоцкого, решительно выступившего против каких-либо соглашений с реформистами. Подлинное единство партии возможно, если мы будем идти путем бескомпромиссной, классовой борьбы, — заявил он ⁶⁶. К. Геринк говорил об интернациональном объединении пролетариата страны как о важнейшей задаче революционного рабочего класса ⁶⁷. Делегаты молодежи обратились к съезду с воззванием, в котором подчеркивалась настоятельная необходимость вступления партии и молодежной организации в III Интернационал ⁶⁸. Орган ИККИ — журнал «Коммунистический Интернационал» в статье о расколе в чехословацкой социал-демократии особо отметил активность молодежи при обсуждении вопроса о присоединении к III Интернационалу ⁶⁹.

Процесс размежевания левой молодежи с социал-демократией ускорился под влиянием решений II конгресса Коминтерна. Принятые конгрессом условия вступления в Коммунистический Интернационал дискутировались во всех социал-демократических организациях, в том числе и в молодежных. Молодежь менее всего отягощенная оппортунистическими традициями, стала в первые ряды борцов за создание Коммунистической партии Чехословакии. «Ряды молодежи не знают оппортунизма. Они инстинктивно ощущают его страшное зло», — писала «Руде право» ⁷⁰. Политические проблемы своего движения молодежь решала в соответствии с главной задачей, стоящей тогда перед чехословацким рабочим движением, — задачей создания революционной партии нового типа. Состоявшийся 5 сентября 1920 г. съезд молодежи Словакии и Закарпатской Украины постановил переименовать социал-демократическую молодежную организацию в Коммунистический союз молодежи Словакии и вступить в КИМ ⁷¹. Союз коммунистической молодежи, объединивший в своих рядах революционную словацкую, венгерскую, украинскую и немецкую молодежь Словакии, выступил с инициативой создания совместно с молодежью Чешских земель интернациональной коммунистической организации ⁷². В «Обращении ко всем рабочим Чехословакии» съезд революционной молодежи резко осудил реформистскую деятельность правых социал-демократов, сдерживающих революционную активность пролетариата, и призвал к созданию единой Коммунистической партии ⁷³. Молодежь активно участвовала в подготовке и проведении съезда представителей левых организаций пролетариата всех национальностей Словакии и Закарпатской Украины, состоявшегося 16—17 января 1921 г. в Любохне ⁷⁴. Как известно, любохнян-

⁶⁴ «Prosincová generální stávka 1920. Sborník dokumentů». Praha, 1961, s. 25—26; «Právo lidu», 18 IX 1920.

⁶⁵ «Protokol XIII. řádného sjezdu...», s. 47, 57. «Руде право» в отчете о заседаниях съезда отметило бескомпромиссную позицию делегатов молодежи Кладно («Rudé právo», 2 X 1920).

⁶⁶ «Protokol XIII řádného sjezdu...», s. 47.

⁶⁷ Ibid. s. 57.

⁶⁸ Ibid. s. 279.

⁶⁹ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 15.

⁷⁰ «Rudé právo», 23 X 1920.

⁷¹ «Az Ifjú Gárda», 15 IX 1920.

⁷² Ibid.

⁷³ «Roky prvých bojov. Sborník dokumentov z robotnickeho hnutia Zapadoslovenského kraja (1918—1921)». Bratislava, 1961, s. 173—174.

⁷⁴ «Mladý delník», 15 I 1921; «Roky prvých bojov...», s. 177.

ский съезд постановил принять 21 условие и вступить в III Интернационал. Немецкая левая молодежь Чехословакии, как и молодежь Словакии, опередила левое крыло партии и высказалась за вступление в Коммунистический Интернационал Молодежи. Решение о полном разрыве с социал-демократической партией 82 голосами против 22 принял съезд молодежи, проходивший 31 октября — 1 ноября 1920 г. в Карловых Варах ⁷⁵.

Формирование революционного направления в молодежных социал-демократических организациях Словакии, Закарпатской Украины и других областей Чехословакии началось позднее, чем в Чехии. Однако в течение первого полугодия 1920 г. немецкая левая молодежь и молодые социал-демократы Словакии и Закарпатской Украины преодолели это отставание. Осенью 1920 г. революционная молодежь этих областей страны первой организационно размежевалась с социал-демократией. Значительное воздействие на молодежь Чехословакии оказали события, связанные с успешным наступлением Красной Армии на советско-польском фронте.

Процесс консолидации левых сил в чешском молодежном движении проходил параллельно с формированием революционного крыла партии — Марксистской левой, которая на XIII съезде оформилась в Чехословацкую социал-демократическую рабочую партию (левую). Стремление Марксистской левой привлечь на позиции III Интернационала возможно большее число членов и тем самым сохранить массовость партии оказывало положительное влияние на молодежь, так как сдерживало левосектантские тенденции, получившие распространение в революционных молодежных организациях других стран, в том числе в Австрии и Германии. Вместе с тем тактический принцип левой «все во имя партийного единства», который был подвергнут критике ИК КИ в «Обращении к Марксистской левой» от 26 августа 1920 г., недооценка ею значения авангардной роли партии, а также организационной самостоятельности молодежного движения осложняли процесс развития политической активности чешской молодежи. Этим объясняется ее нерешительная позиция в вопросе создания самостоятельного союза революционной молодежи. Вопрос о Коммунистическом Интернационале Молодежи обсуждался на состоявшемся 23—24 октября 1920 г. в Праге II съезде Чехословацкой социал-демократической молодежи (левой) ⁷⁶. II съезд высказался в поддержку принципов III Интернационала, однако постановил вступить в его секцию — КИМ одновременно с партией ⁷⁷.

В соответствии с постановлениями национальных съездов левой социал-демократической молодежи началась подготовка к объединению революционных молодежных организаций страны на принципах Коммунистического Интернационала Молодежи. На состоявшемся 9 декабря заседании Комитета действия, в который входили представители революционных молодежных организаций, было принято решение назначить на 27 февраля 1921 г. внеочередной съезд чешской молодежи для решения вопроса о ее вступлении в КИМ. На следующий день, 28 февраля, предполагалось провести объединительный съезд с целью создания единой коммунистической молодежной организации. Примечательно, что Комитет связывал необходимость объединения революционных молодежных организаций в

⁷⁵ «Rudé právo», 3 XI 1920. Из 32 тыс. членов Союза лишь около 8 тыс. остались на реформистских позициях. («Юный коммунист», 1921, № 7, стр. 22.)

⁷⁶ Делегаты II съезда представляли свыше 28 тыс. членов («Rudé právo», 25 X 1920). Правые созвали свой съезд, который состоялся одновременно со съездом реформистского крыла партии (27—29 ноября 1920 г.). Лишь около 6 тыс., которые на 2/3 состояли из членов пльзенской краевой организации, высказались за социал-демократическую политику. («Právo lidu», 5 XII 1920; «Akademie», 1920, č. 12.)

⁷⁷ «Rudé právo», 25 X 1920.

Чехословакии с задачей создания единого революционного фронта пролетариата и молодежи для борьбы в защиту Советской России⁷⁸. Заседание Комитета действия, проходившее в Народном доме, было сорвано полицией. Начинались известные декабрьские события. Революционно настроенная молодежь принимала активное участие в забастовке рабочего класса⁷⁹.

Декабрьские события, показавшие настоятельную необходимость создания интернациональной коммунистической организации пролетариата, ускорили образование Коммунистического союза молодежи Чехословакии. После подавления стачки, в обстановке жестоких репрессий революционная молодежь продолжала вести борьбу за присоединение к III Интернационалу. 23 декабря, т. е. через неделю после подавления забастовки, состоялось заседание Комитета действия, на котором было принято решение ускорить созыв съезда левой чешской молодежи⁸⁰. Комитет действия хорошо осознавал, — говорилось в Отчете о движении молодежи Учредительному съезду КПЧ, — что молодежь не сможет самостоятельно, без организованного пролетариата, успешно разрешить проблему объединения всех революционных сил. Однако ввиду промедления левой в вопросе присоединения к III Интернационалу Комитет действия молодежи считал необходимым ускорить подготовку к вступлению в КИМ и тем самым оказать давление на старших товарищей⁸¹. В январе 1921 г. проходила подготовка к созданию единого революционного союза. Представители революционной молодежи всех национальностей Чехословакии обсуждали вопрос о политической программе и организационной структуре будущей организации. Была быстро достигнута договоренность о том, что объединенная молодежь вступит в КИМ в соответствии с условиями Коммунистического Интернационала, и принят принцип полного равноправия молодежи всех национальностей в будущем едином Союзе⁸².

6 февраля 1921 г. в Праге состоялся внеочередной съезд молодежи Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (левой), который стал Учредительным съездом чешского Союза коммунистической молодежи.

Объединительный съезд революционных молодежных организаций Чехословакии состоялся нелегально 20 февраля 1921 г. в Праге. В Обращении съезда «К рабочим всех национальностей Чехословацкой республики» содержался призыв к скорейшему объединению революционных отрядов пролетариата страны⁸³.

⁷⁸ «Zpráva o hnutí mládeže XIV sjezdu...». «Rudé právo», 13 V 1921.

⁷⁹ «Souhrnná týdenní hlášení...», s. 311. «Jiskry a plameny. Sborník dokumentů k dělnickým hnutím Českomoravské vysočiny (1917—1921)». Havlíčkův Brod, 1960, s. 104, 105; ЗОГА, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 14, л. 31; «Nové obzory», 1961, ч. 3, s. 40; F. Zřídkava veselý. Účast revoluční mládeže Brněnska na bojích v prosinci 1920. «Sborník Matici Moravské», 1961, s. 88; «Rudé právo», 13 IV 1921; «Mladý komunista», 1 VIII 1921; «Rudé právo», 13 V 1921; K. V a Š. K otázkám rozsahu a hloubky perzekuce revolučního hnutí za prosincové generální stávky 1920 a po ní; «Nová mysl», 1969, ч. 10, s. 1247.

⁸⁰ «Mladý dělník», 15 I 1921.

⁸¹ «Rudé právo», 13 V 1921.

⁸² ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 5, ед. хр. 36, л. 5; «Sílu nám dávala strana. Vzpomínky». Praha, 1961, s. 19.

⁸³ «Mladý komunista», 1 III 1921.

В. Г. КАРАСЕВ

СОТРУДНИЧЕСТВО ЖИВОИНА ЖУЁВИЧА В «СОВРЕМЕННОМ» (1863—1865)

Сотрудничество серба Живоина Жуёвича (1838—1870) в подцензурном органе русской революционной демократии прошлого столетия — журнале «Современник» — примечательно уже потому, что это единственный пример такого рода в богатой истории русско-южнославянских общественных связей и отношений 60-х годов XIX в. К сожалению, этот вопрос до сих пор не изучен и не объяснен.

В настоящей статье делается попытка прочитать столь интересную страницу из истории русско-южнославянских общественных связей.

Впервые сам факт сотрудничества сербского публициста в «Современнике» был отмечен еще в 1957 г. в «Истории философии»¹, а позже был подтвержден В. Боградом в указателе содержания журнала².

Таким образом, принадлежность Живоину Жуёвичу двух монографических статей, опубликованных в «Современнике»: «Славянский юг» (1863 г., № 6, стр. 259—274) и «Сербское село» (1866 г., № 5, стр. 125—162), первая из которых была подписана псевдонимом «Ж. Склав», а вторая — буквой «Ж», можно теперь считать бесспорно доказанной³. Однако в упомянутых выше изданиях из-за отсутствия необходимых данных об авторе не были показаны обстоятельства появления в журнале интересующих нас статей, не было раскрыто и их содержание. Между тем это имеет большой научный интерес, так как позволяет не только объяснить сам факт сотрудничества, но и оценить его значение в истории русско-южнославянских общественных связей, расширить наши представления о процессе формирования демократических взглядов по славянскому вопросу в передовой русской журналистике 60-х годов прошлого столетия.

Хорошо известно, что Н. Г. Чернышевский, признанный идеолог русской революционной демократии, придавал большое значение освещению в журнале славянского вопроса, который к началу 60-х годов вышел из узких рамок университетских аудиторий и получил широкое общественное

¹ «История философии», т. II. М., 1957, стр. 460.

² В. Боград. Журнал «Современник» 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959. См. № 4781, 01234; 5197, 01327.

³ Помимо указаний самого Ж. Жуёвича о принадлежности ему двух упомянутых статей в «Современнике» (см. письмо Ж. Жуёвича А. Н. Пыпину от 16 XII 1864 г. Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 438 (Литфонд), ед. хр. 13, л. 241; письмо Ж. Жуёвича А. Н. Пыпину от 24 I 1866 г. Там же. Архив А. Н. Пыпина, ф. 621, ед. хр. 323; письмо Ж. Жуёвича Валентину Федоровичу Коршу от 12 II 1866 г. Там же, ф. 438 (Литфонд), ед. хр. 15, л. 23), до нас дошли и другие свидетельства — гонимые ведомости «Современника» (1856—1864) и конторская книга редакции за 1865 г. Архив ИРЛИ (Пушкинский дом), № 628, оп. 1, ед. хр. 2, л. 45; ед. хр. 8, л. 141.

звучание. «Все органы русской журналистики, — констатировал он в 1861 г., — очень горячо сочувствуют славянским племенам»⁴. Эту же мысль чуть раньше на страницах «Современника» выразил А. Н. Пыпин: «В нашей литературе, — писал он в «Современном обозрении» за 1861 г., — выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу. Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания...»⁵

Следует иметь в виду, что славянофилы в то время считали себя единственными представителями интересов славянского мира в русской журналистике. Своими известными статьями — «Народная бестолковость» и «Самозванные старейшины»⁶ — Чернышевский нанес серьезный удар по замыслам славянофилов и панславистов, действовавших как в России, так и за ее пределами.

В трудах Чернышевского было дано теоретическое решение славянского вопроса с демократических позиций. Русские революционные демократы, их сторонники и последователи видели путь для решения славянского вопроса в революционной борьбе трудящихся масс поработанных славянских народов за свое национальное и социальное освобождение в тесной связи с революционными силами Европы и России. В отличие от славянофилов, возлагавших свои надежды в решении славянского вопроса на русское самодержавие, революционные демократы связывали дело освобождения славян с демократической, свободной Россией. Чернышевский выдвинул перед национально-освободительным движением славян ясную программу союза угнетенных народов, единственно способного сокрушить власть всех и всяческих угнетателей. Он призывал зарубежных славян к решительным революционным действиям. «Без войны (национальной революции. — В. К.) никакой народ ни от какого чужого ига не освободится, писал он, — ... вы сами легко можете одолеть прямых ваших врагов». «Им (болгарам и сербам. — В. К.) нужна только уверенность, что другие державы не станут мешать их освобождению; остальное все они сделают для себя сами»⁷.

В революционных кругах Н. Г. Чернышевский считался авторитетом по славянскому вопросу. Однако вождь русской революционной демократии не имел ни времени, ни возможностей специально изучать зарубежные славянские народы. Поэтому он делал все от него зависящее, чтобы привлечь в руководимый им журнал знатоков западных и южных славян из числа русских и иностранных авторов. Крупным специалистом по славянскому вопросу в «Современнике» был А. Н. Пыпин. Но в ту пору он занимался преимущественно чешской литературой. В 1856—1857 гг. в журнале сотрудничал выдающийся общественный деятель Польши, Белоруссии и Литвы З. Сераковский, который опубликовал на его страницах ряд оригинальных статей и вел отдел «Заграничные известия».

Сложнее всего обстояло дело с систематическим освещением положения славян Балканского полуострова. Этих сюжетов в случае крайней необходимости касался сам Чернышевский⁸.

⁴ Н. Г. Чернышевский. «Современник», 1861 г.; кн. 10. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 829.

⁵ «Современник», 1861, кн. 3, стр. 2.

⁶ Там же, кн. 10; 1862, кн. 3.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1950, стр. 837, 839, 841.

⁸ «Главным источником наших сведений о Сербии, — сетовал он, — к сожалению, служат константинопольские и австрийские газеты, враждебные сербам». (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 642). В 1857 г. Чернышевский опубликовал рецензию на книгу Л. Ранке «Сербская революция», переведенную П. Бартевым на русский язык под названием «История Сербии по сербским источ-

Отсутствие в журнале специалиста по южным славянам особенно остро дало себя знать в начале 60-х годов, когда, воспользовавшись закрытием «Современника» и арестом Чернышевского (7 июля 1862 г.), славянофильская газета «День» обрушилась с яростными нападками на позицию журнала по славянскому вопросу.

После того как в Аксаковском «Дне» с введением в редакционный аппарат в 1863 г. Райко Жинзифова окончательно конституировался славянский отдел газеты, русские демократы, объединенные вокруг «Современника», почувствовали настоятельную необходимость усилить борьбу против славянофилов и панславистов, чтобы отстоять свою концепцию славянского вопроса. Друзья и единомышленники Чернышевского сделали все возможное, чтобы не уронить знамя своего учителя и в трудных условиях наступающей реакции попытаться защитить честь русской демократии и по возможности продолжить начатое им дело. С 1 января 1863 г. в Петербурге под редакцией Г. З. Елисеева стала выходить ежедневная политическая и литературная газета демократического направления — «Очерки». В этой газете, просуществовавшей три месяца (вышло всего 94 номера), усилиями ряда сотрудников «Современника» была предпринята попытка основать славянский отдел, противопоставив его аналогичному отделу славянофильского «Дня».

Исследование специальной рубрики «Очерков» — «Славянские земли», в которой за время существования газеты было помещено 19 материалов⁹, в том числе две программные теоретические статьи по славянскому вопросу: «Письма о чехах» (№ 34 и 41) и «Слово южного славянина к славянофилам» (№ 89), показывает, что фактические руководители газеты Елисеев и Антонович отдавали себе ясный отчет о важности и необходимости славянского отдела. Хотя все материалы этого отдела в газете были анонимными, тем не менее нам удалось не только раскрыть их авторов, но и в общих чертах восстановить историю создания самого отдела «Славянские земли» в «Очерках».

Главная заслуга в создании отдела и определении его идейной направленности принадлежала русскому революционеру, активному участнику «Земли и Воли», ученому-слависту, соратнику Н. Г. Чернышевского — П. А. Ровинскому. Именно в его статьях («Письмах о чехах» и др.) содержались наиболее важные теоретические выводы по славянскому вопросу, сделанные с революционно-демократических позиций. В них наиболее полно выражены его взгляды на судьбы славянского мира, на его место и роль в развитии европейской цивилизации.

Идея создания славянского отдела в «Очерках» обсуждалась среди сотрудников «Современника», причастных к газете, еще до начала ее выхода в свет. По всей вероятности, Пыпин рекомендовал в качестве его руководителей П. А. Ровинского и серба Живоина Жуевича, с которыми был лично знаком.

никам» (Москва, 1857). К 1859 г. относится написанная Н. Г. Чернышевским и В. А. Обручевым статья «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию», основная мысль которой выражена в словах: «Сербы с оружием в руках приобрели себе и свободу политическую — и с нею народно-экономическую независимость». (Полн. собр. соч., стр. 627). В 1861 г. была напечатана рецензия под названием «Народная bestолковость» на первые два номера славянофильской газеты «День», а в следующем году острый памфлет «Самозванные старейшины», явившийся гневной отповедью на опубликованную в 1860 г. в Лейпциге брошюру «К сербам. Послание из Москвы», написанную А. С. Хомяковым и подписанную одиннадцатью видными деятелями славянофильского лагеря.

⁹ См. «Очерки», 1863, № 7, 12, 18, 24, 30, 38, 47, 52, 60, 65, 72, 78, 79, 83, 85, 89, 91.

В начале 1861 г. Ровинский возвратился из научной командировки в Чешские земли и вскоре стал активным деятелем «Земли и Воли». Летом того же года после окончания Киевской духовной семинарии в Петербург прибыл и Жуёвич, став студентом XXIV курса С.-Петербургской духовной академии. Одним из его первых знакомых среди русских ученых-славистов в Петербурге был А. Н. Пыпин, земляк, сотоварищ по учебе и большой личный друг Ровинского. Скорее всего где-то в 1862 г. при посредничестве Пыпина Ровинский познакомился с Жуёвичем. Славист по образованию, Ровинский искал контактов с южными славянами, особенно с сербами, живой и устойчивый интерес к которым он проявил еще со студенческих лет (он был учеником В. И. Григоровича в Казанском университете) и остался верен ему до конца жизни. Достаточно сказать, что первая его печатная работа была посвящена общественному и домашнему быту сербов¹⁰, а последняя, подводящая итог всей его многолетней научной деятельности, — фундаментальному исследованию истории, быта и нравов черногорцев¹¹.

Оказавшись в Петербурге, Ж. Жуёвич устанавливает связи не только с русскими прогрессивными общественными деятелями, но и со своими соотечественниками — студентами, обучавшимися в ту пору в разных учебных заведениях русской столицы. Еще в Киеве он написал статью «О распространении грамотности в простом народе сербском», которая была напечатана в № 23 киевского журнала «Руководство для сельских пастырей» за 1863 г. (11 июня) и в том же году перепечатана «Русским педагогическим вестником» (№ VIII).

В отделе «Славянские земли» Ровинский обзирал положение австрийских, а Жуёвич — турецких славян. Первый написал 6 обзоров¹² и статью «Письма о чехах», второй — 11 обзоров¹³ и статью «Слово южного славянина к славянофилам».

Продолжая дело своего учителя Чернышевского, Ровинский и Жуёвич последовательно проводили в газете идею революционной борьбы поработенных славянских народов за свое освобождение, за союз всех славян на свободных, демократических началах.

Сказанное выше позволяет понять атмосферу, в которой происходило формирование взглядов Живоина Жуёвича в первый период его жизни и деятельности в Петербурге. За время краткого, но плодотворного сотрудничества в «Очерках» проявились его незаурядные способности публициста — специалиста по славянскому вопросу в России. Первый опыт работы в ежедневной газете оказался настолько успешным, что как только возобновился «Современник», Жуёвич сразу становится его постоянным сотрудником.

Чтобы понять и оценить первое выступление Жуёвича в ведущем органе русской революционной демократии, необходимо остановиться на его статье «Слово южного славянина к славянофилам», появившейся незадолго до открытия «Очерков».

В двойном номере «Современника» за 1863 г., вышедшем после 8-месячного запрещения (с июня 1862 г.), начали печататься очерки Н. Берга «Мои скитания по белу свету», вызвавшие резко отрицательную реакцию славянофильского «Дня», разразившегося статьей «Два слова по поводу статьи г. Николая Берга „Мои скитания по белу свету“»¹⁴. Эту статью за

¹⁰ «Журнал министерства народного просвещения», 1856, № 4.

¹¹ П. А. Р о в и н с к и й. Черногория в ее прошлом и настоящем. В трех томах. СПб., 1888—1911.

¹² «Очерки», 1863, № 7, 24, 38, 72, 83, 85.

¹³ «Очерки», 1863, № 12, 18, 30, 47, 52, 60, 65, 78, 79, 89, 91.

¹⁴ «День», 1863, № 9.

подписью «Южный славянин»¹⁵ редактор «Дня» И. С. Аксаков сопроводил своими примечаниями. И Жинзифова и Аксакова возмутило «жестокое кощунство» Берга, назвавшего славян «чернорабочим племенем Европы». Поскольку Ж. Жуёвич был сам южным славянином, он решил «со своей стороны сказать по этому поводу несколько слов»¹⁶.

В отличие от славянофилов Жуёвич согласился с мнением русского путешественника, считая высказанный им взгляд искренним и справедливым, хотя и заметил, что по прочтении статьи Берга «что-то тяжелое легло на нашу душу». Но эта тяжесть у автора «Слова» вызвала иную, совершенно не схожую со славянофильской реакцию: «Не оторванность от своего народа, не ренегатство г. Берга заставило произнести такой жестокий приговор „целому племени“, — говорит он, — а скорее любовь, сочувствие, боль, как выражаются, души за этот черный неподвижный народ, который вы, господа славянофилы, называете „славян могучим племенем“, и в эту любовь, в это горе за нас, южных славян, мы и прежде и после этого грозного приговора верили и верим больше, чем всем тем разглагольствованиям, которыми вы отуманиваете глаза русскому читающему свету». Как мы увидим, любовь к своему народу и боль души за его инертность станут лейтмотивом и первой статьи Жуёвича в «Современнике». За эту любовь и искреннее сочувствие южным славянам сербский демократ благодарит передовых предстателей России, объясняя тем самым, почему лучшие люди из южных славян верили и продолжают верить им, а не самозванным «старейшинам» — московским славянофилам. Смотреть на южных славян «по-московски», — говорит автор «Слова», — значит идеализировать их, няньчиться с ними, убаюкивать их ласками и несбыточными надеждами, обманывать их и себя. «Доселе о южных славянах все сыпали похвалы, что затемняло ум и глаза почти всем — не говоря об русских, даже южным славянам, которые находились в России...»¹⁷ Русские совершенно, наконец, обидеализировали их; потому-то русский путешественник и громит так южных славян или лучше ту ложь, которая у него до посещения южных славян была правдой».

Для подтверждения положения о том, что многие русские путешественники по славянским странам вольно или невольно обманывают своих читателей, автор «Слова» ссылается на письмо М. П. Погодина, написанное в 40-х годах и опубликованное в первой книжке славянофильской «Русской беседы» за 1859 г. Как известно, в этом письме Погодин изложил панславистскую программу. Цитируя два отрывка из письма, Жуёвич назвал эту программу бредовой. В ней ничего нет, утверждал он, «кроме риторички лжи, да одной заветной тайны славянофилов». Такими вещами шутить опасно. «Такие вещи, — писал он в заключение, — в этом уверяем не только так называемых славянофилов, но и всех русских — дают результат действительно дурной. Русские путешественники объявляют, что все славяне готовы преклониться перед русским орлом, а тем же орлом, тем же главенством австрийцы и пугают славян. Это факт, о котором мы теперь говорить не станем, предоставляя это всякому, кто им интересуется»¹⁸.

В «Слове южного славянина к славянофилам» Ж. Жуёвич высказал мысль, которую спустя два месяца он разовьет и всесторонне обоснует в статье «Славянский юг». Эта мысль, концентрирующая внимание читателя

¹⁵ Автором статьи был Райко Жинзифов. См. Л. С. Ерихонов. Русское общество и болгарская литература. Очерки. София, 1967, стр. 249—250.

¹⁶ «Очерки», 1863, № 89.

¹⁷ Этим Жуёвич хотел сказать, что большинство южнославянских учащихся в России в ту пору, как правило, оказывались в стане славянофилов.

¹⁸ Эти слова прямо перекликаются с мыслями Н. Г. Чернышевского, высказанными в статье «Народная бестолковость».

на как бы мимоходом оброненном выражении Берга о «чернорабочем племени Европы», была выражена в следующих словах: «Сон, душу возмущающий сон, царствует у нас на юге и хотя горько, но мы должны в этом сознаться, мы должны сказать правду (выделено нами.— В. К.), чтобы не услаждать себя разными призраками, фантазией больных и т. п. внерассудочными бреднями». За эту правду, высказанную полным голосом на страницах «Современника», он немедленно попал под негласный надзор русской полиции и был подвергнут резкой, несправедливой критике со стороны сербских либералов¹⁹. Если III отделение собственной е. и. в. канцелярии не без оснований усмотрело в содержании статьи скрытый призыв к революции, то сербские либералы «при всем старании» увидели в ней только «оскорбление» сербского народа, «клевету» на него. В действительности же приведенные выше слова и статья «Славянский юг», как будет ясно из дальнейшего изложения, являлись выражением чувств пламенного патриота, любящего родину и сетовавшего по поводу отсутствия у своих соотечественников подлинной борьбы за настоящую, а не мнимую свободу. Вспомним слова великого русского демократа Н. Г. Чернышевского, сказанные им в романе «Пролог» (1877) об откровенных и прикровенных рабах царской монархии: «Жалкая нация! — нация рабов, — снизу доверху все сплошь рабы...»²⁰ и ту оценку, которую дал этим словам В. И. Ленин в работе «О национальной гордости великороссов»²¹. В этой связи отнюдь не случаен упрек Ж. Жуёвича в адрес Берга, назвавшего царскую Россию самой счастливой славянской землей, сущим Алкивиадом между славянами». «Беспорядочность в России, — заметил он, — едва ли не в меньшей степени, чем у южных славян». Все, кажется, есть; и руки, и ноги, и необыкновенная сила, а в гражданских и политических делах — «все каша, да дисгармония». Правда, уточняет автор «Слова», «если у южных славян царит такой мрак, что ничего не видно, то здесь (в России.— В. К.) начинает рассветать». В обстановке начала польского восстания и существования «Земли и Воли» намек о рассвете говорил проницательному читателю о многом. Вместе с тем, оценивая разбираемую статью в целом, нельзя не заметить порой резкого, прямолинейного тона суждений и высказываний ее автора. В пылу полемического задора молодой, начинающий сербский публицист иногда явно сгущал краски. Поэтому с некоторыми его положениями трудно согласиться. Так, например, категорическое утверждение в приведенной выше цитате о полном мраке у южных славян противоречило фактам, приведенным в его первой статье, равно как и в его обзорах о южнославянских землях в газете «Очерки».

Обратимся к детальному рассмотрению статьи «Славянский юг». Даже при самом беглом знакомстве с ней нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Во-первых, на псевдоним «Ж. Склад», которым она была подписана. Слово «склав» в переводе с латинского означает «раб». В свете сказанного выше по поводу статьи «Слово южного славянина к славянофилам» выбор псевдонима с таким именно значением не был случайным. На такое толкование слова «склав» указывал сам Ж. Жуёвич в своих письмах идеологу сербского либерализма Владимиру Иовановичу. «И в голову не приходит мне осуждать вас, что вы подписываете свои статьи в разных русских газетах как „раб“, — писал в своем ответе В. Иованович²². Во-вторых, на примечание, которым редакция «Современника» сопроводила статью. «Статья эта, — говорилось в нем, — написана славянином-сербом;

¹⁹ Р а к и ч. Голос из Сербии. «Русское слово». СПб., 1864, май, стр. 71—88.

²⁰ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. V, 1932, стр. 488.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26.

²² В. К а р а с е в. Живојин Жујовић и Владимир Јовановић. Зборник Матице српске за друштво науке, св. 43, 1966, стр. 115.

Суждения ее автора о славянах можно было бы заподозрить скорей в пристрастии, чем в ненависти. Однако, как увидит читатель, пристрастия в ней нет; не может быть в ней и ненависти; мы смотрим на нее как на откровенное суждение человека о своих земляках и соплеменниках»²³. Что и говорить, примечание не только интересное само по себе, но и весьма редкое в практике «Современника». Правда, с ним не посчиталось III отделение, установившее за автором строгий полицейский надзор, сербский же либерал М. Ракич назвал статью «диктаторским посланием», а ее автора «клеветником сербского народа»²⁴. К сожалению, мы не располагаем данными о реакции читателей на эту статью, но что касается самой редакции «Современника», то, несмотря на всю необычность столь откровенных суждений ее нового сотрудника о своих соплеменниках, она полностью солидаризуется с его основными положениями и выводами и как бы призывает своих читателей последовать ее примеру.

Статья «Славянский юг» была посвящена характеристике положения южнославянских народов в начале 60-х годов XIX в. От правильной, объективной оценки этого положения в известной степени зависела тактика русской революционной демократии в условиях разразившегося в начале 1863 г. восстания в Польше. Мог ли в той конкретно-исторической обстановке сложиться революционный союз славянских и других народов, о необходимости которого говорил «Современник» в период революционной ситуации в России²⁵. Известно, что участники «Земли и Воли» всесторонне обсуждали с польскими революционерами вопрос о русско-польском революционном союзе. В переговорах с представителем польских повстанцев И. Кеневичем П. А. Ровинский дал отрицательный ответ относительно возможности соединения восстания в Польше с восстанием в России²⁶. К такому же выводу касательно южных славян пришел и Ж. Жуёвич в своей статье. Никакой концентрации революционных сил на юге славянском он не обнаружил, а выступление их в ближайшее время определил как «вещь совершенно невозможную». «Собственных своих сил они не сознают, на себя не надеются, а ждут освобождения со стороны»²⁷ — таково было его суровое, но справедливое заключение.

Остановимся подробнее на конкретных фактах и событиях, изложенных в статье «Славянский юг», на основании которых сербский публицист пришел к столь неутешительным выводам.

Статья начинается с указания на то, что такие события начала 60-х годов на Балканах, как черногорско-турецкая война, восстание части герцеговинцев и особенно варварский обстрел турками Белграда, вывели, наконец, из состояния покоя европейскую журналистику и дипломатию. Восточный вопрос снова оказался на повестке дня. Журналисты немедленно начали строить планы, один фантастичнее другого, о судьбе южных славян: об образовании сербского и болгарского государств и опасности, которая угрожает Западной Европе в случае такой концентрации сил на славянском юге; о вмешательстве России и т. д. Приходится только изумляться замечает Жуёвич, «как могут люди, вовсе не зная дела, о котором говорят»,

²³ «Современник», СПб., 1863, кн. VI, стр. 259. По нашему мнению, автором этого примечания был А. Н. Пыпин. Учитывая все то, что в настоящее время известно об его отношениях с Ж. Жуёвичем, такое предположение довольно правдоподобно.

²⁴ Ракич. Голос из Сербии. «Русское слово». СПб., 1864, № 5, стр. 73, 87.

²⁵ «Современник», 1861, кн. III, стр. 306.

²⁶ «Более или менее широко распространенного восстания ... произвести нельзя; можно поднять какую-нибудь волость, но ведь это значит прямо повести людей на убой» — заявил Ровинский. (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. В кн. «Воспоминания», М., 1958, стр. 324.)

²⁷ «Современник», 1863, № VI, стр. 274.

толковать о нем во всеуслышание, не задавая себе такого вопроса: «есть ли какие-нибудь гарантии для возникновения подобных государств и из чего они возникнут?» «Никто, сколько нам известно, — продолжал он, — в журнальных суждениях о южных славянах не обращал внимания на материальное и интеллектуальное состояние их, никто не спрашивал себя, есть ли у южных славян силы, нужные для борьбы с турками, есть ли, что, по нашему мнению, составляет первое условие в таком деле, у них сознание, что действительно они страшно угнетены, что всем им нужно восстать и восстать с полным сознанием необходимости поголовного восстания, чтобы о б щ и м и с и л а м и (выделено нами. — В. К.) поразить давнего своего неприятеля? И еще, если у них есть такое сознание своего положения, то готовы ли они на такое дело?»

Итак, для успешной борьбы с угнетателями, по мнению Жуёвича, необходим ряд условий: материальные средства и силы, осознание народом необходимости «общими силами» начать «поголовное восстание» и его готовность к нему. Под этим углом зрения и с этих позиций он и рассматривает положение южных славян в начале 60-х годов XIX в.

Говоря о болгарах, сербский демократ прежде всего обращает внимание на умонастроения различных групп «несчастливого болгарского народа», четыре века изнывающего под тяжелым турецким ярмом. Болгарские крестьяне забыты. Они ни о чем больше не думают, «кроме возможности добиться, чтобы некоторые необузданные турки по временам не грабили..., устроить, чтобы турки в судах были несколько справедливее». Что касается горожан, то они готовы восстать, но не раньше, чем другие, окружающие их народы поднимутся на восстание. Самым революционным является городской пролетариат, готовый на самую отчаянную борьбу, но, к сожалению, на него никто не хочет положиться. Богатые люди (чорбаджи) в массе своей довольны своим положением и войны не хотят. Людей образованных очень мало в сравнении с основной массой населения. Недостаток школ и засилие в них греческих фанариотов, людей, по выражению Жуёвича, «во сто раз ненавистнейших болгарам, чем сами турки», потому что они связали свои интересы с болгарскими угнетателями, делает эти школы малоэффективными для подготовки народа к всеобщему восстанию.

Не лучше обстоит дело и в Старой Сербии. «Иго турецкое тяготеет на жителях этой страны в такой же мере, как и в Болгарии, и дало точно такие же плоды».

И положение Боснии мало чем отличается от положения Болгарии и Старой Сербии. Босняки также не готовы к восстанию, так как больше других проявляют готовность жить в мире с турками. В значительной мере повинны в этом боснийские купцы, эти верноподданные холуи, в руках которых находится экономика и школы страны. Поэтому «простой народ, — пишет Жуёвич, — а равно и образованные люди, которые там находятся, ненавидят купцов столько же, сколько и турок». «Современных или так называемых революционных идей в этой стране не водится», — делает вывод Жуёвич.

Несколько иная картина наблюдалась в Герцеговине. В 1862 г. там восстало племя Зубчан под предводительством воеводы Луки Вукаловича. Было немало и местных восстаний ускоков. «Герцеговина, — по выражению Жуёвича, — это лучшая, благороднейшая страна сербская, герцеговинский народ — это храбрейшее и способнейшее племя сербской семьи». Даже купеческое сословие там не такое эгоистичное, как в Боснии. Оно до некоторой степени понимает выгоду школ и поддерживает их. Но самое главное достоинство герцеговинцев, по словам Жуёвича, состояло в том, что они «чужды узкого патриотизма, сильного в других славянах». Поэтому герцеговинцы «в случае всеобщего восстания стали бы бороться не за герце-

говинство, а за сербство, за сербскую славу, за сербское имя». И все же ни Лука Вукалович, ни ускоки не смогли поднять всю Герцеговину, так как «не легко восставать тому, — говорит Жуёвич, — кто под ярмом сильного и в особенности под ярмом турецким!».

О воинственном черногорском народе, не прекращавшем героической борьбы с турками на протяжении 400 лет, сербский публицист пишет с еще большим пиететом: «Говорить, например, что он не готов к восстанию, — заявляет Жуёвич, — значило бы говорить чистую ложь, потому что он не знает другой жизни, кроме жизни лагерной». Однако, по мнению сербского демократа, на деле черногорский народ ничуть не счастливее других своих южнославянских братьев и вот почему: «несмотря на свою независимость от внешних врагов, (он) есть раб своего домашнего деспота, есть жертва, над которой слуги деспота и сам он делают все, что только угодно их грубым, диким, пошлым и необузданным желаниям!». С провозглашением в 1851 г. Черногории светским княжеством в стране водворился военный деспотизм. Провиант и деньги, посылаемые из России «для раздачи народу», как правило, «оставались у князя и его фамилии и тратились на разные прихоти двора». Военно-бюрократический режим, установленный князем Николаем, породил все несчастья народа, какие только могут быть «при быстром переходе из патриархального быта в европейскую, или лучше, во французскую форму гражданской жизни...». В результате, по его мнению, была разорвана всякая нравственная связь народа с правительством, наступил полный разлад между ними.

Подробнее всего Ж. Жуёвич останавливается на характеристике положения в Сербском княжестве — этом главном пункте на славянском юге, «к которому устремили свои взоры не только Болгария, Старая Сербия, отчасти Босния, Герцеговина, Сербия австрийская и другие маленькие славянские народы, но и западные кабинеты, не говоря уже о России». Запад боится Сербии, так как видит в ней центр, вокруг которого могут сгруппироваться все югославянские народы; Россия, напротив, вместе с другими славянами смотрит на Сербское княжество как на страну, «которая своим положением служит залогом счастья для южных славян». Верны ли эти взгляды? — спрашивает Жуёвич. Есть ли действительно в Сербии что-нибудь такое, что бы оправдало мнения Запада и России (особенно так называемых славянофилов, подчеркивает Жуёвич). Готова ли она теперь выступить на решительную борьбу с оттоманами, причем не одна, а в союзе с другими южными славянами?

На все эти вопросы Ж. Жуёвич дает отрицательный ответ. С самого начала провозглашения автономии Сербии ее князя «пошли врозь с народом». Возникновение двух враждующих между собой династий — Обреновичей и Карагеоргиевичей — стало одним из величайших зол для страны. Их взаимная борьба разоряет сербский народ. Государственная казна пуста. «Хотя у него (народа Сербии. — В. К.), — пишет Жуёвич, — есть земля и в достаточном количестве, но достаточность земли не вдруг может обогатить народ. Надо умение управиться с землею, нужна любовь к труду, нужны внешние поощрения к труду, т. е. нужно, чтобы был выгодный сбыт продуктов, доставляемых трудом, чтобы была развита торговля. А этого-то и недостает Сербии». Народ сильно задолжал. А сербское правительство бездействует, предпочитая заниматься мелкими интригами, а не заботой об общем благе страны. Князь Михаил Обренович и его правительство заняты реформами. Но реформы идут вразрез с интересами народа, так как служат лишь укреплению абсолютистской власти князя. «Реформирование народной скупщины, — писал в статье Жуёвич, — есть святотатственное покушение на народную свободу, на благо народное. Народная скупщина, — утверждал он, — есть единственное добро, какое

только имеет Сербия в складе своей политической жизни. Князь этого знает не хочет, правительство тоже. Для них народ ничто, тот самый народ, который и без них так достойно боролся, отстаивая свою свободу, свою родину, который столькими опытами приучился сознавать свою силу, свои права, этот народ для них бессмысленная толпа, которую можно вертеть на все возможные немецкие и французские лады, которою можно управлять так, как советует Гегель и Наполеон!». Народ открыто заявляет князю, что рано или поздно он рассчитается с ним, как это уже случилось в 1858 г.²⁸

От таких отношений между правительством и народом в Сербском княжестве ничего хорошего ожидать было нельзя. «Никакие правительственные действия, покуда они еще находятся в намерении, — писал Жуёвич, — не обсуждаются в литературе, не передаются на суд народа и общества сербского. Но ведь в Сербии и нет, собственно говоря, литературы. Не только действия правительства, но и ничего еще не было обсуждаемо литературным образом в Сербии. Ни один существенный вопрос там еще не затронут. Между тем, — продолжал он, обращаясь к читателям „Современника“, — не забудьте, там существует цензура. Не смешно ли? Народная скупщина 58 года уничтожила было цензуру, но князь утвердил ее опять. Каково? ... Как видите, современное положение Сербии самое незавидное».

Таким образом, после всестороннего рассмотрения положения каждого подвластного Турции южнославянского народа в отдельности и всех вместе, сербский публицист пришел к выводу, что южные славяне не были готовы к восстанию. Что же такое южные славяне в настоящее время? — спрашивал Жуёвич. «Не очевидно ли, что это не больше не меньше как глупый раб турецких и своих деспотов?... Ему никогда и в голову не приходит подвинуться вперед (да хоть бы и назад, наконец, потому что этот самый акт движения, может быть, послужил бы побудительною причиной выйти из совершенно спящего положения)... Да!... грустно...».

Немалая доля ответственности за такое положение падала, по мнению Жуёвича, на сербскую интеллигенцию, которая, по его словам, была некоторым образом повинна во многих несчастиях, разыгрывавшихся в Сербии. «Вы, — писал Жуёвич, обращаясь к „высокоученым докторам сербским“, — и сковываете ее и не по рукам и ногам только, но и по голове. Ведь все Княжество сербское в ваших руках; одни вы, парижские, берлинские и германские воспитанники, и заправляете всеми этими мерзостями, от которых Сербии трудно освободиться».

Итак, о концентрации революционных сил на славянском юге не могло быть и речи. Пожалуй, говорит в заключение статьи Ж. Жуёвич, южные славяне и могли бы сконцентрироваться как-нибудь, «только прежде всего нужно выслать из Европы турок. Но кто же это сделает?... Южные славяне ждут такого дела единственно от России; они прямо говорят: „Нас только Россия может спасти“. Не очевидно ли, что, как мы сказали, собственных своих сил сами они не сознают, на себя не надеются, а ждут освобождения со стороны.

Как будто России и не о чем больше думать, как только о южных славянах?»²⁹

В данном случае налицо сознательное сгущение красок; однако нельзя не признать, что последняя фраза приведенного отрывка в тогдашних условиях, в самый разгар польского восстания, звучала весьма актуально.

²⁸ В какой-то мере Ж. Жуёвич предсказал события. В 1868 г. князь Михаил Обренович был убит заговорщиками.

²⁹ Прочитанный отрывок удивительно созвучен тому, что писал Чернышевский в своей статье «Народная бедность». (См. Н. Г. Чернышевский и. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 841).

Из сказанного выше ясно, что статья «Славянский юг» характеризовала положение южнославянских народов начала 60-х годов с революционно-демократических позиций и преследовала вполне определенную практическую цель: выяснить, могут ли другие поработанные славянские народы выступить наряду с поляками против своих угнетателей. Естественно, она вызвала соответствующую реакцию со стороны охранителей российского самодержавия, усмотревших в ней призыв к революционным действиям, и сербских либералов, подвергшихся в статье суровой критике. На этом необходимо остановиться подробнее.

12 июля 1863 г. канцелярия С.-Петербургского цензурного комитета обратилась в редакцию «Современника» с запросом: «Кто автор статьи, помещенной в № 6 „Современника“, под заглавием „Славянский юг“»³⁰. Через два дня редакция журнала ответила, что автором интересующей цензурный комитет статьи был студент С.-Петербургской духовной академии — Живоин Жуёвич³¹. Судя по всему, содержание статьи серьезно встревожило царское правительство. 26 июля министр внутренних дел доложил о ней царю и получил указание: «Сообщить III отделению и наблюдать за будущими статьями автора по цензуре»³². В соответствии с этим 31 июля 1863 г. было отдано два секретных распоряжения: министра внутренних дел главному начальнику III отделения собственной е. и. в. канцелярии для сведения и председателю цензурного комитета всем цензорам для руководства. В обоих распоряжениях подчеркивалось, что в статье „Славянский юг“ высказываются резкие политические тенденции автора, «не подлежащие пропуску в печать». Поэтому на основании приказа министра внутренних дел председатель цензурного комитета отдал распоряжение всем цензорам «обращать особое внимание на подобные статьи Живоина Жуёвича в случае представления их в цензуру»³³. Не трудно догадаться, что имели в виду чиновники царского правительства говоря о «резких политических тенденциях» автора статьи «Славянский юг».

Рассмотрим теперь как встретили статью «Славянский юг» сербские либералы. Вопрос этот имеет для нас двойкий интерес. Во-первых, потому, что это был прямой отклик представителей одного из народов, о которых шла речь в статье, и, во-вторых, потому, что сам отклик появился в журнале «Русское слово» — втором после «Современника» подцензурном органе русских демократических кругов в тот период. Это была статья «Голос из Сербии»³⁴, написанная сербом Ракичем. Чтобы узнать, что думают русские журналисты о южных славянах, автор статьи обратился к изучению русской периодической печати. Сначала он ознакомился с писаниями славянофилов, надеясь найти в них «уважения свободы и свободного развития каждой нации в отдельности и всех вместе,— без чего, по его мнению,— свобода народов невозможна...» Но его постигло жестокое разочарование, так как «вследствие ложных начал, на которых они (славянофилы.— В. К.) обещают свободу народам — свободу вместе с угнетением, они скорее ненавидят, чем любят нас».

«Покончив с романтизмом наших навязчивых лжедрузей,— продолжает автор,— мы обратились к «Современнику», где разбиралось учение славянофилов. Прочитав статью по поводу послания славянофилов к сер-

³⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 777, оп. 2, д. 73, 1863 г. Дело С.-Петербургского цензурного комитета 1863 г. по доставлению сведений об имени автора статьи «Славянский юг» в № 6 «Современника», л. 1.

³¹ Там же, л. 3.

³² Там же, ф. 775, оп. 1, д. 211, 1863 г. Дело центрального управления по цензурному ведомству. По статье «Современника» — «Славянский юг», л. 2.

³³ Там же, ф. 777, оп. 2, д. 73, 1863 г., л. 5.

³⁴ «Русское слово» СПб., 1864, кн. 5, стр. 71—88.

бам³⁵, мы увидели и утешились что по крайней мере не все русские литераторы так думают, как славянофилы. Мы увидели, что кроме нас, которых непосредственно касается их наглое сострадание с их опекуном, нашлись еще люди, которые с презрением отозвались об этой лицемерной заботливости о нас. Нам это понравилось, мы увидели, что мы не одиноки...»

По началу статьи можно было бы заключить, что ее автор, подвергнув критике воззрения славянофилов, солидаризируется со взглядами «Современника» по славянскому вопросу. Но это не совсем так. В этом же журнале, говорит он, мы прочитали еще две статьи — Берга и Ж. Склава. По сути дела, вся статья Ракича посвящена полемике со взглядами указанных авторов, особенно со вторым, который, по словам Ракича, «старался доказать русской публике, что мы еще не дозрели для политической свободы».

Что же не понравилось в статье Ж. Жуёвича автору «Голоса из Сербии»? Ведь сербский демократ упрекает южных славян не за то, что они «не дозрели для политической свободы», а за то, что недостаточно активно борются за нее, за отсутствие у них революционности, за неверие в свои силы и за необоснованные надежды на помощь извне. Критикуя Ж. Склава за мнимые противоречия, автор «Голоса из Сербии» сам впадает в противоречие, заявляя, что за словами Склава «трудно добраться до основной мысли, которую он руководствовался, когда писал свою статью. По крайней мере, — заявляет Ракич, — мы не нашли этой мысли, хотя тщательно старались добраться, так сказать, до самого сути его диктаторского послания». Таким образом, Ракич признает, что не понял главного смысла статьи, ее основной направленности, а главное эзоповского языка, которым она по необходимости была написана. И тем не менее он решился ее опровергнуть, показать русскому читателю ее несостоятельность, ответив в своей статье на следующие три вопроса: «Что делал сербский народ, чтобы достигнуть народной свободы? Что мешало ему достигнуть этой свободы? Он ли виноват в том, и главным образом своею глупостью, как уверяют гг. Берг и Слав, или что-нибудь другое, против чего он один бессилён?».

С каких же позиций он это делает и чем аргументирует свои возражения; справа или слева он критикует Жуёвича? На первый взгляд, судя по критике славянофильских концепций в начале статьи, может показаться, что слева. Но из статьи «Слово южного славянина к славянофилам» мы знаем, что критика Жуёвичем идеологии славянофилов была не менее радикальной, а на деле более принципиальной и глубокой, чем критика Ракича.

Внимательное изучение содержания «Голоса из Сербии» показывает, что критика в адрес сербского демократа велась с позиций центра, точнее с позиций сербского либерализма. Ракич не говорит прямо, что его вывело из душевного равновесия в статье Жуёвича. По-видимому, сербские либералы не могли простить автору «Славянского юга» сурового обвинения в том, что большая часть «высокоученых докторов сербских», считая себя истинными представителями народа, на деле несли значительную долю ответственности за его тогдашние несчастья, так как своей либеральной болтовней и бездеятельностью сковывали его энергию «не по рукам и ногам только, но и по голове». Выше было уже отмечено признание Ракича в том, что он не понял главного смысла статьи Ж. Склава. А не было ли это лицемерием?! Не вероятнее ли предположить, что он не хотел понять или делал вид, что не понимает истинного смысла статьи? В противном случае, как можно призыв человека к революционным действиям и его тоску по отсутствию революционности в массах назвать «пустым разлагательством»; «озлобленной клеветой на сербский народ» и даже причислить

³⁵ Речь идет о памфлете Н. Г. Чернышевского «Самозаванное старейшины», опубликованном в «Современнике» в 1862 г.

его к категории реакционеров, к разного рода явным и тайным агентам Австрии и Турции, которые говорили, что «сербский народ пока еще не образован, поэтому сомнительно, не только созрел ли он до свободной народной скупщины, но и может ли этот образ правления быть полезен какому бы то ни было другому народу». Кто здесь выступал «озлобленным клéветником» понять не трудно, так как мы хорошо знаем взгляд сербского демократа на сербскую народную скупщину.

Автор разбираемой статьи выдал себя с головой, заявив, что сербы не смогут вырваться из сковывающих их цепей и «утвердить у себя свободу», пока окружающие их народы в Греции, Италии и на Балканах не начнут «вместе с ними борьбы», обрекая тем самым сербский народ на бездеятельность, против чего и восставал Жуёвич. Из каких кругов исходил столь самоуверенный «Голос из Сербии», становится еще более ясным и понятным после того как автор изложил программу «лучших представителей сербского народа», которые, начиная с 1859 г. (т. е. со Свято-Андреевской скупщины) «заявили свое политическое убеждение». Эту программу из 7 пунктов ³⁶ он заимствовал из книги идеолога сербского либерализма Владимира Ивановича «Сербский народ и восточный вопрос». Требования демократических реформ в организации политического устройства Сербии, изложенные в программе, формально мало чем отличались от требований самого Жуёвича с той, однако, существенной разницей, что в программе либералов ни слова не говорилось о социальных требованиях народа, не говоря уже о том, что в ней совершенно обходился молчанием вопрос о средствах и методах претворения программы в жизнь, т. е. того основного и главного, чем принципиально отличались демократы от либералов ³⁷.

После того как мы разобрали статью «Голос из Сербии», остается ответить еще на два вопроса: кто был ее автором и почему она смогла появиться на страницах «Русского слова»? Как уже отмечалось, статья была подписана Ракичем. Это, конечно, Мита Ракич (1846—1890), позднее известный сербский писатель и государственный деятель умеренно-либерального толка. В 1864 г. он был студентом белградской Великой школы, поклонником лидера сербских либералов — Владимира Ивановича. Его статья смогла появиться в органе русских революционных демократов потому, что как раз в это время разгорелась острая полемика между «Современником» и «Русским словом», касавшаяся жгучих вопросов литературной и общественной

³⁶ «1. Сербь вправе думать о себе, управлять сами собою на своей земле, которую они кровью выкупили.

2. Устав Сербии должен быть выражением законной воли народа, а эта воля может быть выражена посредством свободной народной скупщины.

3. Так как св. Андреевская скупщина, законным образом составленная, провозгласила, что „Сербия есть уставное княжество“, т. е. управляемое наследственным князем совместно с народной скупщиной, то этот образ правления и должен быть сохранен в Сербии.

4. Свобода сербского народа должна гарантироваться ответственностью министров за каждый их поступок перед народною скупщиною.

5. Подать, погребная на издержки правительства, может быть собираема только с согласия народной скупщины.

6. Администрация должна стараться об усвоении и осуществлении оснований политической и экономической свободы.

7. Сербь должны быть наготове против всякого завоевательского стремления, откуда бы не показалось это стремление. Они могут радоваться торговым и политическим союзам только тогда, когда эти союзы проникнуты духом свободы».

³⁷ На основании приведенных выше рассуждений было бы неправильно делать вывод, что в начале 60-х годов в сербском общественном движении уже произошло идейное размежевание между либералами и демократами. Это был сложный и длительный процесс, завершившийся спустя десятилетие. Заслуга Ж. Жуёвича состояла в том, что он был первым, кто своей критикой либералов положил начало этому процессу, продолжил и завершил который Светозар Маркович.

жизни той поры, в том числе вопроса о революции и роли народных масс в истории. Редакция «Русского слова» поместила в своем журнале статью М. Ракича, которая только по форме носила демократический характер.

Сербских либералов возмутило, что Ж. Жуёвич назвал южных славян «ленивыми рабами». Мы уже имели случай высказать свое отношение к этому вопросу в связи с разбором статьи «Слово южного славянина к славянофилам». В подтверждение наших доводов снова сошлемся на статью В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов». «Никто не повинен в том, — писал В. И. Ленин, — если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство..., такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам»³⁸. А разве не так вели себя сербские великаши, болгарские чорбаджи, черногорские перьяники и богатые боснийские торговцы? Это наглядно и убедительно доказал в своей статье Жуёвич. Национальная гордость, настоящая любовь к своему народу, ненависть к рабскому прошлому и настоящему южных славян заставили его произнести эти горькие слова правды. В другой связи сербский демократ обосновывал свою позицию следующим образом: «Важность дела заставила меня... посмотреть на дело беспристрастно, хладнокровно и строго»³⁹. И в другом месте: «Относясь к сербам критически (т. е. «с такими требованиями, с какими относимся ко всем вообще образованным государствам», — пояснял Жуёвич), мы более всего указывали на то, что в ней (Сербии. — В. К.) есть дурного, оставляя все доброе в стороне, как не заслуживающее порицания, не нуждающееся в наших похвалах»⁴⁰. А это доброе он видел в том, что «Сербия 50 лет тому назад и теперешняя Сербия (1866 года. — В. К.) отличны, как небо от земли», что сербский народ даже в условиях полусвободного развития доказал, что умеет пользоваться свободой. «Да и сами недостатки, терзавшие и терзающие донныне Княжество сербское обуславливались — что мы не раз повторяли, — писал в цитированном выше славянском обозрении Ж. Жуёвич, — по большей части введением в Сербию тех начал, за которые у себя горой стоят все образованные европейские государства, следовательно, тем, что Сербия стремится устроиться по коренным и господствующим началам этих государств. Мы осуждаем эти начала, и тем более имели право осуждать дурные последствия их в Сербии — стране, которой мы желаем устроиться лучше». Ж. Жуёвич исключительно высоко отзывался о Сербском восстании 1804—1813 гг., называя его «самым светлым, самым великим нашим политическим актом». О сербской революции начала XIX в. он всегда писал, выражаясь его словами, с чувством «высокой национальной и почти личной гордости», так как в ней сербы «отличились настолько, насколько было можно, насколько было у них сил»⁴¹.

Что же касается отношения сербского демократа к рабству вообще, то к этому вопросу в своей публицистике он обращался неоднократно. «Не признавая рабства в принципе, — неизменно подчеркивал он, — мы отвергаем со всею силою убеждения справедливость правила, будто «народ не выбивающийся, и даже не помышляющий выбиваться из оков рабства, достоин его»⁴².

Чтобы правильно понять и по достоинству оценить взгляды Ж. Жуёвича, необходимо коснуться вопроса об его отношении к «Земле и Вдле». Это тем

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

³⁹ «С.-Петербургские ведомости», 24 сентября (6 октября) 1865 г. Корреспонденция из Белграда.

⁴⁰ Там же, 17 (29) января 1866 г. Славянское обозрение.

⁴¹ Там же, 5 (17) июня, 1865 г.

⁴² Там же, 3 (15) января 1866 г. Славянское обозрение.

более важно, ибо в советской исторической литературе высказано мнение, что пессимистические рассуждения Склава в области вопросов балканской политики «отражают те идеологические сдвиги, какие имели место в это время в „Современнике“ вообще»⁴³. В небольшой заметке «Старая фотография заговорила»⁴⁴ мы высказали предположение, что Ж. Жуёвич знал о существовании тайной революционной организации «Земля и Воля» и возможно даже был ее участником. Этот вопрос только поставлен и нуждается в дальнейшем изучении, но обойти его молчанием было бы неправильно, так как нам хорошо известно отношение Жуёвича к русским революционным демократам и их деятельности. Об этом он писал, будучи уже в Сербии, следующее: «Наши симпатии естественно тяготеют к демократическим принципам и демократам в России... Гражданской свободы и общественной справедливости — вот чего мы желаем себе и русским»⁴⁵. Поэтому мы не видим достаточных оснований для интерпретации статьи «Славянский юг» в плане «идеологических сдвигов», действительно имевших место в «Современнике», но не в 1863 г., а несколько позднее. Что же касается пессимистических рассуждений Склава, то они, как мы старались показать, имели совершенно иной характер, никак не связанный с «идеологическими сдвигами» журнала, тогда как статья «Голос из Сербии», опубликованная в «Русском слове» за 1864 г., с несомненностью свидетельствует о такого рода сдвиге, ибо в ней революционный демократизм подменяется либерализмом.

Сотрудничество Ж. Жуёвича в «Очерках» и «Современнике» не могло пройти незамеченным в журналистских кругах Петербурга. На специалиста по славянскому вопросу обратили внимание редакторы и издатели либеральных газет. Под влиянием растущего интереса русской обществу к зарубежным славянам А. А. Краевский в начале марта 1864 г. предложил сербскому студенту возглавить славянский отдел в газете «Голос». 17 марта 1864 г. с аналогичной просьбой к Жуёвичу обратился редактор «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корш. Вот что писал из Петербурга по этому поводу сам Жуёвич в письме от 18 марта 1864 г. своему другу и единомышленнику в Белграде Косте Поповичу: «Благодаря все большему и большему уяснению славянского вопроса и число почитателей славянства соответственно умножается; все больше и больше становится людей, желающих как следует ознакомиться со всеми славянами. Южные славяне, меж тем, едва ли более известны для многих в России, чем китайцы, однако теперешнее политическое движение южнославянских народов придает им все больший вес. Людей, знакомых с этими народами, повторяю, гораздо меньше, чем тех, которые нуждаются в таких людях, поэтому и цена последним повышается. Благодаря таким обстоятельствам я занял здесь хорошую позицию. Главное же состоит в том, что я не боюсь конкуренции. Ко мне уже обратились несколько редакторов с просьбой принять в их журналах „Славянский отдел“. Я не могу один всех удовлетворить. В одном ежемесячном журнале („Современник“. — В. К.) я пишу вот уже год, а около десяти дней тому назад я взял на себя заведование этим отделом в другом ежедневном журнале („Голос“. — В. К.). Вчера же снова получил письмо от редактора „Петербургских ведомостей“, в котором он предлагает взять упомя-

⁴³ С. А. Н и к и т и н. Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской печати. В кн. «Очерки из истории южных славян и русско-славянских связей в 50—70 годы XIX в.» М., 1970, стр. 217. Для подтверждения своей точки зрения автор ссылается на гл. VIII книги Л. А. Плотицина «Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов», М.—Л., 1945.

⁴⁴ «Советское славяноведение», 1970, № 1.

⁴⁵ «Наши одношаји према русима». «Србија», Београд, 1 јуна 1868.

нутый отдел в его „газете“⁴⁶. Московские славянофилы тоже пытались использовать талант Жуёвича, но получили решительный отказ⁴⁷.

На основании письма Жуёвича можно предположить, что его сотрудничество в «Современнике» не ограничилось известной нам статьей «Славянский юг». Однако за это время других его материалов в журнале, кроме упомянутой статьи, обнаружить не удалось.

С марта-апреля и до конца 1864 г. сербский демократ выполнял обязанности заведующего славянским отделом одновременно в двух ежедневных петербургских газетах — «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях»⁴⁸. Из-за разногласий с Краевским в начале 1865 г. он оставил «Голос», продолжая вести славянский отдел в «С.-Петербургских ведомостях» вплоть до своего отъезда из России весной 1866 г.

Все это время он не прекращал своих связей с «Современником». В пятой (майской) книжке журнала за 1865 г. появилась его большая монографическая статья почти в три печатных листа под названием «Сербское село». Она была подписана псевдонимом «Ж», которым Жуёвич чаще всего пользовался в период своей публицистической деятельности в России.

Статья представляет собой обстоятельный историко-этнографический очерк, характеризующий экономическую, политическую и общественную жизнь крестьянства Сербского княжества в середине 60-х годов XIX в. Выбор сюжета был отнюдь не случайным. Писать на острые политические темы в «Современнике» из-за бдительного контроля со стороны цензуры Жуёвич не мог. Более подходящей ареной для этой цели были либеральные «С.-Петербургские ведомости»⁴⁹. Кроме того, пореформенное развитие русской деревни и сельской общины приобрело тогда весьма актуальное значение. Вокруг вопроса об общинном владении велась острая полемика, начатая Н. Г. Чернышевским еще в начале 1858 г. В декабре 1858 г. им была опубликована знаменитая статья «Критика философских предубеждений против общинного владения»⁵⁰. Вопросу об общине большое внимание уделяла газета «Очерки».

Различные круги русской общественности относились к этому вопросу по-разному. Это отмечал Жуёвич во введении к статье. «Сербское село — предмет для русских совершенно незнакомый... — писал он. — Причина этого незнания села без сомнения заключается в том же, в чем заключается причина отсутствия настоящего знания русского села». Русских славянофилов, занятых «высокими метафизическими вопросами», мало занимает «настоящее, неподрумяненное село». Их газета «День» обрушилась на «Современник» за помещение статьи о настоящем селе Кадниковского уезда Вологодской губернии⁵¹. «Перед картиной действительного на-

⁴⁶ S. Sv. S i m i ć. Prilozi za građu o poćesima socijalistićkog pokreta u Srbiji. «Delo», jul 1955, broj 5, s. 586.

⁴⁷ L. P a l i g o r i ć. Zivojin Zujović. Beograd, 1960, s. 16.

⁴⁸ Об этом см. наши статьи: «О сарадњи српског демократе Живојина Жујовића у листу «Голос». Матица српска. Зборник за друштвене науке, св. 51, 1968; «Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуёвича в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1864 г. (Опыт источниковедческого исследования). «Советское славяноведение», 1968, № 6.

⁴⁹ В своих корреспонденциях и обзорах, опубликованных в 1865—1866 гг. в «С.-Петербургских ведомостях», Жуёвич, хотя и без прямой ссылки на статью «Славянский юг», так как при всем желании не мог раскрыть ее «истинный смысл», по сути дела ответил своему оппоненту из «Русского слова» М. Ракичу, показав всю несостоятельность доводов сербских либералов.

⁵⁰ Об этой статье Н. Г. Чернышевского см. в кн. Г. Г. Водолазова «От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России)», М., 1969.

⁵¹ Ж. Жуёвич имел в виду две статьи Н. С. Преображенского: «Баня, игрище, слушанье и шестое января. Этнографические очерки Кадниковского уезда». («Совре-

родного быта Вологодской губернии, изображенной автором, человеком родившимся, жившим и когда-то лично участвовавшим во многих из описанных им сцен, перед этой картиной „Дню“, точнее гг. Аксакову и аксаковцам, осталось только выпучить глаза,— писал Жуёвич.— И не мудрено: встреча действительности с фантазерством иных результатов и дать не могла. Метафизика г. Аксакова плохо укладывается в этом селе».

Сербский публицист не сомневался, что нечто подобное произошло бы и в том случае, «если бы фаланге, отыскивающей славянское единение и находящей его в метафизике московского изделия, пришлось лучше узнать и село южного и западного славянского населения». Чтобы показать и доказать, что «село мало поддается тем планам единения, которые сочиняются для него в „Дне“ и подобных дельфийских оракулах», Жуёвич задался целью представить в своей статье «некоторые черты этой подлинной жизни и нравов села в Сербском княжестве».

Из сказанного можно заключить, что очерк Жуёвича отнюдь не является простым этнографическим исследованием. Он нес на себе определенную идеологическую нагрузку в плане идейной борьбы между славянофилами и демократами по такому кардинальному вопросу как крестьянство, которое составляло в ту пору абсолютное большинство населения и в России, и в зарубежных славянских странах.

Помимо введения в статье содержится девять глав. В первой главе автор приводит статистические данные о Сербском княжестве и делает следующий весьма важный вывод об экономике сербской деревни: «На сливах, винограде да на свиньях главным образом и держится все сельское хозяйство Сербии».

Во второй главе он описывает домашнюю жизнь сербских поселян. Центральное место в ней занимает характеристика большой патриархальной семьи — задруги и сербских народных обычаев взаимопомощи — «Мобе» и «Позоймице».

Четвертая и пятая главы, самые большие в работе, посвящены описанию семейной и религиозной жизни сербских поселян, их народной поэзии. «Если вы читали народные сербские песни,— пишет Жуёвич,— то отбросив в сторону их младенческие формы, вникнув в сущность этих песен, в их чистую народную философию, и вспомнив при этом историю сербского народа, вы надлежащим образом оцените эти песни, поймете, какая сила кроется в этих диких звуках гуслей и напевах гусяра, почему они так неотразимо действуют на душу сербскую. Этот напев и песня — непосредственное выражение сербского чувства; это чувство четыре века прорывалось к свободе и четыре века всякий порыв его кончался новыми страданиями; это тяжелое сознание и отражается как в словах, так и в напеве сербских народных песен. В этом существенный смысл сербской народной поэзии. Это рабство не задавило сербского чувства свободы потому, что это чувство вообще не было в его власти, но оно отняло у сербского сознания почти всю энергию — вот причина, почему серб до сих пор поет свою грустную песню, но не идет, не порывается или, по крайней мере, слабо порывается разбить четыре века давящие его оковы. Сербское чувство глубоко; но увы! сознание сербское еще мелко...». Этими полными глубокого смысла словами завершается VI глава очерка, перекликающаяся с его первой статьей «Славянский юг».

В трех последних главах идет речь о сельских школах, юридической и политической жизни сербского села.

менник», 1864, кн. 10) и «Сельский праздник. Этнографический очерк Кадниковского уезда». («Современник», 1865, кн. 2).

В последней главе характеризуется политическая жизнь сербского села, которая заключалась в выборах депутатов в сербскую народную скупщину. «Но если под политической жизнью простого народа понимать, по обыкновенному, собственно активное участие народа в государственном управлении, то мы должны предупредить читателя, — писал Жуёвич, — что такой жизни большинство сербского народа не имеет». Сербская скупщина не имела законодательных прав. Выборы были двухстепенными: общины выбирали выборщиков, а эти последние в уездах выбирали депутатов. Если учесть, что полиция оказывала сильное влияние на выборы, что $\frac{1}{4}$ депутатов назначалась министром внутренних дел, то нельзя не согласиться с сербским публицистом, назвавшим выборы в скупщину «пародией», а саму скупщину — «формальным политическим учреждением, лишенным всякого политического содержания».

Рассмотрение двух статей Ж. Жуёвича, опубликованных в первой половине 60-х годов в органе русской революционной демократии, позволяет сделать вывод о том, что его сотрудничество в «Современнике» отнюдь не являлось случайным. Оно было в значительной мере подготовлено духовным развитием Жуёвича в предшествующий период. Критическое осмысление исторических судеб своего народа в сочетании с изучением российской действительности и передовой русской общественной жизни начала 60-х годов XIX в. обусловили тот факт, что начинающий сербский публицист примкнул не к славянофилам, как большинство его единоплеменников того времени, а оказался в стане русской демократии. Сотрудничество в демократической газете «Очерки» имело решающее влияние на формирование общественно-политических взглядов Жуёвича как демократа. В его статье «Славянский юг» содержалась оценка тогдашнего положения южнославянских народов с позиций русских революционных демократов. По сути дела этой статьей Ж. Жуёвич продолжил начатое Н. Г. Чернышевским освещение на страницах «Современника» освободительного движения зарубежных славянских народов с революционных позиций. В этом плане следует рассматривать и оценивать монографическую статью «Сербское село».

Справедливость этих выводов подкрепляется всем пафосом публицистической деятельности выдающегося сербского демократа, содержанием его творческого наследия, состоящего из 128 работ, 83 из которых были опубликованы в России, остальные в Сербии⁵². Живоин Жуёвич остался до конца жизни не только верен идеалам демократии, но и стал, по словам Светозара Марковича, «первым социалистом среди сербов»⁵³.

Вместе с тем при оценке сотрудничества Ж. Жуёвича в русских демократических органах печати — «Современнике» и «Очерках» — и его взглядов нельзя не учитывать, что это было началом весьма разносторонней и плодотворной деятельности сербского публициста. Этим можно объяснить свойственную молодости запальчивость, а также отмеченную выше резкость и бескомпромиссность суждений. В пылу полемики начинающий литератор иногда упрощал сложные общественные явления или изображал их односторонне. Однако это нисколько не умаляет главного достоинства талантливого сербского публициста, который без колебаний стал на сторону демократии.

Историческое значение творчества Ж. Жуёвича в развитии передовой сербской общественной мысли во второй половине XIX в., как непосредственного предшественника Светозара Марковича, теперь очевидно и неоспоримо.

⁵² R. P e r o v i ć. Bibliografija radova Živjina Žujovića. Poseban otisak iz «Savremene škole». Beograd, 1950, s. 3—8.

⁵³ С. М а р к о в и ч. Избр. произв. М., 1956, стр. 853.

Е. Е. СТАНКЕВИЧ

ТЕКСТИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СИЛЕЗИИ ПО ДАННЫМ ГЕНЕРАЛЬНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ТАБЕЛЕЙ 1787 г.

В 1787 г. в Силезии была проведена всеобщая перепись населения. На основе данных этой переписи были составлены «Генеральные статистические таблицы Силезии 1787 г.»¹ Они выгодно отличаются от предыдущих «исторических таблицей» и последующих статистических сведений. Исследования польских историков показали, что таблицы 1787 г. богаче по содержанию, чем материалы Ф. А. Циммерманна² и О. Бере³, и дают более точное представление об экономическом положении Силезии в это время⁴.

Табели 1787 г. содержат данные о численности населения, городском и сельском ремесле, о мануфактурах, которые тогда назывались «фабриками»; в них приводятся сведения о числе рабочих на некоторых мануфактурах. Однако эти таблицы имеют и ряд недостатков. В них, по-видимому, учтены не все вроцлавские мануфактуры (современник Ф. А. Циммерманн называет их значительно больше)⁵, отсутствуют данные о количестве рабочих на многих предприятиях. Эти пробелы до некоторой степени восполняются другими данными, в частности, работой Г. Фехнера⁶, который использовал таблицы, составлявшиеся в Силезии ежегодно. Все эти источники позволяют в определенной мере осветить вопрос о состоянии силезской текстильной промышленности во второй половине XVIII в.

В прусской Силезии, площадь которой составляла 37078,9 км², в рассматриваемое время проживало 1 747 607 человек⁷. На 1 км² территории в среднем приходилось 47,1 человека. Силезия была одним из густонаселенных районов Центральной Европы. Средняя плотность населения на 1 км² здесь была значительно выше, чем в польских землях по Висле и Варте⁸.

¹ «Generalne tabele statystyczne Śląska 1787 roku» (далее — GTS), pod red. T. Ładogórskiego. Wrocław, 1954.

² F. A. Z i m m e r m a n n. Beiträge zur Beschreibung von Schlesien, t. I—XIII. Brzeg., 1783—1795.

³ O. B e r e. Geschichte der Statistik in Branbenburg-Preussen bis zur Gründung des königlichen statistischen Bureaus. Berlin, 1905.

⁴ GTS, s. 67—71.

⁵ «Teksty źródłowe do historii Wrocławia», t. I. Wrocław, 1951, s. 76—79.

⁶ H. F e h n e r. Wirtschaftsgeschichte der preussischen Provinz Schlesien in der Zeit ihrer provinziellen Selbständigkeit 1740—1806. Breslau, 1907; е г о ж е. Die Fabrikgründungen in Schlesien nach dem 7-jährigen Kriege unter Friedrich dem Grossen. Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft, 1901, № 57.

⁷ GTS, s. 104, 279.

⁸ T. Ł a d o g ó r s k i. Ludność Śląska i jej struktura społeczna w drugiej połowie XVIII wieku. «Przegląd Zachodni», 1950, № 7, 8, s. 35.

В 1787 г. в Силезии общее число городов и местечек составляло 131, в них проживало 299 906 человек ⁹ или 17,1% всего населения Силезии. Это довольно высокий показатель для последней четверти XVIII в.

По табелям 1787 г. в силесских городах насчитывалось 36 423 ремесленника ¹⁰. Ремесленники составляли 12,1% всего населения городов. В отдельных городах процент ремесленников был ниже среднего показателя, в других — превышал его. Так, в Бжеге ремесленники составляли 8,6%, в Ополе — 11,7, в Рыбнике — 12,2, в Гливицах — 13,4, в Злоторыи — 24% всего городского населения ¹¹.

Судя по табелям, одной из наиболее развитых в Силезии отраслей текстильного производства было сукноделие. Сукно изготавливалось в городах и сельской местности. Прядение шерсти было, как правило, побочным занятием населения. Профессиональные прядильщики встречались здесь гораздо реже, чем в прядении льна ¹². По данным Г. Фехнера, в 1787 г. в прядении шерсти было занято около 24 тыс. человек, из них 595 — в исправительных домах ¹³. Изготовленную пряжу закупали многочисленные скупщики и затем уже перепродавали мастерам-сукноделам. Основная масса скупщиков располагалась в сельской местности ¹⁴. Это, очевидно, свидетельствует о том, что прядением занималось, главным образом, сельское население.

Таблица 1

Скупщики шерстяной пряжи *

Повят	Число скупщиков
Злоторыйский	73
Любинский	62
Жаганьский	55
Сыцковский (с центром сукноделия в Твардогуре)	23
Зелёногурский	20
Спинавский	20
Пщинский	11

* Составлена по данным GTS, s. 166—177.

О числе скупщиков в отдельных повятах с развитым сукноделием дает представление таблица 1.

В Львовецком, Клодзком, Вроцлавском повятах число скупщиков пряжи было тоже очень значительным ¹⁵, но там, наряду с прядением шерсти, сельское население занималось и прядением льна. В источнике же все скупщики объединены под общим названием «Garnsammler», т. е. «собираетель пряжи». Поскольку основная масса сукноделов располагалась в городах, скупщики изолировали прядильщиков от рынка сбыта, скупая у них произведенную пряжу. Очевидно, они пользовались своим монопольным положением для понижения цен на пряжу и закабаления прядильщиков.

Интересно, что в Зелёногурском повяте (с самым крупным центром сукноделия в Зелёной Гуре) число скупщиков пряжи относительно невелико по сравнению с другими повятами. Можно предположить, что в этом повяте основная масса прядильщиков находилась в непосредственной зависимости от крупных купцов (в Зелёной Гуре их было 12) ¹⁶. Прядильщики здесь могли работать для определенных купцов, которые затем сбывали пряжу мастерам-сукноделам.

В источнике, наряду со скупщиками пряжи («Garnsammler»), выде-

⁹ GTS, s. 87—91, 104.¹⁰ Ibid., s. 118—162.¹¹ Ibid., s. 90—104; 118—157.¹² K. F r a h n e. Die Textilindustrie im Wirtschaftsleben Schlesiens. Tübingen, 1905, S. 184.¹³ H. F e c h n e r. Wirtschaftsgeschichte..., S. 622.¹⁴ GTS, S. 296—300.¹⁵ Ibid.¹⁶ Ibid., S. 175.

лены еще «Garnhändler und — meister»¹⁷ (торговцы и мастера пряжи), но трудно определить, что подразумевается под этой категорией.

В отличие от прядильщиков шерсти, преобладающее число мастеров-сукноделов размещалось в городах. В 89 городах сукноделием занималось 4069 мастеров («Tuchmacher» — изготовитель сукна) с 1418 подмастерьями¹⁸. В сельской местности было 66 мастеров¹⁹. В таблице 2 приводятся данные о числе сукноделов в отдельных городах.

Таблица 2

Сукноделы: мастера и подмастерья*

Город	Число мастеров	Число подмастерьев	Число станков
Зелёна Гура	514	232	490
Злоторья	419	368	299
Свободзин	270	70	250
Нова Руда	261	64	258
Вроцлав	167	64	120
Твардогура	149	20	60
Берутов	120	8	72
Любин	111	25	71
Сцивава	110	8	67
Пщина	106	35	92
Львовек	104	30	78
Жагань	104	24	78

* Составлена по данным: GTS, s. 148-157.

Из нее следует, что в 12 городах было сосредоточено 60,9% сукноделов, из них только в четырех крупнейших центрах суконного производства Зелёной Гуре, Злоторьи, Свободзине, Новой Руде зарегистрировано 39,5% всех сукноделов Силезии. В Зелёной Гуре ремесленники, занятые в сукноделии, составляли 11,6% всего городского населения²⁰; в Злоторьи, где процент ремесленников был очень высоким (24%), сукноделы составляли 80% всех городских ремесленников²¹.

Число подмастерьев в сукноделии было невелико по сравнению с числом мастеров. По-видимому, это свидетельствует о том, что в основной своей массе сукноделы были мелкими ремесленниками, которые не только не имели возможности держать подмастерьев, но многие из них и сами попадали в экономическую зависимость от своих преуспевающих коллег. Так, например, по данным Г. Фехнера, в Новой Руде уже в 1774 г. из 115 мастеров-сукноделов 66 «работали за плату»²², т. е. их эксплуатировали или разбогатевшие ремесленники, или купцы.

В среднем на 10 мастеров в городах, указанных в таблице 2, приходилось 2,4 подмастерья, в Пщине — 3, Зелёной Гуре — 4, Злоторьи — 8. Возможно, что в некоторых городах существовали крупные ремесленные мастерские, в которых работало несколько подмастерьев.

Прусское правительство было особенно заинтересовано в развитии сукноделия. Сукно требовалось армии; значительная его часть экспортировалась в Речь Посполитую, в Россию, на Украину. Сукно продавалось на международных ярмарках (Брауншвейг, Лейпциг, Франкфурт на Одере) или непосредственно иностранным купцам, прибывающим во Вроцлав, Зелёну Гуру, Свидницу. Крупнейшие центры сукноделия выделяются и по числу купцов-оптовиков, которые скупали сукно у мастеров, а затем перепродавали его на международных ярмарках. Так, по данным табелей 1787 г., в Зелёной Гуре было 12 купцов-оптовиков, в Злоторьи — 13, в Пщине — 4, в Новой Руде — 3²³.

¹⁷ Ibid., s. 166—177.

¹⁸ Ibid., s. 148—157.

¹⁹ Ibid., s. 292—295.

²⁰ Ibid., s. 99, 155.

²¹ Ibid.

²² H. F e c h n e r. Wirtschaftsgeschichte..., S. 687.

²³ GTS, s. 166—177.

В рассматриваемый период значительное развитие получило также производство полушерстяных тканей и, в частности, месолана («Mesolan»). В 1787 г. в Силезии в этой отрасли было зарегистрировано 856 ткачей-мастеров в сельской местности²⁴ и 84 мастера в городах²⁵. Основная масса производителей месолана сосредотачивалась в Дзержонёвском повяте. Здесь было 697 мастеров²⁶, т. е. около 75% всех ткачей. Довольно значительное число мастеров было также в Клодзком повяте (128)²⁷. В отличие от сукноделия, в производстве месолана число подмастерьев несколько больше числа мастеров (90 : 84)²⁸, т. е. в среднем на 1 мастера приходится 1 подмастерье. Однако и здесь, как и в других отраслях текстильного производства, преобладали мелкие ремесленники. Только во Вроцлаве, где на 5 мастеров приходится 33 подмастерья²⁹, можно предположить наличие крупных ремесленных мастерских и более состоятельных мастеров.

Во второй половине XVIII в. в сукноделии возникает ряд мануфактур. Прядение обычно выполнялось в форме рассеянной мануфактуры, а сам процесс производства сукна — в помещении предпринимателя. Но большинство этих мануфактур прекращает свое существование уже через несколько лет, так как они обычно оказывались нерентабельными. В 1787 г. в сукноделии насчитывалась 21 мануфактура; 5 из них, очевидно наиболее крупные, находились в основных центрах сукноделия, таких как Злоторья, Нова Руда, Вроцлав, Львовек, Пщина³⁰. Остальные же располагались в городах, где число ремесленников-сукноделов было относительно невелико.

К сожалению, источник не сообщает число рабочих, занятых на этих мануфактурах. Ничего не известно также о размерах производства этих предприятий.

Из других отраслей шерстяной промышленности существенное значение имели вязание чулок, рукавиц, производство шляп. Производство чулок велось как в форме ремесла, так и в форме мануфактуры. Крупнейшими центрами были Вроцлав (106 мастеров) и Богушов (83 мастера)³¹. В 1784 г. во Вроцлаве было 4 вязальных мануфактуры, на которых работало 180 человек³². В табелях 1787 г. они уже не упоминаются. Также ничего не сообщает о них и Циммерманн³³. В статистике 1787 г. говорится о 5 вязальных мануфактурах (Стрегом, Рыбник, Пщина, Бяла)³⁴, но они, очевидно, были незначительными.

Полотняное производство в Силезии издавна развивалось в районе Исполиновых и Совиных Гор. Оно было рассчитано, в основном, на потребности внешнего рынка и представляло собой доходную статью в торговле с западными странами. Через порты Северного и Балтийского морей силезское полотно попадало в Лиссабон и Кадикс, откуда его отправляли в Северную и Южную Америку. Крупные партии силезского полотна пересылались также в Италию и при посредничестве итальянских купцов экспортировались в Малую Азию и Северную Африку.

Изготовлением льняной пряжи занимались не только профессио-

²⁴ GTS, s. 295.

²⁵ Ibid., s. 157.

²⁶ Ibid., s. 293.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., s. 175.

²⁹ Ibid., s. 149.

³⁰ Ibid., s. 162—165.

³¹ Ibid., s. 148—157.

³² H. F e c h n e r. Wirtschaftsgeschichte..., S. 679.

³³ «Teksty źródłowe do historii Wrocławia», t. I, s. 76—79.

³⁴ GTS, s. 165—167.

нальные прядильщики, но и значительная часть населения, для которого оно являлось побочным занятием. Изготовленная пряжа обычно скупалась торговцами и нередко проходила через несколько рук, прежде чем попадала к ткачам.

В табелях 1787 г. имеются данные о скупщиках пряжи. Основная их масса находилась в тех повятах, где преобладали ткачи, или там, где выращивались определенные сорта льна и население занималось, главным образом, прядением. В отдельных повятах насчитывалось от 99 (Глоговский) до 259 (Львовецкий) скупщиков³⁵. Скупкой пряжи занимались и крупные купцы-оптовики. В Свидницком повяте числилось 80 купцов-оптовиков, в городе Свиднице — 5, в других городах от 10 (Клодзк) до 74 (Елена Гура)³⁶.

По данным табелей 1787 г., в производстве обычного полотна в городах было занято 3224 мастера и 1068 подмастерьев, в сельской местности — 10923 ткача³⁷. В производстве камчатного полотна число мастеров в городах и повятах почти одинаково: 70 и 69³⁸.

В отличие от сукноделия преобладающее большинство ткачей льняного полотна располагалось в сельской местности, что было связано с условиями, необходимыми для его производства: горные склоны, обилие солнца, стремительные ручьи, а также леса, которые служили как сырьем для изготовления поташа, применяющегося при отбеливании полотна, так и отопительным материалом.

О числе мастеров и подмастерьев в крупнейших центрах производства льняного полотна можно судить по таблице 3.

Число подмастерьев в полотняном производстве значительно ниже, чем в сукноделии. Здесь тоже преобладают мелкие ремесленники. Только Вроцлав несколько выделяется по числу подмастерьев.

В городах, указанных в таблице, было сосредоточено 31,3% всех городских ткачей. В Хелмско, например, ткачи составляли 11,5% всего населения города и 63,4 всех ремесленников³⁹, а в Левине Клодзком соответственно — 16,4 и 66%⁴⁰. В сельской местности доминировали Клодзкий (2093 ткача), Свидницкий (1881), Болковский (1358) и Еленегурский (1252 ткача) повяты. В них было сосредоточено 67,7% сельских ткачей. В Клодзком — ткачи составляли 47,1% сельских ремесленников⁴¹.

Преобладающее большинство ткачей в сельской местности имели небольшое хозяйство и находились в личной зависимости от помещиков. За право заниматься ткацким промыслом они должны были платить феодалу особый ткацкий чинш. Ярмо феодально-крепостнической эксплуатации сочеталось здесь с безжалостным гнетом со стороны скупщиков⁴².

Таблица 3

*Мастера и подмастерья в льняном производстве**

Город	Число мастеров	Число подмастерьев
Хелмско	193	26
Прудник	152	31
Елена Гура	148	8
Левин Клодзкий	146	10
Вроцлав	145	81
Любавка	127	—
Ковары	101	23

* Составлена по данным: GTS, s. 128—137.

³⁵ Ibid., s. 296—301.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., s. 137, 290.

³⁸ Ibid., s. 127, 287.

³⁹ Ibid., s. 90—102.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid., s. 284—295.

⁴² С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей (1793—1844). М.—Л., 1948, стр. 97.

Широкое распространение в полотняной промышленности получила рассеянная мануфактура. Ткачи-кустари, отрезанные как от рынка сырья, так и от рынка сбыта своих изделий, только формально оставались самостоятельными производителями. Фактически же они находились в полной экономической зависимости от торгового капитала. В то же время многочисленные торговцы полотном объединяют торговую деятельность с промышленной и превращаются в мануфактуристов. Ярким примером тому является богатый и предприимчивый каменогурский купец П. Хазенклевер⁴³.

В XVIII в. ткачи уже, как правило, продавали скупщикам и купцам полуготовое полотно. Окончательные операции — аппретура, белиние, окраска и другие — проводились под руководством самих купцов-предпринимателей. Выделение этих операций и сосредоточение их в руках немногочисленных крупных купцов означало окончательное превращение патриархальных крестьянских промыслов в капиталистическую мануфактуру.

Таблица 4

Белильное производство*

Повяты	Число белилен	Число занятых рабочих	В среднем на 1 белильню приходится рабочих
Свидницкий	168	1047	6,2
Еленегурский	55	510	9,2
Клодзкий	50	184	3,6
Болковский	47	361	7,6
Львовецкий	33	330	10

* Составлена по данным: GTS, s. 315—316.

О числе белилен в сельских повятах с развитым полотняным производством дает представление таблица 4.

Встречались крупные белильни, как, например, белильня в Еленегурском повяте с 24 рабочими⁴⁶. По-видимому, в Львовецком и Еленегурском повятах таких крупных белилен было больше, чем в остальных повятах. 33% всех сельских рабочих-белильщиков было сосредоточено в Свидницком повяте, а в пяти указанных в таблице повятах на белильнях работало 76,6% всех сельских белильщиков.

Централизованные мануфактуры в полотняном производстве встречаются очень редко, и они скорее напоминают крупные ремесленные мастерские. В 1787 г. подобные предприятия были во Вроцлаве, Рыбнике, Новой Соли (2 мануфактуры), Грифове, Жагани. Число рабочих на них было незначительное. В Грифове — 3 мастера, в Новой Соли на двух предприятиях — 8, в Жагани — 4⁴⁷. Кроме того, было две мануфактуры грубого полотна, так называемой льняной чертовой кожи («Creas»), в Стрегоме и Коварах⁴⁸. Господствующей формой производства, таким образом, здесь оставалась капиталистическая рассеянная мануфактура.

Развитие хлопчатобумажной промышленности в широком масштабе начинается в Силезии с конца XVIII в. К началу XIX в. эта отрасль становится серьезным конкурентом для сукноделия и производства льня-

⁴³ Там же, стр. 63.

⁴⁴ GTS, s. 316.

⁴⁵ Ibid., s. 270.

⁴⁶ GTS, s. 315—316.

⁴⁷ Ibid., s. 165—167.

⁴⁸ Ibid., s. 162—165.

ного полотна. Хлопчатобумажные изделия, благодаря своей дешевизне, быстро завоевывают внутренний рынок. В Силезии они производились, в основном, из импортной пряжи. Пряжа концентрировалась в руках немногих крупных торговцев и лишь от них через посредников попадала к ткачам. Отделочные операции могли производиться только в условиях крупного производства. Все эти причины обусловили то, что в хлопчатобумажном производстве ярче, чем в других отраслях текстильной промышленности, проявились капиталистические формы хозяйства⁴⁹. Купцы раздавали ткачам пряжу и платили им за изготовленную ткань. Здесь мы уже имеем дело с тем явлением, которое В. И. Ленин называл «высшей формой торгового капитала», когда «кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста»⁵⁰.

Данные таблицей 1787 г. о ремесленниках в хлопчатобумажном производстве, по-видимому, не точные. В них зафиксировано только 11 ткачей-ремесленников в Дзержонёвском повяте⁵¹. По данным же Г. Фехнера, в хлопчатобумажной промышленности (прядении и ткачестве) в 1786 г. в Силезии было занято 2884 человека: ремесленников и мануфактурных рабочих⁵².

Ведущее место в хлопчатобумажном производстве занимала централизованная мануфактура. В 1787 г. насчитывалось 14 мануфактур по производству ситца, на которых работало 999 человек⁵³. Кроме того, в источнике указана еще 1 фланелевая мануфактура и 24 мануфактуры по производству шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных изделий⁵⁴. Наиболее крупные предприятия находились во Вроцлаве, Бжеге и Дзержонёве. На трех мануфактурах во Вроцлаве работали 681 человек (68,1% всех рабочих, занятых на ситцевых мануфактурах), на мануфактуре в Бжеге — 173 человека, в Дзержонёве — 60 рабочих⁵⁵. Мануфактура в Бжеге помещалась в работном доме и использовала труд деклассированных элементов.

Изготовлением шелковых изделий занимались в основном ремесленники, но существовали и мануфактуры. Здесь следует прежде всего назвать старейшую вроцлавскую мануфактуру по производству тканей, шитых серебром и золотом, принадлежавшую Кригельштейну. Прядение выполнялось кустарями на дому, а основные операции были сосредоточены в помещении предпринимателя. В 1786—1789 гг. у него работало 120 человек. На такой же мануфактуре у Экардта в 1786—1787 гг. было занято 46 человек⁵⁶. В источнике же указана только одна мануфактура⁵⁷.

Одним из крупнейших было производство турецкой пряжи Форстера. Форстер открыл секрет окраски пряжи, и его предприятие в конце XVIII в. процветало. Источник не указывает числа рабочих, занятых у Форстера. По данным Г. Фехнера, у него работало в 1786—1787 гг. 750 человек⁵⁸. Прядение было организовано в форме рассеянной мануфактуры. Для Форстера работали кустари-прядильщики в различных районах Предгорья, а также деклассированные элементы в Ключборкском приюте⁵⁹.

⁴⁹ С. Б. Кан. Там же, стр. 132—133.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 367.

⁵¹ GTS, s. 292—295.

⁵² Н. Фехнер. Wirtschaftsgeschichte..., S. 682.

⁵³ GTS, s. 165.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid., s. 162—163.

⁵⁶ Н. Фехнер. Wirtschaftsgeschichte..., S. 695—696.

⁵⁷ GTS, s. 165.

⁵⁸ Н. Фехнер. Wirtschaftsgeschichte..., S. 667.

⁵⁹ «Teksty źródłowe do historii Wrocławia», t. I, s. 77.

Таким образом, в текстильной промышленности развивался капиталистический уклад: увеличивалось количество мануфактур, возрастал масштаб применения наемного труда, происходило разложение старой ремесленно-цеховой системы хозяйства.

По данным табелей, в 1787 г. в Силезии насчитывалось более 90 мануфактур⁶⁰ в текстильном производстве. Число наемных рабочих, занятых на 13 хлопчатобумажных мануфактурах (если не принимать во внимание мануфактуру в Бжеге, использовавшую труд деклассированных элементов), на мануфактурах Кригельштейна, Форстера, Экардта и на городских белильных составляло в общей сложности более 2100 человек. Источник не указывает числа рабочих, занятых на остальных централизованных мануфактурах, не учтены здесь также многочисленные пролетаризирующиеся мелкие товаропроизводители, постепенно превращавшиеся в работников капиталистической рассеянной мануфактуры.

Устойчивое положение централизованная мануфактура занимала прежде всего в хлопчатобумажной промышленности. В сукноделии же, и особенно в ткачестве льняного полотна, эта форма не была стабильной.

Разложение ремесленно-цеховых отношений ярче всего прослеживается на примере сукноделия (вследствие того, что сукноделие было развито преимущественно в городах, оно в большей степени испытывало влияние цеховой системы), где мелкие товаропроизводители попадали в экономическую зависимость от торгового капитала и одновременно быстрыми темпами шел процесс имущественной дифференциации в среде самих мастеров.

В производстве льняного полотна доминировали примитивные формы капиталистической рассеянной мануфактуры. Здесь еще далеко не была достигнута та «высшая форма торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал «кустарям» на выработку за определенную плату», а «торговый капитал скупщика переходит ... в промышленный капитал»⁶¹.

Скупщик в этой отрасли хотя и был первым носителем капиталистических отношений, но, внедряясь в производство, не изменял его способа, а оставался только представителем торгового капитала. Маркс отмечал, что в этом еще проявлялся старый раздробленный способ производства, что «подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического производства и гибнут по мере его развития»⁶².

В полотняном производстве темпы перехода от одной формы мануфактуры к другой, от мануфактуры рассеянной к централизованной, были довольно замедленными. Основными причинами этого явления были феодально-крепостнические отношения в Силезии, отсутствие достаточного количества свободной рабочей силы и узость внутреннего рынка.

Таким образом, судя по данным генеральных статистических табелей, силезская текстильная промышленность в рассматриваемое время вступила уже на путь перехода от ремесла к капиталистической мануфактуре. Темпы этого перехода в различных отраслях текстильной промышленности в зависимости от специфических условий их развития были неодинаковыми, что и повлекло за собой появление многочисленных промежуточных форм между ремеслом и централизованной мануфактурой. Объективно же ход этого процесса, несмотря на замедленные темпы его в некоторых отраслях, вел ко все более широкому внедрению капиталистических форм хозяйства и формированию предпролетариата.

⁶⁰ GTS, s. 162—167.

⁶¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 3, стр. 368.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 25, ч. 1, стр. 367.

А. В. КАЛЛОШ

ИЗ ИСТОРИИ ХОРВАТСКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ 30-х ГОДОВ

В хорватской литературе 30-х годов нашего века весьма заметным явлением стала реалистическая драма. С ее развитием — прежде всего в творчестве крупнейшего писателя этого периода, поэта, прозаика, драматурга М. Крлежи — тесно связано возрождение реализма в хорватской литературе, усиление его критической направленности и углубление психологического анализа. Именно в этот период происходит формирование некоторых жанров хорватской прозы, в частности, социально-психологической драмы.

Поэтому изучение хорватской реалистической драмы 30-х годов, истории ее возникновения, ее жанровых и стилевых особенностей представляется важной научной задачей. Учитывая, однако, отсутствие советских работ по данной теме и недостаточную разработанность этих вопросов в югославской науке, автор вынужден ограничить себя рассмотрением выдвинутого круга проблем в основных чертах. Мы рассмотрим трилогию М. Крлежи «Глембай» (1929—1931), пьесы «В тылу» (1939) и «Из мрака» (1939) М. Фельдмана и некоторые пьесы цикла «Хоровод смерти» (1934—1947) М. Матковича.

Развитие реалистической драматургии в хорватской литературе в конце XIX в. и в XX в. шло с запозданием и не так интенсивно, как в западноевропейских странах. Первые опыты относятся к 90-м годам прошлого века. Это были инсценировки романов писателя-натуралиста Е. Кумичича, сделанные самим автором («Сестры» и др.). Яркая бытовая драма И. Войновича «Буря равноденствия» (1893) затронула некоторые актуальные социальные проблемы того времени (разорение крестьян, эмиграция), с большой достоверностью показала жизнь народа и народные характеры. Интересна также попытка Войновича воссоздать в этой пьесе образ капиталиста эпохи первоначального накопления (Нико). В период хорватского модерна (1895—1914 гг.) драматургия Войновича впитывает многие черты символизма («Дубровницкая трилогия», 1902). Что касается так называемой «крестьянской драмы» (И. Косор, С. Туич), которая занимала тогда в хорватской драматургии позиции ведущего жанра, то в ней были очень сильны натуралистические тенденции.

В хорватской драматургии следующего десятилетия господствует экспрессионизм. Хотя экспрессионизм — течение нереалистическое и в этом смысле прямо не способствовавшее развитию реалистической драмы, в хорватской литературе левого экспрессионизма уже в самом начале 20-х годов присутствуют элементы реалистического метода¹. Уже в пацифистски

¹ См. Г. Я. Ильяна. Становление революционной хорватской литературы в 20-е годы. «Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури». Київ, 1967.

приподнятой «Галиции» (1920) Мирослав Крлежа, в отличие от предыдущих общенно-философских пьес «Христофор Колумб» (1918) и «Микельанджело Буонаротти» (1919), насыщенных экспрессионистской символикой, стремится к изображению реального человеческого характера, действующего в конкретных жизненных обстоятельствах. Выступившая здесь тенденция получает свое дальнейшее развитие в пьесе Крлежи «Село Вучьяк» (1923), в центре которой — образ интеллигента, ищущего свой путь в хаосе первых послевоенных лет. Обе пьесы вместе с его же «Голгофой» (1922) югославские исследователи называют «переходными», хотя соотношение реалистических и экспрессионистских элементов в каждой из них различно².

В качестве ведущего творческого метода у Крлежи и во всей хорватской литературе реализм утверждается в самом конце 20-х годов с появлением его трилогии о Глембаях: «Господа Глембай» (1928), «В агонии» (1928) и «Леда» (1931).

В «Глембаях» с особой остротой зазвучала социальная критика, а именно критика буржуазного общества, его антигуманистической морали. Если Войнович видел только первые шаги начинающегося капитализма и показал жестокость, которую вносит он в человеческие отношения, а Кумич обратил внимание прежде всего на растленность нравов городских верхов, то Крлежа связывает буржуазную мораль со всем ходом развития класса от преступлений эпохи первоначального накопления до физического вырождения после многих десятилетий паразитического существования.

Трилогия Крлежи составляет единый цикл, в котором писатель намеревался дать, говоря словами Золя, «естественную и социальную историю» семейства хорватских буржуа. Эта идея роднит глембаевский цикл с сильной традицией европейского реалистического романа. Нет работы об этом произведении Крлежи, где бы рядом с Глембаями не упоминались их европейские и русские родственники — Ругон-Маккары как родоначальники, затем Будденброки, Форсайты, Тибо, Артамоновы³; хорватский исследователь И. Видан в статье «Цикл о Глембаях в его европейском окружении»⁴ специально проанализировал особенности тематики и композиции так называемого генеалогического романа, в котором на судьбе трех поколений семьи показаны подъем и загнивание буржуазии. В хорватской литературе подобного типа произведения не было⁵, и этот пробел пришлось восполнить не романисту, а драматургу.

Драмы глембаевского цикла объединены в одно целое единой художественной задачей. Каждая драма фиксирует один из моментов распада хорватской буржуазной аристократии. Действие трилогии охватывает небольшой по времени (1913—1925 гг.), но насыщенный коренными пере-

² Из обширной литературы о Крлеже укажем работы, в которых освещается весь творческий путь драматурга и, соответственно, место этих драм: М. М а т к о в и ć. *Marginalija uz Krležino dramsko stvaranje* (1949). «Zbornik o Krleži», Zagreb, 1963; S. V u ć e t i ć. *Krležino književno djelo*. Sarajevo, 1958; В. Г л и г о р и ћ. *Пут драмског стварања Мирослава Крлеже*. «Савременик», Београд, 1960, № 8—12; В. Н е ć и м о в и ć. *Tri drame u Krležinom dramskom djelu*. «Kolo», Zagreb, 1968, № 7. (Отметим попутно, что перу Б. Хечимовича принадлежат также ценные обобщающие работы о хорватской драматургии межвоенного периода, например, статья «Hrvatska dramska književnost između dva rata» в кн. «Rad JAZU», knj. 353, Zagreb, 1968).

³ O. В и h a. *Nekoliko opštih misli o današnjem pozorištu a specialno o «Gospodi Glembajevima»*. «Nova literatura». Beograd, 1929, s. 202—205; М. П л а м е н а ц. *Мирослав Крлежа*. «Преглед», кн. XII, Београд, 1936; М. R i s t i ć. *Krležini Glembajevi* (1929). «Zbornik o Krleži». Zagreb, 1963; М. D e d i n a c. *Nekoliko Glembajevih na beogradskoj pozornici* (1946); Ibid.; М. М а т к о в и ć. Ibid.

⁴ Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 353, Zagreb, 1968.

⁵ Хотя сходный композиционный прием применил в хорватской драматургии до Крлежи И. Войнович в «Дубровницкой трилогии».

менами исторический период, когда в результате распада габсбургской империи рушился вековой уклад высшего австро-венгерского и, соответственно, связанного с ним (не только экономически, но и образом жизни, воспитанием, образованием и т. д.) слоя высшей хорватской буржуазии. 1918 год проходит лейтмотивом в пьесах «Вагонии» и «Леда», деля трилогию как бы на две части: до и после катастрофы. Первая ее часть — «Господа Глембаи», действие которой происходит накануне войны, показывает, что хорватское буржуазное общество уже тогда находилось в глубоком кризисе.

Крлежа исчерпывающе охарактеризовал в цикле существенное для тогдашней общественной жизни явление, названное им глембаевщиной. Это обобщенное понятие включает в себя целый комплекс черт социальной психологии буржуазии в том ее национальном варианте, который сложился в Хорватии в конце XIX — начале XX в.

Заклеймив Глембаев («Все Глембаи — убийцы и шулера!»)⁶, писатель ставит своей задачей показать в каждом поступке типичного Глембая антигуманистическую сущность класса. Видимость, основанная на лжи, всякого рода обмане, противопоставлена скрытой за всем этим сущности — а ею всегда оказывается преступление, убийство. Смысл действия заключается в постоянном поиске правды.

Видимость в начале действия первой пьесы — это преуспеяние, внешне спокойное, сытое существование, наслаждение плодами «трудов» многих поколений Глембаев. Это эпикурейское мироощущение воплощают представители старшего поколения: банкир Игнат Глембай и его двоюродный брат, бывший жупан Титус Фабрици. Однако нынешнее благополучие Глембаев, как открывает сын Игната Леоне, основано на их преступном прошлом, в частности на убийстве, совершенном первым Глембаем в целях обогащения. За добропорядочной внешностью Глембаев-аристократов тоже скрываются убийцы: «милая, очаровательная» супруга Игната баронесса Каstellли, проезжая в карете, насмерть задавила старую женщину, а позднее вызвала самоубийство ее снохи с ребенком.

Канонизируя предков, чтобы скрыть компрометирующее их прошлое, Глембаи точно так же стараются затушевать нынешние свои преступления. Писатель разоблачает буржуазную благотворительность как одну из разновидностей глембаевской лжи, которая маскирует пропасть между имущими и неимущими и помогает одним удерживать в смирении других.

Преступление и ложь проникают во все поры глембаевского общества, затрагивая отношения между самыми близкими людьми. Уничтожающей критике подвергается в пьесе буржуазная семья. Игнат гордится этой «строгой консервативной моделью брака». Упрекая сына в неспособности создать семью, он объясняет это отсутствием у того также и страсти к накоплению, ибо для отца деньги и «модель брака» — фундамент глембаевского общества. Леоне разоблачает мнимую любовь и взаимопонимание, на которых якобы основан брак Игната и баронессы. В основе его, как и всей карьеры Глембаев, — расчет и убийство: самоубийство первой жены Игната, матери Леоне.

Глембаевщина распространяет свое тлетворное влияние даже на тех, кто хочет с ней бороться. Восставая против убийств и самоубийств, неотделимых от существования мира Глембаев, сам Леоне, будучи крепко связан с ним, не находит действенных средств борьбы. Сраженный признанием Леоне о связи с мачехой, умирает его отец; от руки Леоне погибает и баронесса. Сцена распада семьи завершается в конце пьесы сообщением о банкротстве фирмы.

⁶ М. Крлежа. Господа Глембаи. «Избранное». М., 1958, стр. 370.

Конфликт чистой, возвышенной личности с фальшью и античеловечностью буржуазного общества, олицетворяемого Глембаями, составляет основу второй пьесы трилогии «В агонии».

Крах габсбургской империи еще более обострил противоречия, обнаружившиеся в среде Глембаев накануне войны. Кавалерийский офицер Ленбах, муж внучатой племянницы Игњята Лауры, оказался после 1918 г. не у дел. Простившись с военной карьерой и презирая какой бы то ни было труд, он опускается все ниже и ниже по общественной лестнице. С тем большим отчаянием цепляется он за последние атрибуты былого — за отжившие свой век сословные предательства о чести офицера и дворянина. «Ленбахи живут в браке, как это записано в церковных книгах, — заявляет он Лауре, — уже более 300 лет, и неслыханно, чтобы хоть один Ленбах расторгнул свой брак до своей смерти!»⁷. Однако те формы бытия, которые ранее были оправданы традицией, соображениями престижа, экономической зависимостью женщины и т. д., обнаруживают теперь полную бессмысленность. Лаура, в отличие от Глембаев, «искренняя и открытая», «естественная и безыскусная», смирившись было с глембаевской «моделью брака», все сильнее начинает осознавать гнет ненавистных ей отношений и видит выход из своего положения в браке с любимым человеком.

Адвокат Крижовец на первый взгляд противопоставит Ленбаху своей устроенностью и осмысленностью существования. Он отличается активностью и честолюбием, старается сохранить внешнее достоинство даже после катастрофы. И тем не менее это тоже человек сломленный, тоже «бывший». То, что Лауре кажется успехом, карьерой, есть лишь более или менее успешное приспособление к обстоятельствам. Крижовец не может спасти Лауру не только потому, что он такой же пострадавший, как и она, но и потому также, что несет в себе из довоенного прошлого груз условностей, лжи и равнодушия. Крижовец — фразер по натуре, и этот свой глембаевский порок он проявляет при первом же решительном объяснении с Лаурой после самоубийства Ленбаха. В своем порыве к духовному очищению Лаура опять наталкивается на стену глембаевской фальши и, не выдержав нового испытания, стреляет в себя.

«Леда», названная автором в отличие от первых двух драм комедией, являет нам целый мир фальшивых страстей: часто они прямо пародируют переживания действующих лиц первых частей. Урбан, загубивший после 1918 г. свою карьеру, резко критикует, как и Леоне, окружающее его общество, однако его выступления полны нигилизма отверженного и обреченного человека. В сюжетной линии Мелита, Урбан и Кланфар Крлежа создает как бы фарсовый вариант драмы Лауры, Ленбаха и Крижовца. Мелите же чужда та искренность и цельность натуры, какую обладала Лаура, и весь конфликт исчерпывается рядом семейных сцен. Проецируя мотив древнегреческой мифологии о прекрасной Леде, которая воспринималась художниками Возрождения как символ любви, на банальные любовные приключения действующих лиц пьесы, писатель еще больше оттеняет нравственную деградацию глембаевского общества.

Пьесы глембаевской трилогии вызвали ожесточенную полемику в литературных кругах. Консервативная печать упрекала автора в клевете на загребское общество и в отсутствии у него драматического таланта; некоторые марксисты, настроенные вульгарно-социологически, ставили ему в вину отступление от революционного мировоззрения 20-х годов⁸. Однако передовая литературно-критическая мысль приветствовала по-

⁷ М. Крлежа. U agoniji. «Sabrana djela», sv. 4—5. Zagreb, 1954, s. 523.

⁸ Материал о полемике в связи с «Глембаями» см. в кн. М. Крлежа. Moj obračun s njima. Zagreb, 1932.

вое произведение писателя как крупное достижение социального и психологического реализма⁹.

Несмотря на то, что драма ибсеновского типа была известна в хорватском театре с конца XIX в., пьесы Крлежи, написанные, как признавал сам автор, «по образцу скандинавской школы 90-х годов»¹⁰, казались необычными. И, собственно, неожиданным был сам по себе тот факт, что Крлежа отказался от художественной техники экспрессионизма, которую он использовал ранее. В дальнейшем Крлежа, сохраняя напряженность конфликта, свойственного его экспрессионистским драмам, освобождается от их экзотического тона и предоставляет развитие конфликта в пьесах взаимодействию характеров. В способе организации драматического действия и в новых приемах построения драматического характера заключаются главные изменения в методе писателя.

Вопрос о внутреннем действии как наиболее важном элементе реалистической драмы Крлежа особо подчеркнул в своем известном выступлении в Осиеке перед чтением пьесы «В агонии»: «Драматическое действие на сцене не количественно. Напряженность каждой сцены не зависит от внешней динамики событий; напротив, сила драматического действия по-ибсеновски конкретна, качественна и состоит из психологических проявлений каждой личности, выражающей на сцене себя и свою судьбу»¹¹.

Уже первые рецензенты заметили, что в новых драмах Крлежи мало действия (событий) в привычном его понимании, отсутствует динамизм экспрессионистского типа. Во всех трех актах пьесы «Господа Глембаи» и в обоих актах пьесы «В агонии» происходит только одно решающее событие, падающее, как правило, на самый конец акта (это соответственно: обвинение Леоне в адрес баронессы, признание Леоне, убийство баронессы; самоубийство Ленбаха, самоубийство Лауры). Все же остальное — пространные «разговоры» действующих лиц на сцене — относили к растянутой экспозиции¹² и к эпическому (а не драматургическим) чертам стиля Крлежи¹³. Между тем, на протяжении каждого акта происходит самая тщательная психологическая подготовка кульминационного события, которое при всей его неожиданности оказывается глубоко мотивированным: психологическая коллизия, существовавшая до появления Леоне в доме отца, развивается от скрытых и слабых столкновений до открытой конфронтации нравственных позиций и до прямого разоблачения, в результате которого и происходит развязка каждого действия; в свою очередь, нарастание драматического действия во всей пьесе складывается из последовательного усиления каждой из этих частных развязок.

В глембаевской трилогии Крлежу-драматурга отличает особый интерес к многостороннему изображению человеческого характера в его связи с конкретной жизненной обстановкой. Драматический характер, создаваемый в трилогии средствами реалистической типизации, складывается из многих компонентов: из определенного классового содержания, из результатов происхождения и воспитания (роль предыстории в драмах огромна), из индивидуального способа поведения. В литературе о Крлеже часто опровергается мнение, высказанное, вероятно, когда-то первыми критиками, что язык глембаевских персонажей, жаргон, главной особенностью которого является смешение хорватской речи с немецкой, якобы лишает их индивидуальной речевой характеристики. Последняя, однако,

⁹ М. В о г д а н о в и ć. U agoniji (1928), Gospoda Glembajevi (1929); V. М а с л е š а. U agoniji (1931). «Zbornik o Krleži», Zagreb, 1963.

¹⁰ М. К р л е ж а. Moj obračun s njima, s. 203.

¹¹ Ibid.

¹² G. F o d o r. Gospoda Glembajevi. «Nova literatura», Beograd, 1929.

¹³ М. С а в к о в и ћ. У агонији, «Мисао». Београд, 1931, кн. XXXVI.

достигается иными средствами: не лексически, а способом мышления, проявляющимся в речи, конструкцией фраз, их интонацией. Целям индивидуализации характера служат и обширные ремарки, где фиксируется портрет персонажа, его мимика, манера говорить. С такой же детальностью изображена и обстановка, в которой действуют персонажи. Пьесы глембаевской трилогии с их тщательным фиксированием деталей характера и быта ставили перед театром новые требования сценического реализма.

Важные изменения произошли у Крлежи в структуре образа его положительного героя. Следуя жизненной правде, писатель стремится приблизить драматический образ к действительности, реальным, обычным людям. Крлежа был бы вправе сказать о себе словами Чехова, что в его драмах нет ни злодеев, ни ангелов. Автор довольно объективно относится к своим персонажам. Несмотря на отчетливое противопоставление глембаевцев и неглембаевцев, пропасть между героем и толпой, которая зияла в экспрессионистских пьесах Крлежи, значительно уменьшена. С точки зрения драматического характера Игнат Глембай, Фабрици, баронесса, Ленбах, Крижовец вполне достойны положительных героев — Леоне и Лауры. С другой стороны, в характере последних автор находит некоторые черты, которые в известной степени уравнивают их с первыми. Отсюда двойственность этих персонажей, которые являются положительными лишь наполовину, так как при всей своей непримиримости к глембаевщине сами обладают некоторыми ее свойствами. Наличие двойственности в характере положительного героя позволяет Крлеже создать еще один пласт действия в пьесе: внутренняя борьба героя с самим собой, подсудное созревание решения.

Заканчивая анализ «Глембаев», укажем некоторые следы нереалистических литературных влияний, дающих о себе знать в этом реалистическом произведении.

Так, например, несмотря на отталкивание от экспрессионизма, Крлежа сохраняет некоторые его стилевые особенности, которые становятся уже органичными для драматургического метода этого писателя в целом. Элементы экспрессионизма обнаруживаются в патетичности отдельных сцен, в мотиве раздвоения личности и персонификации двух ее половин, в некоторых приемах гротеска. Начав свой творческий путь в драматургии еще в 1914 г., Крлежа испытал сильное влияние господствовавшей тогда символистской, а особенно натуралистической драмы. Любимая линия Леоне и Беатрис отмечена лирической интонацией метерлинковских пьес. Натурализм проявляется как в «классическом» его виде (дурная наследственность), так и в экспрессионистском его варианте («эдипов комплекс» у Леоне)¹⁴. Сочетание элементов различных литературных направлений и течений — на основе критического реализма — создало особый стиль драматургии Крлежи 30-х годов.

Трилогия Крлежи «Господа Глембай» оказала большое влияние на хорватскую драматургию последующего десятилетия. Она поставила ряд актуальных социальных и этических вопросов, которые разрабатывались затем хорватскими драматургами; создала свою школу психологического анализа. Мотивы трилогии проникают во многие пьесы того времени также и своим духом, особой глембаевской атмосферой, которая ощущается в тоне диалога, в конструкции реплик, в типажах и совпадении отдельных ситуаций.

¹⁴ Интересное объяснение характера Леоне с точки зрения психоанализа сделано в статье: Н. К I a j n. «Gospoda Glembajevi» u svetlu dubinske psihologije. «Forum», Z agreb, 1968, № 1.

Опыт «Глембаев» сказался на дальнейшем творчестве самого автора. В 1933—1934 гг. Крлежа переработал пьесу «Галиция», которая получила теперь название «В лагере». Из трех пьес «переходного» периода он не случайно избрал именно эту, ибо она ближе остальных соприкасается с темой глембаевской трилогии. Пьеса изображает события, которые исторически следуют за первой частью трилогии и по своему содержанию связаны с теми чертами буржуазии, которые писатель обобщил в понятии глембаевщины. В пьесе реализуется мотив сотрудничества глембаевского банка с австро-венгерской промышленностью накануне войны («Господа Глембаи», конец I д.); в условиях войны полнее раскрылся моральный облик представителей глембаевского общества — убийц и жуликов. Разоблачение войны как порождения глембаевского духа и как преступления перед человечеством сделало пьесу «В лагере» весьма актуальной в годы подготовки новой мировой войны.

Несмотря на успех «Глембаев», новый стиль социально-психологической драмы не сразу завоевал главные позиции в хорватской драматургии. Экспрессионизм, преимущественно в жанре трагикомедии и гротеска, продолжал широко бытовать в хорватской драматургии и в конце 20-х годов, т. е. одновременно с «Глембаями» («Таинственный Камич» И. Кулунджича — 1928; «Пролог к ненаписанной драме» И. Войновича — 1929), и оказывал влияние даже в первой половине 30-х годов (пьесы М. Фельдмана «Заяц» — 1933; «Профессор Жиц» — 1934; «На углу» — 1935; «Серна» — 1936).

Среди названных выше произведений Мирослава Фельдмана выделяется пьеса «Заяц», значение которой для творчества этого писателя можно сравнить с «переходными» пьесами Крлежи. Фельдман — единственный из хорватских драматургов, кроме Крлежи, который обратился к теме первой мировой войны¹⁵. Оба писателя, правда, в разных жанрах, разрабатывают один круг проблем, обнаруживая близость и в их идеологической оценке. Так же как и Крлежа, Фельдман разоблачает своеволие, тупость и античеловечность австрийской военщины (капитан Дорингер) и показывает бунт против нее. Эта сюжетная линия, как и все эпизоды с зайцем, выполнена в гротескном плане (схематичность действия и характеров, внезапные немотивированные переходы от трагического к комическому, парадоксы). Вместе с тем, взаимоотношения положительного героя — поручика Котроманича с капитаном) открывают новый аспект драматического конфликта, который развивается в духе реалистической драмы. Как и герой «Галиции», Котроманич противопоставляет человеконенавистничеству капитана чувство собственного достоинства, но, в отличие от неуравновешенного Хорвата, он более выдержан и последователен в своей оппозиции, более демократичен и яснее сознает необходимость оздоровления общественных отношений, породивших и таких, как капитан, и саму войну.

Тем не менее утверждение метода социального и психологического анализа в драматургическом творчестве Фельдмана происходит лишь к концу 30-х годов, когда появляется его пьеса «В тылу» (1939), — наряду с «Глембаями», крупнейшее достижение хорватской реалистической драмы того времени¹⁶.

¹⁵ См. полемику Крлежи с сербским писателем М. Црнянским (M. K r l e ž a. M. Crnjanski o ratu. «Sabrana djela», sv. 13. Zagreb, 1956), который в статье «Оклеветанная война» (1934) выступил с нападками на антивоенную литературу и с прославлением войны, отрекаясь тем самым от собственного пацифизма 20-х годов (романы «Дневник о Чарноевиче» (1921) и даже «Переселения» (1929).

¹⁶ Пьеса Фельдмана принадлежит к наиболее репертуарным произведениям этого периода. Она была показана в Хорватском Национальном театре с 1939 по 1941 г.

Писатель соединил в этой пьесе обе главные темы передовой хорватской драматургии межвоенного периода — критику буржуазного общества и протест против войны. В центре ее — разоблачение официального, глембаевского тыла как пособника войны. Отличительные свойства глембаевщины воплощены здесь в образе адвоката Горанина, фигура которого напоминает Игњята Глембая. Горанину свойственно филистерское преклонение перед войной и военными «подвигами», бездумная преданность высшей силе и профессиональная готовность оправдывать все и вся.

В тылу, так же как и у Крлежи «в лагере», проходит внутренняя линия фронта. Протест против тыловой действительности поднимает доктор. Гуманист по самой своей профессии, он выступает против ложной идеи святости войн. Он абсолютно убежден в том, что война противна человеческой природе, но вместе с тем готов принять участие в освободительной войне. Антимилитаристская позиция доктора не исчерпывается пацифизмом, а дополняется борьбой против социального зла — против «отцов города», против благотворительных комитетов, против эгоизма и корыстолюбия мещан. В финале пьесы чувствуется дыхание очистительной бури, которую несут с собой наступающие на город «зеленые отряды». Несмотря на стихийность и распыленность этого массового движения протеста, развернувшегося в Хорватии в конце войны и начале 20-х годов, провозглашение его в качестве действенной силы, соединение индивидуального бунта героев с народным движением является большим шагом вперед в решении писателем проблем современности.

Фельдман, как и Крлежа, в своем творчестве эволюционировал от экспрессионизма к реализму. Этот процесс сопровождался у обоих писателей прояснением структуры драмы, приближением ее к формам обычной жизни. Однако, если Крлежа пришел от экспрессионизма к критическому реализму, то Фельдман по своим идейно-эстетическим взглядам ближе к течению «социальной литературы»¹⁷. Обладая более четкой идейной позицией, он уступает Крлеже в силе таланта и мастерства.

Как и Крлежа, Фельдман постепенно овладевал реалистическими методами создания драматического характера, углублял психологическую мотивировку поведения персонажей. В этой пьесе он показал себя также мастером создания сценической атмосферы. Однако в пьесе «В тылу» дает о себе знать и известная схематичность в обрисовке характеров и в построении действия. Если в «Глембаях» для Крлежи чрезвычайно важна сфера внутренней жизни персонажей, то Фельдман больше фиксирует внешние проявления человеческого характера. В связи с этим прямые, незамаскированные человеческие отношения стоят в его драме на первом плане, в отличие от преобладающего у Крлежи глубокого подтекста¹⁸.

Своеобразно протекало становление реалистического метода в драматургии Марьяна Матковича.

Маткович начинает свое творчество с темы агонии глембаевского общества. В образе старшего Вагнера — пьеса «Дело выпускника Вагнера» (1934) — он показывает судьбу бывших столпов хорватского общества времен Австро-Венгрии после войны. Крупный чиновник в прошлом,

33 раза («Господа Глембай» за 1929—1936 гг. — 37 раз, «В агонии» с 1928 по 1940 г. — 60 раз). «Hrvatsko narodno kazalište. 1860—1960». Zagreb, 1960.

¹⁷ О течении «социальная литература» см. М. Б. Б о г д а н о в. Разработка марксистско-ленинской концепции развития сербской литературы в 30-е годы. «Советское славяноведение», 1969, № 6.

¹⁸ Отсюда, разумеется, не следует, что Фельдман вовсе не использует подтекст. Однако трудно согласиться и с переоценкой роли подтекста в его драмах. См. послесловие С. Батушича в кн: М. F e l d m a n. Tri drame. Zagreb, 1956.

а ныне мелкий служащий, Вагнер не хочет мириться с историей, бесповоротно изменившей его жизнь. «Тогда» и «теперь» — это противопоставление лежит в основе его мышления, контраст между прекрасным прошлым и жалким настоящим определяет весь психический склад его характера, главная черта которого — неудовлетворенное, болезненное самолюбие.

Сын Вагнера Эмиль принадлежит уже к другому поколению. Ему чуждо преклонение перед иерархической системой австро-венгерского общества. Эмиль хочет вырваться из затхлой атмосферы отчего дома: он заводит новых друзей, свободных от традиций его класса (Рикардо Дорич), бежит из гимназии, судорожно пытается утвердить свою личность вопреки деспотизму отца. Однако, не выдержав борьбы, он кончает жизнь самоубийством.

Первая драма Матковича несет на себе заметное влияние экспрессионизма, в частности, литературы на тему борьбы поколений (драма В. Газенклевера «Сын», новелла Ф. Верфеля «Не убийца, а убитый виновен» роман Л. Франка «Разбойники» и др.). В пьесе ощутимо присутствует весь комплекс идей и образов, вплоть до деталей обстановки, характерных для этих произведений (изначальная ненависть между отцом и сыном, желание отцеубийства и т. д.), однако, способы их воплощения уже в значительной степени исходят из реалистического метода. Конфликт не доводится до абсолютизации борьбы отца и сына, но помещается во вполне конкретную бытовую среду, наполняется и социальным, и мировоззренческим содержанием. Инстинктивная вражда между отцом и сыном не преобладает в пьесе, а проходит как подводное течение, которое должно усилить противоречия психологического и социального характера. Хотя диалог пьесы имеет тенденцию к монологичности и патетике, автор выдерживает в основном тон обычной, разговорной речи.

Основной чертой стиля Матковича является обостренный, болезненный психологизм. Пафос произведения состоит в страстном призыве к человеколюбию. Герой Матковича далек от разрушительной программы своих литературных прототипов, направленной на уничтожение любых социальных уз, и жаждет только сострадания. Эта любовь к несчастному, «маленькому человеку», несмотря на всю ограниченность такого гуманизма в 30-е годы, придает пьесе Матковича прогрессивное звучание¹⁹.

В общей системе цикла Матковича «Хоровод смерти» первая пьеса играет роль экспозиции. История Эмиля Вагнера здесь начинается и заканчивается, и дальнейшее действие принадлежит его школьным друзьям — Пуцельскому и Доричу²⁰.

Образ Пуцельского чрезвычайно важен для развития глембаевской темы в межвоенной хорватской драматургии. В нем Маткович расширил понятие глембаевщины в применении к современности. Пуцельский олицетворяет собой новую глембаевщину — фашиствующего толка. От пьесы к пьесе Маткович показывает формирование этого типа — от хорошо одетого молодого человека, овладевшего внешними признаками глем-

¹⁹ Это подтверждается ее сценической судьбой. Поставленная в Хорватском Национальном театре в 1935 г., пьеса была сразу же снята с репертуара по требованию цензуры. Причиной было воодушевление публики. Пьеса Матковича привлекала своим протестом против подавления человеческой личности, которое ассоциировалось с удручающей атмосферой монархо-фашистской диктатуры.

²⁰ Между пьесами «Дело выпускника Вагнера», «Поминок» и пьесой «Безымянная» (написанными до войны), в которых действует Пуцельский, находятся три пьесы: «Грань реальности», «Смерть Его Превосходительства» и «Смерть в доме». Решенные в технике экспрессионистского гротеска (прием двойного зрителя, мотив двойничества, немотивированность поступков), эти пьесы свидетельствуют о том, что и Маткович, тяготеющий к усложненному психологизму, также не прошел мимо этого жанра.】

баевщины и не останавливающегося перед политическим предательством друзей ради собственного утверждения, до прямого сторонника фашизма.

Хорватская драматургия конца 30-х годов отражает уже новые конфликты действительности, в частности — борьбу против фашизма. Вней происходит также и формирование нового типа положительного героя.

Наряду с героями Крлежи — лично честными, глубоко чувствующими, утонченными и нервными (Неда Горски, доктор Хуго Катушич, актер Жарко Жупан), в цикле Матковича появляются герои, которые противостоят глембаевщине с классовой точки зрения. Это сильные, мужественные, уверенные в своей правоте люди (может быть, несколько прямолинейные), отрицающие глембаевщину без каких бы то ни было компромиссов (и не только в ее вторичных проявлениях в сфере личной жизни), вступающие в активную, организованную борьбу против ее социальных основ. Зачатки такого характера видны уже в некоторых довоенных пьесах Матковича (Рикардо Дорич, художник Бранко Катич).

В последней довоенной пьесе Фельдмана «Из мрака» (1939) впервые в хорватской драматургии разрабатывается тема борьбы с монархо-фашистской диктатурой. Показан «один из тысячи тогдашних случаев» террора над гражданами. В характере героини пьесы Невенки угадываются стойкость, решительность, готовность выносить муки ради общего дела, — т. е. черты молодого героя того времени.

Основной конфликт в пьесе разворачивается между полицейским режимом и демократической интеллигенцией, отстаивающей гуманистические принципы. Начальник полицейского управления Цвитан — законченный тип человека-зверя, который прошел по антивоенной хорватской драматургии, а теперь стал характерным и для антифашистской литературы. Существенную эволюцию в этой пьесе претерпел и тип карьериста (Иван Белинич). Противник их — доктор Мария. Как и любимого своего героя — доктора («В тылу»), Фельдман наделяет этот образ лучшими чертами представителя этой профессии.

Важным достижением реализма в творчестве Фельдмана является его стремление показать человеческий характер в развитии. В ходе развертывания конфликта Мария не только проявляет заложенные в ее натуре качества (доброта, сострадание, глубокое сознание своего профессионального долга), но и приходит к новым для нее убеждениям о необходимости совместной, организованной борьбы.

Пьеса Фельдмана закрепила те завоевания реализма, которые хорватская драматургия достигла на протяжении четвертого десятилетия нашего века. За это время хорватская драма обратилась к важным проблемам современности, решая их с позиций гуманизма и социальной борьбы. Она создала целую галерею социально-психологических типов, которые, дополняя друг друга, прошли по всем заметным произведениям этого периода.

Хорватская драматургия 30-х годов выработала ряд новых жанров. Крупнейшим достижением ее является создание социально-психологической драмы с широким общественным фоном, многообразием характеров и богатством сюжетных линий. Она значительно расширила возможности психологического изображения человека, показав его место в сложном современном мире.

Л. ТИТОВА

ЧЕШСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТЕАТР «БОУДА» (1786—1789)

Профессиональный чешский театр нового времени начал свою самостоятельную жизнь довольно поздно, но развивался быстро и напряженно, чему способствовал ряд условий, прежде всего экономические изменения, вызвавшие бурное развитие национальной культуры, в том числе и театра.

После 1781 года — года отмены зависимости крестьян в Чехии — в Прагу на обучение к ремесленникам стали стекаться жители деревень. Именно это сельское население, воспитанное на чешском репертуаре бродячих театральных и кукольных трупп, заполнило первые пражские театры и своим горячим сочувствием и поддержкой помогало деятельности будителей-патриотов.

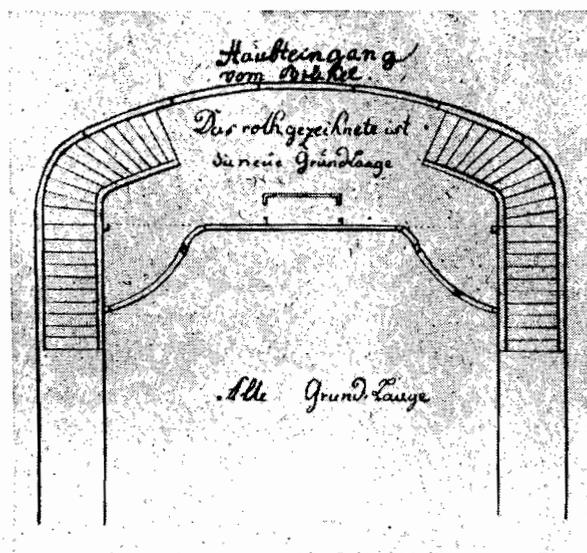
Первые шаги чешского профессионального театра тесно связаны с реформами Иосифа II. Провозглашение юридической независимости крестьян, патент о веротерпимости, ограничение церковной цензуры (1781) — все эти мероприятия, проводившиеся в целях укрепления абсолютистской императорской власти, в то же время способствовали развитию пражской театральной жизни. Не следует также забывать, что в Чехии были хорошо известны образцы немецкой драматургии и театрального искусства. Немецкое влияние в значительной мере содействовало развитию чешского театра.

Увлеченность и интерес к театру проявились в самых различных общественных слоях. При этом чешский зритель испытывал в театре не только эмоции чисто эстетического порядка, — в нем он искал и находил ответ на иные запросы, в том числе и общественные. «Театр — школа», «театр — кафедра». Эти определения в полной мере подходят к чешскому театру. В истории страны была довольно продолжительная эпоха, когда школой общественной жизни почти исключительно оказывался театр.

Это увеличивает интерес к его истории, заставляет обратиться к первым его шагам, определившим дальнейшую его судьбу, а вместе с тем и характер всей художественной культуры Чехии периода будительского движения.

Образование театра «Боуда», которому посвящена наша статья, в строгом смысле нельзя считать «первым шагом» в истории чешского театра нового времени. Ведь еще в 1781 г. в Праге был основан Ностицкий театр, подготовивший к середине 80-х годов постановки нескольких спектаклей на чешском языке. Именно они (хотя отдельные робкие попытки такого рода имели место и раньше) считаются началом чешского театра в новом смысле, так как с ними непосредственно связана деятельность первого постоянного профессионального чешского театра.

Эти постановки обладали большой притягательной силой уже потому, что шли на чешском языке. К тому же они отличались большой актуальностью, откликались на события общественно-политической жизни Чехии того времени. Почти в каждой из них встречались намеки на притеснение панов.

План «Буды»

Актуальность пьес и успех, которыми они пользовались, не могли не вызвать беспокойства немецких официальных кругов. Под их нажимом актеры¹, регулярно участвовавшие в чешских спектаклях Ностицкого театра, были уволены (с 1 декабря 1786 г.). Они прощались с пражской публикой пьесой В. Тама «Бржетислав и Итка, или Похищение из монастыря»² (10 января 1786 г.).

По инициативе и при поддержке пражских патриотов, прежде всего братьев Тамов, уволенные актеры приняли решение основать собственное театральное общество, которое бы способствовало пробуждению национального самосознания, развитию чешской культуры. Уже в конце декабря 1786 г. земскому пражскому правлению было послано прошение, в котором актеры просили разрешения ставить «регулярно чешские народные пьесы, а также немецкие оперетты, пьесы, пантомимы и балеты». Однако ни это, ни последовавшее за ним прошение не достигли цели. И лишь третье, переданное в марте 1786 г. в Вене лично Иосифу II, было удовлетворено.

И вот на Конском Тргу (ныне Вацлавской площади) — самой широкой улице Праги, недалеко от Национального музея выросло деревян-

¹ В. Там, К. Там, Фр. Булла, Фр. Гопфлер, М. Майобер, В. Антонг, А. Заппе и др.

² Это было первое оригинальное чешское драматическое произведение. Текст этой пьесы из отечественной истории не сохранился. Из краткого сообщения в прессе можно лишь узнать, что она была написана «хорошим чешским языком» и принята публикой с большим воодушевлением.

небольшого театра, как «Боуда». Кроме того, в репертуаре театра явно не доставало не только оригинальных чешских пьес, но и переводных⁵. Режиссеры «Буды» выходили из положения, чередуя чешские переводы или оригинальные пьесы с немецкими драмами, венскими комедиями и балетами.

Театр торжественно открылся 8 июня 1786 г. пьесой Иффланда в переводе М. Штвана «Благодарность и любовь к родине», выражающей в индифферентной форме благодарность чешских актеров за высочайшее разрешение. Вслед за пьесой следовали немецкая комедия и балетная пантомима.

Этот день стал настоящим праздником для чешских будителей. «Никто бы не подумал, что патриотическая любовь к нашему чешскому народу пробудится так быстро, — писал В. Крамериус в „Пражских новинах“. — На открытие чешского театра ... сошлось столько народа, что всем не хватило мест. Мы можем надеяться, что пьесы на чешском языке, которые будут идти четыре раза в неделю, в немалой степени будут способствовать развитию нашего языка и докажут нашим соотечественникам, что нечего его стыдиться»⁶.

Популярность и притягательная сила «Буды» росли с каждым днем. По истечении года высочайшее разрешение было получено снова, причем на этот раз срок его не был ограничен. Это и был так называемый «императорский привилегиум» Патриотического театра, на который официально опиралось каждое чешское театральное предприятие (на основании его был открыт и пражский Национальный театр в 1881 г.).

К сожалению, сведения о драматической литературе того времени очень отрывочны. Пьесы по большей части оставались в рукописи как собственность того или иного театрального общества. Большинство их утрачено, и часто, кроме названия, о них ничего не известно.

Чешский театр еще не имел своих авторов. Он зависел от патриотически настроенных людей, которые делали первые шаги в области создания национальной драматургии. Сюжеты пьес приходилось в какой-то мере заимствовать из немецкой драматургии, представленной на пражской сцене. Большую часть репертуара составляли переводные пьесы, пользовавшиеся успехом на венской сцене. Но были уже и оригинальные пьесы, которые интересуют нас, естественно, больше.

Из немногих дошедших до нас текстов мы знаем, что это были пьесы с примитивной фабулой и обилием тенденциозных пассажей. Авторы драматических произведений на современные темы черпали сюжеты, как правило, из сельской жизни и традиционно делили героев на благородных подданных, с одной стороны, и плохих чиновников и панов, с другой.

Об оригинальных историко-патриотических пьесах можно судить по единственному сохранившемуся тексту — драме А. Зимы «Олдржих и Божена» (1789)⁷. Автор создал действительно сценическое произведение на хорошем чешском языке. Об актуальности пьесы и демократической устремленности ее автора можно судить по следующим отрывкам: «Необходимо указать князю, что и среди простого народа есть верные люди, а не только среди панов, продающих свою верность за имения и награды». В другом месте автор говорит: «Если возьмет князь в жены нем-

⁵ К 1786 г. чешский репертуар включал в себя лишь пять пьес, поставленных на сцене Ностицкого театра, и две изданные переводные пьесы: «Макбет» в переводе К. Тама и «Альберт и Лотта» Гесснера в переводе В. Крамериуса.

⁶ «Pražské noviny», 15 VII 1786, с. 28.

⁷ Сюжет о том, как чешский князь Олдржих взял в жены простую крестьянскую девушку, был разработан в кукольной и школьной драме и вошел в хроннку Далимила и Гайека, откуда его и взял Зима.

ку, наша слава и свобода превратятся в рабство, а в будущем даже имени народа чешского не останется»⁸.

Оригинальная двухактная пьеса Матея Стуны «Сельское восстание в Чехии» (поставлена в «Боуде» 23 сентября 1786 г.) привлекла столько народу, что не все желающие попали на премьеру. Пьесу повторяли на следующий день и позже. Основной причиной ее популярности была актуальность драмы, рассказывающей о крестьянском восстании 1775 г. в Находском крае, при подавлении которого было пролито много крови. Зрители еще помнили виселицы, установленные за пражскими воротами, на которых были повешены зачинщики восстания. Многочисленные нападки на панов, монологи о равенстве всех людей, протест против несправедливости и угнетения, звучащие со сцены на чешском языке, с воодушевлением воспринимались пражскими зрителями.

Большой популярностью пользовались в театре драмы с сюжетом из чешской истории, даже переведенные с немецкого. Одной из них была пьеса Штейнберга в переводе Тандлера под названием «Либуше — первая княгиня и прорицательница Чехии» (2 VII 1787). Несмотря на отсутствие исторической достоверности и занимательного сюжета, обычно привлекавшего зрителей, «Либуше» была принята с огромным воодушевлением и повторялась трижды.

Еще больший успех выпал на долю оригинальной пьесы Тандлера «Ян Жижка из Троцнова» (24 VIII 1787), автор которой сделал смелую попытку драматизировать фигуру Яна Жижки. Пьеса была восторженно принята «бесчисленным множеством собиравшегося на каждый спектакль народа»⁹.

Примерно пятую часть репертуара составляли оперы. Как правило, они представляли собой зингшпиль с увертюрой, ариями и финальной частью в конце каждого акта, где и происходили обычно все повороты сюжета.

По традиции большинство спектаклей заканчивалось балетом. Кроме того, балетные номера часто вставлялись в пьесы, главным образом, в комедии. В прессе мы находим упоминание о «больших затратах» театра на балет. Балетная труппа состояла из 24 человек. Ее бессменным руководителем был Франтишек Севе. Для его творчества характерны комические жанровые балеты с тематикой современной сельской жизни крестьян и ремесленников. О характере пантомимы можно судить по афише, в которой читаем: «Из этого балета, как из любой обычной пьесы, каждый может все понять».

Музыку к балетам «Боуды» писали И. Сикора и А. Воланек. Наряду с традиционными менуэтами часто исполняли народные танцы, характеризующие народные сцены.

Вокруг «Боуды» сосредотачивалась деятельность многих пражских будителей того времени. «Патриоты из Боуды» стали не только пропагандистами чешского театра, воспеваемого ими в стихах и одах, и его активными деятелями: переводчиками, авторами, актерами-любителями, — они взяли на себя идейное руководство театром.

Идеологом и организатором группы был Вацлав Там (1765—1816). Страстный патриот, он много сделал для развития национальной литературы и театра. «Мерзок мне тот, — писал В. Там в 1786 г., — кто торгует своей родиной, родиной, которой я обязан всем, которая часто дарит меня своей похвалой, которая и ныне не откажет мне в своей защите

⁸ Цит. по кн.: J. V o n d r á ě k. Ibid., s. 162.

⁹ «Schönfeldské c. k. poštovské noviny», 1 IX 1787, č. 35.

и любви. А моя единственная цель — всегда быть достойным ее, доказать ей, как близки мне ее благо и утешение»¹⁰.

В семнадцать лет Вацлав Там получил звание «мастера свободных искусств и философии». Следующие семнадцать лет он посвящает чешской литературе и театру. С 1799 года — года вынужденного ухода из Праги — вплоть до предполагаемого года смерти (1816) В. Там — актер бро-

Карел Игнац Там

дях театралных трупп. Об этом периоде его жизни создано много романтических легенд. Прежде всего можно сослаться на роман А. Ирасека «Ф. Л. Век», в котором Таму посвящены волнующие страницы.

Своими оригинальными пьесами, где преобладали историко-патриотические сюжеты, В. Там открыл новое направление в национальной драматургии. За три года деятельности «Боуды» он обогатил чешский репертуар двадцатью драматическими произведениями¹¹. Среди них — 2 оригинальные одноактные комедии о народной жизни, 6 переделанных и 12 переводных пьес. До нашего времени дошли лишь три напечатанные пьесы В. Тама. Кроме того, в 1785 г. он издал два сборника старочешских и оригинальных стихотворений под названием «Стихи, связанные в речи».

В то же время Там был хорошим актером. Из прессы нам известно, что он имел амплу «первого любовника и героя», т. е. по сути дела играл все главные роли. В немецких же спектаклях он был «вторым любовником и интриганом», что, видимо, соответствовало иерархии художественного уровня чешских и немецких ансамблей того времени.

Старший брат Вацлава Тама — Карел Там (1763—1816) был большим знатоком чешского языка и талантливым переводчиком. Ему принадлежат, в частности, переводы на чешский язык классических пьес, поставленных на сцене Ностицкого театра и «Боуды»: «Разбойников» Шиллера, «Медеи» Готтера, «Макбета» Шекспира (1786). Следует упомянуть, что это был первый перевод Шекспира на чешский язык¹². Значительный

¹⁰ Цит. по кн.: М. К а щ е г. Václav Thám. Praha, 1965, s. 49.

¹¹ Не случайно главным аргументом увольнения Тама со службы (он занимал пост полицейского комиссара Старого Места — одного из районов Праги) был упрек в том, что он «ослабил усердие». «За последнее время, — писал его начальник, — В. Там ... редко появляется на службе, не предоставляя серьезного обоснования к тому», хотя до того времени показал себя «примерным чиновником, ловким и быстрым в исполнении поручений, удачливым в поимке подозрительных лиц, отважным при аресте и послушным в исполнении приказов своих начальников» (М. К а щ е г. Ibid., s. 61).

¹² Кстати, кроме неприятностей, эта работа ничего не принесла переводчику. К. Тама обвинили в том, что перевод был опубликован без разрешения цензуры. Решением магистрата у Тама были конфискованы оставшиеся экземпляры перевода и проданы как макулатура за 6 крейцеров «в пользу бедных».

интерес представляет для нас предисловие, предпосланное этому переводу и отражающее взгляды переводчика на театр и его задачи в чешских условиях того времени.

К. Там подчеркивает, что драматическое произведение не только «освежает мысли, но и проясняет ум, воспитывает и обогащает сердце и нравы». Патриоты, благодаря которым в театре идут пьесы на чешском языке, достойны всяческой похвалы и поддержки, ибо постановки пьес «... на отечественном языке немало способствуют не только распространению и улучшению языка, но и просвещению и воспитанию народа»¹³.

Перевод «Разбойников» Шиллера заслуживает внимания с другой стороны. Источником К. Таму служило популярное немецкое издание. Переводчику пришлось осуществить большую работу над языком. В это время чешский язык не был еще в состоянии представить адекватные средства выражения для классических немецких оборотов, и Там выходил из положения, придумывая слова сам. Не всегда это было удачно. Перевод изобилует германизмами и отличался искусственностью стилистических фигур, но это следует рассматривать как необходимый этап в создании чешской драматической литературы.

Переводчики того времени стояли перед задачей создания сценической речи. Они не только не имели предшественников в драматической национальной литературе, но и не находили достаточной опоры в традиции литературного языка, развитие которого было прервано за полтора века до этого. С одной стороны, драматургу нужен был литературный язык, с другой — язык, понятный самым широким массам зрителей. Это вынуждало переводчиков экспериментировать, о чем предупреждал своих читателей и зрителей переводчик Франтишек Булла; желая «оградить себя от возможных упреков», Булла пишет о том, что он «умышленно употребляет и некоторые слова чужого языка».

Шаг вперед в формировании литературного чешского языка сделал Прокоп Шедивы (1764—1810), «местные фразки» которого пользовались большим успехом на сцене «Боуды». «Масляные лавки», «Пражские пивовары» и другие пьесы Шедивого — сына пражского пивовара — написаны простым разговорным чешским языком, насыщенным острыми шутками, народным юмором. В них много популярных народных песен, танцев, музыки. «Актерский стихотворец Патриотического пражского театра», как гордо именовал себя Шедивы, подобно В. Таму оставил карьеру государственного чиновника и посвятил себя театру и литературе. В 1793 г. им была издана брошюра со статьёй «Краткое рассуждение о пользе, которую может принести постоянный и хорошо организованный театр», в которой излагались воззрения Шиллера на значение театра. Это было одно из первых выступлений о необходимости создания самостоятельного чешского театра.

Спектакли «Боуды» носили полупрофессиональный характер. Актерами были, как правило, представители молодой чешской интеллигенции, не имевшие профессиональной подготовки. О чешской актерской школе, воспитывающей кадры актеров, Й. К. Тыл мечтал полвека спустя, в 30-е годы XIX в., как о вещи почти неосуществимой даже в то время.

Гонорара за свою работу актеры-любители не получали вплоть до 1824 г. — времени введения в пражском Сословном театре регулярных чешских представлений. Поэтому они были вынуждены либо устраиваться на государственную службу, либо в составе бродячих театральных трупп вести тяжелую жизнь «бедных комедиантов».

¹³ Цит. по кн.: J. V o n d r á ě k. Ibid., s. 130—131.

В исполнительском искусстве этот период характеризуется переходом от неестественной патетической декламации к профессиональному характерному исполнительству. Декламации и жестах актеров классической рифмованной драмы противопоставляется выражение естественных чувств. Разумеется, эта «естественность» очень относительна. В действительности подчеркивалось лишь внешнее проявление психического состояния героев драмы (плач, дрожание от страха и т. д.), «причем определенное состояние чувств — жалость, печаль, гордость, радость — выражалось всегда определенными традиционными средствами и каждое такое состояние было, собственно, самостоятельной статичной схемой»¹⁴. Разумеется, актеры подчеркивали прежде всего наиболее патетические моменты.

Об этом свидетельствует единственное в тогдашней театральной критике конкретное описание актерского исполнения, которое мы находим в «Письме о чешском представлении Благодарного сына в Национальном театре в Старом Месте 24 июля», принадлежащее перу Вацлава Тама: «Та горячность, с которой он (Гопфлер. — Л. Т.) рассказывал о своем сыне, те слезы, которые он проливал над письмом своего Фрица, тот серьезный тон, когда он говорил об императоре, наконец, дрожь в коленях, когда он спешил навстречу своему сыну, все эти, да еще и многие другие сцены показали мне Гопфлера как актера, который с большой любовью изучает природу. А на что более должен опираться актер?»¹⁵.

Как уже отмечалось, театральные рецензии¹⁶ весьма редко так подробно останавливались на спектакле. Как правило, в них сообщалось лишь о финансовом успехе той или иной пьесы и перечислялись имена исполнителей. При этом много было восторженных похвал в адрес каждого исполнителя. Понимая, что важная патриотическая миссия не дает актерам-любителям ни материальных благ, ни почестей, ни душевного спокойствия, рецензенты старались поддержать их хотя бы на страницах печати. В качестве примера можно привести отклик на пьесу В. Тама «Бржетислав и Итка» из газеты «Прагер Оберпостамтцейтунг»: «Пан Антонг, исполнивший роль Бржетислава, играл так мастерски, что невозможно и представить себе более живо старочешские героические княжеские мысли. Пан Гопфлер, игравший Пршеслава, пана чешского, заслужил горячее одобрение всех присутствовавших. Пан Заппе, исполняющий роль лесничего при монастыре, откуда была похищена Итка, играл так естественно, как будто действительно перед нашими глазами был этот простой человек. Панна Бутте, десятилетнее дитя, играла племянника Пршеслава. Все восхищались ее прекрасным произношением и необычной для этого возраста сердечностью и с удовлетворением считали, сколько раз ее вызовут»¹⁷.

Этот тип театральные рецензий будет характерен вплоть до первых десятилетий XIX столетия, и только Й. К. Хмеленский и Й. К. Тыл первыми открыто выступают с требованием покончить с бытовавшей формулировкой «vše je hezké co je české» («хорошо все то, что чешское»), которая к тому времени стала уже традиционной.

Большая популярность театра (после посещения «Боуды» Иосифом II в сентябре 1786 г. он стал пользоваться успехом и у «высших слоев» пражского общества), его пестрый репертуар не могли не вызвать беспокойства Ностицкого театра. «Боуда» стала бельмом на глазу у немецких

¹⁴ М. К а щ е р. Ibid., s. 40.

¹⁵ «Das Pragerblättchen», 24 VII 1785.

¹⁶ Сообщения об отдельных спектаклях появляются на страницах нескольких пражских газет, в первую очередь в газете «Schönfeldské s. k. pražské noviny». С 1789 г. В. М. Крамериус начал издавать газету «Krameriusovy s. k. pražské poštovní noviny»; с 1791 г. — «Krameriusovy s. k. vlastenecké noviny».

¹⁷ Цит. по кн.: М. К а щ е р. Ibid., s. 43.

официальных кругов, предпринимавших различные усилия, чтобы помешать ее успешной деятельности. Директор Ностицкого театра Бондини в конце 1787 г. подает жалобу на «так называемых актеров-патриотов» за то, что они ставят большие немецкие драмы, что якобы является привилегией лишь Ностицкого театра.

С 1 ноября 1787 г. пражский магистрат вдвое увеличил арендную плату. Это был большой удар для театра¹⁸, дирекция которого не могла еще рассчитаться с долгами, накопившимися во время строительства. Несмотря на полные сборы, финансовые затруднения росли день ото дня. Одной из важных причин этого было обилие дней, когда нельзя было играть: пасхальные каникулы и целый ряд церковных и государственных праздников. К тому же театр не получал никакой финансовой помощи. Доходов от продажи билетов не хватало, так как они стоили очень дешево — настолько дешево, что самые широкие слои публики имели возможность посещать театр. Одной из серьезных причин финансового упадка театра явилась австро-турецкая война 1788 г. Она легла тяжким бременем на плечи низших слоев, которые составляли ядро посетителей «Боуды».

Недостаток средств вынуждал актеров «Боуды» время от времени участвовать в спектаклях театра, расположенного за Поржичскими воротами Праги в так называемой Розовой долине (Theater im Rosenthal)¹⁹. Поскольку труппа этого театра в основном состояла из актеров «Боуды» во главе с Антонгом и Севе, театр за Поржичскими воротами стал как бы побочной сценой «Боуды», используемой главным образом в летние месяцы.

11 апреля 1789 г. в «Шёнфельдских поштовних новинах» за подписью директоров театра Антонга, Севе и Запша было напечатано следующее сообщение: «Ввиду некоторых обстоятельств театр на Конском тргу, в котором часто ставились чешские пьесы, недавно был закрыт». «Некоторые обстоятельства» были ничем иным, как финансовыми затруднениями.

В конце сентября 1789 г. Фр. Пфаннер, строивший «Боуду», по приказу пражского магистрата разрушил здание театра, чтобы «увеличить площадь и способствовать тем самым украшению города», как сообщалось в печати.

Театр уничтожен²⁰, но традиция его живет. «Боуда» дала толчок развитию всей драматической литературы, стимулировала рост самостоятельной и переводческой деятельности чешских драматургов, способствовала развитию сети любительских театральных трупп в ряде городов и деревень Чехии. С полным основанием можно сказать, что за период деятельности «Боуды» были заложены основы чешского театра.

¹⁸ Свидетельством финансового состояния театра может служить тот факт, что в 1786 г. дирекция «Боуды» не смогла купить декорации, которые очень дешево продавались старым театром «У котцу».

¹⁹ Сад за Поржичскими воротами был заложен богатым пражским книгопечатником и издателем Шёнфельдом, который придал ему форму карты чешского королевства. Тропинки изображали дороги, деревья — города, ручейки — реки и т. д. В саду стояло одноэтажное здание, в котором размещались ресторан, бильярд и танцевальный зал. В 1786 г. там открылся театр, который Шёнфельд сдавал в аренду различным труппам.

²⁰ Вот что мы читаем в прошении, поданном театральным деятелем того времени Б. Скотти пражскому магистрату в июле 1789 г.: «Сострадание возбуждают те, кто обращается в небу с просьбой дать им немного хлеба, хотя они с большим удовольствием заработали бы его. Многие из них вынуждены попрошайничать открыто или тайно и тем самым беспокоить население. С этим было бы покончено, если бы они могли играть и этим зарабатывать. Теперь, когда театр закрыт, они страдают, ничего не зарабатывают, еще больше влезают в долги и при нынешней дороговизне терпят страшную нужду» (J. V o n d r á ě k. Ibid., s. 159—160).

К. И. ХОДОВА

К ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНСКОЙ СИНОНИМИИ (СИНОНИМИЧНОСТЬ КАК СТАДИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ)

1. Явление синонимии часто привлекает внимание исследователей, но наиболее важные ее аспекты (например, отношение синонимов к системе, их роль в развитии системы) остаются до конца не выясненными, хотя авторы некоторых работ подходят к цели почти вплотную. Оценивая работы, посвященные вопросам синонимии в русском языке, В. П. Сухотин писал, что сведения, содержащиеся в них, полезны и существенны, «но четких определений, а также системы и полноты в описании синтаксических синонимов... они, к сожалению, не содержат»¹. Причина этого коренится, видимо, в том, что синонимия обыкновенно интересует исследователей не как лингвистическая проблема, а как явление, дающее возможность показать богатство выразительных средств языка. В качестве основного предмета изучения избираются поэтому не единицы значения, связанные с формами какого-либо одного рода, а общее «содержание мысли», которое может быть облечено в самые разнородные формы, так что в «синонимический ряд» попадают единицы разных уровней, относящиеся к разным системам². Иногда для анализа избираются однородные, но сложные единства (например, словосочетания, которые трудно соотнести с определенными единицами системы³). Между тем вопрос о роли синонимии в системе легче всего может быть решен на примерах формально однородных и простых единиц.

В настоящей статье речь пойдет о синонимии грамматической; объектом рассмотрения будут предложно-падежные формы старославянского языка.

Этот класс форм в старославянском организован таким образом, что в значениях форм просматривается четкая система с весьма обширной зоной релевантности семантических противопоставлений и менее обширной зоной нейтрализации. При этом в зоне релевантности определенные отдельные означающие — предложно-падежные формы — чаще всего непосредственно соотносятся с соответствующими им отдельными элементами плана содержания (т. е. организация означающих близка к органи-

¹ В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960, стр. 8.

² Вопрос о том, почему одно и то же «содержание мысли» притягивает к себе формы, соотносящиеся с единицами разных уровней, весьма интересен и требует специального изучения, но он не связан с задачами данной работы.

³ Некоторые соображения о причинах, не позволяющих рассматривать словосочетания как единицы языка, изложены в работе: Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. Сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, стр. 109.

зации означаемых), совпадения в членности плана выражения и плана содержания нарушаются лишь в виде исключения (это исключение мы и разберем) и асимметрия в строении языковых планов для этой зоны в целом не характерна. В зоне же нейтрализации семантических противопоставлений архисемемы еще довольно редко бывают представлены в константной форме, но преимущественно имеют вид вариантов⁴, позволяющих судить о том, какие единицы смысла, утратив свои коррелятивные признаки, соединились в пределах новой, более абстрактной по уровню выражаемых представлений, единице означаемого. Таким образом, в этой области сквозь архисемемы просвечивают те же «симметричные» единицы, в которых одному означаемому соответствует одно означающее.

Поэтому и сущность грамматической синонимии, т. е. ее взаимоотношения с системой и ее роль в развитии системы — на материале старославянских предложно-падежных форм выявляется с максимальной отчетливостью. Тесная близость в значениях некоторых предложно-падежных форм становится иногда ключом, при помощи которого исследователь получает доступ к наблюдению над механизмом разграничения и отождествления единиц языка.

2. Ф. де Соссюр писал, что проблема тождеств в языке «отчасти совпадает с проблемой сущностей и единиц, являясь ее сложным и обогащенным развитием»⁵, а понятие тождества «сливается с понятием значимости и обратно»⁶. Материал, которым мы располагаем, позволяет утверждать, что различия внешнего плана, т. е. различия в грамматических формах, играют разную роль в образовании лингвистических единиц: одни из этих различий существенны для системы, так как они соответствуют ее внутренним различиям (различиям языковых единиц плана содержания), другие же ярко выраженные формальные различия для семантической системы не существенны, потому что различающиеся формы соотносятся в целом с одной и той же единицей плана содержания, т. е. они функционально тождественны⁷.

Предложно-падежные синонимы как раз и представляют собой внешне различные, но функционально единые формы. Каждая форма синонимичной группы имеет одинаковый с каждой другой формой этой же группы набор семантических дифференциальных признаков, т. е. эти формы служат формальными вариантами при передаче одной и той же единицы смысла и поэтому удовлетворяют требованиям известного закона тождества.

Синонимия является противоположностью омонимии: грамматические (в их числе есть и предложно-падежные) омонимы, имея общую форму выражения, связываются с разными наборами семантических дифференциальных признаков, соответствуя нескольким разным единицам означаемого⁸.

⁴ На некоторых конкретных примерах из старославянского языка оказалось возможным установить, что константная форма манифестации падежной архисемемы приходит на смену ее вариантной реализации и, следовательно, первая диахронически моложе последней. См. К. И. Ходова. К вопросу об осуществлении нейтрализации семантических противопоставлений (на материале славянских падежей с предлогами). «Вопросы языкознания», 1970, № 5.

⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 109.

⁶ Там же, стр. 111.

⁷ Как весьма удачно заметил А. Мартине, формальные различия представляются огромными для тех, кто «пленяется внешним оформлением» единиц. Между тем описываемые в морфологии «акциденты», т. е. превратности, которым подвержен формальный облик значащих единиц, «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка» (А. Мартине. Структурные вариации в языке. Сб. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 463, 461).

⁸ Вопросы грамматической омонимии, в частности, отношения омонимов к системе, могут быть предметом специальной работы и в настоящей статье не рассматриваются.

Для того, чтобы с полным правом синтезировать в функционально единый класс внешне различные формы, требуется обязательное присутствие по крайней мере двух условий: а) невозможность для каждой из форм, объединяемых в синонимическую группу, быть противопоставленной по своему смыслу в той же самой позиции любой другой форме этой же группы (что как раз и связано с одинаковостью наборов семантических дифференциальных признаков у нескольких разных форм); б) способность всей группы семантически тождественных форм — а на практике и каждого ее члена в отдельности — вступать в одинаковые коррелятивные отношения с какой-либо посторонней по отношению к этой группе (т. е. не входящей в нее) формой или группой форм, находящейся в той же самой позиции.

Состав предложно-падежных семем устанавливается на основе функционального противопоставления падежей с предлогами в одинаковых позициях, создающих наиболее благоприятные возможности для максимального различия этих форм; такие возможности создаются в условиях максимальной независимости употребления форм от лексико-семантических свойств главных членов словосочетания — имени существительного, принимающего форму падежа с предлогом, и глагола. Содержанием предложно-падежных семем являются дифференциальные признаки, несущие простейшие представления пространственного характера: контакта, близости, включения, положения ниже, выше, впереди, сзади и т. п.

Нейтрализация противопоставлений предложно-падежных семем вызывается некоторыми ограничениями лексической семантики членов словосочетаний, в которые входят формы падежей с предлогами. Как увидим ниже, единицы значения, вырисовывающиеся в позиции нейтрализации, образуются другими по своему характеру — более обобщенными — семантическими дифференциальными признаками⁹.

3. Цель данной работы состоит не только в том, чтобы продемонстрировать примеры семантического тождества внешне различных форм, но и в том, чтобы сделать явным наличие двух типов грамматической синонимии в области падежей с предлогами: типа, который мы у с л о в н о назовем абсолютным, так как он наблюдается в позиции релевантности противопоставлений, и типа, наблюдаемого при нейтрализации основных единиц и поэтому позиционно обусловленного.

Разница в этих двух проявлениях семантического тождества может быть сформулирована следующим образом. Если несколько семантически тождественных форм, фиксируемых в какой-либо позиции, не могут противопоставляться друг другу по семантике ни в одной другой позиции, то можно констатировать, что все они в совокупности служат для выражения одной и той же простейшей единицы грамматического значения — грамматической семемы — и являются синонимами «абсолютного» типа. Если же формы, тождественные по семантике в какой-либо одной позиции, противопоставляются одна другой в какой-либо другой позиции, то можно констатировать, что все они в совокупности служат для выражения более обобщенной единицы плана содержания — архисемемы — и относятся к синонимам позиционно обусловленного типа. Мы и рассмотрим примеры семантического тождества в группах форм, выражающих семемы, и в группах форм, выражающих архисемемы.

4. Попутно мы постараемся показать (насколько это возможно на таком ограниченном материале, как данные старославянских текстов),

⁹ См. об этом в книге: К. И. Х о д о в а. Падежи с предлогами в старославянском языке, (В печати.)

что варианты означающего, объединенные в пределах одной и той же единицы семантической системы, будь то в позиции максимального противопоставления или в позиции нейтрализации, находятся в разных отношениях между собой: здесь могут быть отношения дополнительного распределения и отношения свободного варьирования¹⁰, оба эти типа иногда можно обнаружить в границах, очерченных одной и той же единицей смысла.

Отношения дополнительного распределения состоят в том, что каждый из алловариантов встречается в таких сочетаниях, в которых не встречается ни один из остальных алловариантов. Такие отношения в грамматике не раз были объектом рассмотрения и иллюстрировались. Например, С. Карцевский писал: «...одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками; ср. имя существительное множественного числа *стола, паруса, крестьяне* и т. д.»¹¹. В Скаличка в качестве примера омосемической группы приводит флексии чешского глагола - *i, -m* в формах *kuruj-i, dělá-m*. Взаимоисключаемость этих флексий обуславливает их смысловую идентичность при формальном различии; на этом основании В. Скаличка считает возможным констатировать, что части омосемической группы «подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга»¹². Н. Д. Арутюнова приводит следующие примеры из грамматики на означающие, находящиеся в дополнительном распределении относительно означаемого: а) различия между означающими зависят от фонологического окружения: англ. *tabl-es[z]*, *part-s[s]*, *coach-es[iz]*, фр. *Grand Opéra* [grád] и *grand peintre* [grã]; б) различия между означающими обусловлены контактами знакового уровня, в частности, классом доминирующего элемента (ср. в испанском языке суффикс имперфекта глаголов 1-го, 2-го и 3-го спряжения *habla-b-a* и *comi-a*, ср. также англ. *look-ed* и *take-n, boy-s* и *ox-en*)»¹³.

Как можно видеть из цитированных примеров, различия в означающем могут зависеть от внешних факторов, т. е. от факторов плана выражения.

Материал падежей с предлогами предлагает, как увидим ниже, существенно иной тип зависимостей алловариантов означающего: каждый из алловариантов образуется от имен существительных разной лексической семантики, т. е. различия в означающем связаны с планом содержания¹⁴.

¹⁰ В применении к синтаксическим единствам для обозначения свободных вариантов иногда употребляется термин «дублиеты» (см., например, Е. П. Шендельс. Понятие грамматической синонимии. «Научные доклады высшей школы» (далее — НДВШ). Филологические науки, 1959, № 1, стр. 80; Д. С. Ставишева. К вопросу о вариантах синтаксических единиц. НДВШ. Филологические науки, 1964, № 1, стр. 189; З. Д. Попова. К вопросу о синтаксических вариантах. НДВШ. Филологические науки, 1968, № 6, стр. 10.

¹¹ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 87.

¹² С. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц. Сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 121.

¹³ Н. Д. Арутюнова. Там же, стр. 93.

¹⁴ Как варианты расценивались также беспредложные падежи в некоторых употреблениях. Например, замечалось, что употребление родительного, дательного, творительного падежей ближайшего объекта зависит от семантики управляющего глагола, что и позволяло считать эти косвенные падежи комбинаторными вариантами основного объектного падежа — винительного (см., например, Е. Курлович. Проблема классификации падежей. В его кн. Очерки по лингвистике. М., 1962). Родительный и винительный прямого объекта, употребляемые с разными глаголами, Т. В. Булыгина и Д. С. Ставишева квалифицируют как варианты (см. Т. В. Булыгина.

Свободное, т. е. не зависимое от сочетаемости, варьирование означающих относительно означаемого также иллюстрировалось грамматическим материалом. Так, А. Мартине приводит в качестве «факультативных вариантов» две формы французского глагола: *je peux* («я могу») и *je puis* («я могу») ¹⁵. К свободным вариантам в этом понимании можно отнести также приведенные А. М. Пешковским примеры так называемых «морфологических синонимов»: *сыра — сыру, аптэкари — аптекарја, в крѡви — в кровѣ, добрый — добр* ¹⁶. Н. Д. Арутюнова приводит в качестве примера этого явления испанские дублетные формы имперфекта сослагательного наклонения *com-iese* и *com-iera* ¹⁷.

5. I. Рассмотрим случай «абсолютной» синонимии.

Наблюдается тождество в значениях предложно-падежных форм *оу + род.*, *при + лок.*, *близз + род.* или *дат.*, *искра + род.*, когда эти формы выражают пространственные отношения. Все они служат для обозначения предмета или лица, с которыми пространственно связаны какие-либо другие предметы или лица.

Эти формы ни в одной позиции не противопоставляются по смыслу одна другой. Данное обстоятельство указывает на то, что мы не встречаем здесь понимаемого синхронно явления нейтрализации смысловых единиц, противопоставляемых в каких-либо других позициях. С точки зрения функциональной, это — группа вариантов, служащих для реализации одной и той же семемы. Каковы отношения вариантов внутри этой группы? Некоторые варианты находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, проведенной, впрочем, непоследовательно. Взаимоисключаемость, связанная с различием сочетаемости (но не позиции!) не имеет ярко выраженного характера, но лишь только намечается ¹⁸. Так, можно заметить, что формы *при + лок.* и *близз + род.* или *дат.* образуются преимущественно от названий неодушевленных предметов, в то время как *оу + род.*, главным образом, от одушевленных, особенно лиц ¹⁹.

Ср. ²⁰: *прѣкы тоу блѡдомз при ѡрѣзѣ рѣкы пѣрѣ + вин. Супр. 150, 10;* и *ѡбрѣтѣте жрѣвцѣ приказанз при дѣрѣхѣ прѡс + вин. Марк XI, 4;* *погрѣкоша поштѣж стѡе ѣго тѣло... близз тоа жде стѣны Супр. 538, 4;*

Некоторые вопросы классификации частных падежных значений. Сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961; Д. С. Станисева. Там же). Однако такое понимание вариантов отличается от изложенного нами здесь, так как понятие «прямой объект» не относится к единицам содержания, выделяемым на парадигматической оси, но является синтаксической (позиционной) характеристикой.

¹⁵ А. Мартинё. Основы общей лингвистики. Сб. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 457.

¹⁶ А. М. Пешковский. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. Сб. «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики». М., 1930, стр. 153.

¹⁷ Н. Д. Арутюнова. Там же, стр. 93.

¹⁸ В деталях этого распределения, возможно, как-то отразились отзвуки первоначальных смысловых противопоставлений у форм, ставших впоследствии семантически тождественными.

¹⁹ Эта тенденция, намечившаяся в старославянском, завершена в современном словацком, где предлог *u* вытеснен из конструкций с неодушевленными существительными и употребляется только при личных местоимениях и именах собственных, обозначающих лица (см. V. Uhlár. *Predložka u a pri*. «Slovenská reč», год. XIX, ч. 5, 1954, s. 151, 153. Подробные сведения об употреблении предлога *u* в словацком см. также в кн.: J. Oľga v e s. *Slovenské predložky v praxi*. Bratislava, 1968, s. 133—135.).

²⁰ В статье приняты следующие сокращения источников: *Ассем.* — Ассеманиево евангелие; *Зогр.* — Зографское евангелие; *Киев. лист.* — Киевские листки; *Мар.* — Маринское евангелие; *Ник.* — Никольское евангелие; *Остр.* — Остромирово евангелие; *Савв.* — Саввина книга; *Син. евг.* — Синайский требник; *Супр.* — Супрасльская рукопись; *Тырн.* — Тырновское евангелие. Цитаты из евангелия, не имеющие специальных помет об источнике, приводятся по Марнинскому кодексу.

сташа близъ града плѣсіон *Сунр.* 223, 30 но: прѣбываѣте оу него дѣна тѣ прѣ'аѣтѣ *Ио.* I, 40; оу насѣ китаѣте прѣ'аѣ + дат. *Сунр.* 395, 27.

Вместе с тем, хотя и гораздо реже, возможна форма оу + род. от одушевленных предметов и форма при + лок. от названий лиц: Мѣриѣ же стоѣше оу грѣка прѣ'аѣ + дат. *Ио.* XX, 11; по касѣ дѣни стѣдѣхѣ при касѣ прѣ'аѣ + дат. *Мат.* XXVI, 55 *Мар.*, *Ассем.*, *Савв.*, *Остр.*, *Нук.* (в *Зогр.* стѣдѣхѣ сѣ камн); близъ насѣ бѣдѣ гѣ прѣ'аѣмѣ тѣя *Киев. лист.* 2 b 19.

Что касается *искрѣ* + род., то в качестве предложно-падежной формы (а не наречия!) она отмечается в одном месте евангелия при передаче греч. *πλησίον*, которое в других случаях обычно передается словом *близъ*: Приде же *иѣ* кѣ градѣ самарскѣ нарицаемѣ *сѣхарѣ*. *искрѣ* касѣ *иже* дастѣ *иѣ*кокѣ *ио*сифоу *Ио.* IV, 5 *Мар.*, *Зогр.*, *Ассем.* (в *Остр.* и *Тырн.* — *близъ* *вѣси*)²¹. Хотя этого примера взаимной мены двух форм и мало для того, чтобы судить об их взаимоотношениях, мы тем не менее расцениваем их как свободные варианты выражения одной и той же единицы означаемого.

Исторически группа синонимичных форм с общим значением пространственной связи с лицом или предметом возникла, возможно, в результате закончившейся (т. е. захватившей все позиции употребления) нейтрализации более ранних противопоставлений пространственного плана: первоначально с каждой формой связывался, вероятно, разный набор семантических дифференциальных признаков. По крайней мере относительно наречий *искрѣ* и *близъ* существует мнение, что они первоначально имели разные значения (разница перестала осознаваться лишь в Восточной Болгарии)²². Экспансия зоны нейтрализации противопоставлений могла привести к полной ликвидации зоны релевантности. Некоторые аналогии такого процесса можно обнаружить в истории славянских языков; например, именно такой процесс развития, только не полностью закончившийся, переживала форма *о* + лок., которая в славянских языках обозначала и предмет, вокруг которого происходит действие, и предмет, близ которого происходит действие. Первое значение является более ранним, но побеждает второе, более обобщенное. Ср. также аналогичное развитие значения родительного с предложом *около*²³.

Все формы, реализующие семему пространственной связи или близости, в позиции релевантности совместно противопоставляются разным другим единичным предложно-падежным формам, которые представляют семемы, имеющие другие наборы семантических дифференциальных признаков. Одной из этих последних является, например, форма *прѣ'аѣ* + твор., которая, кроме семантического признака пространственной связи,

²¹ О формах с общим для них значением пространственной связи, близости см. также в работе: К. И. Ходова. Синтаксис предлога оу с родительным падежом в старославянском языке. «Scando-Slavica», XII, 1967, стр. 96—114.

²² См. об этом: А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 51. И. В. Ягич считает слово *искрѣ* более древним вариантом, чем *близъ*, хотя замена первого вторым отмечается довольно рано (см. V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Berlin, 1913, S. 351).

²³ По поводу предлога *о* В. Н. Топоров констатирует: «Данные ряда индоевропейских языков, некоторые этимологические соображения, отдельные намеки, содержащиеся в славянских языках (глагольный префикс *о-*, *об-*, ряд слов типа: *общий*, *обльй*, *обьдо* и др.; *около*, *округ* и др.), заставляют признать, что значение 'вокруг' в указанной конструкции было более древним, чем 'вблизи', которое развилось позднее в особых условиях контекста (ср. семантическую параллель — развитие значений у предлога *около*: *circum-* > *around*). (См.: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 321). Что касается предлога *около*, употребляющегося в русском литературном языке в обобщенном значении 'возле', 'близ', то в диалектах он еще сохраняет значение 'вокруг' (см. об этом, например, в работе: Т. Г. Долья. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР. Автореферат канд. дисс. Л., 1967, стр. 15).

близости, общего у нее с группой рассмотренных выше форм, несет в себе еще признак положения впереди предмета ²⁴: *ѣ гнѣ стоагъ прѣдъ твоежъ проъ* + род. *Супр.* 59, 4; *вандета како лкзъ прѣдъ кама негъ* 'в'эмлроствен + + род. *Супр.* 296, 25. Семема, представленная формой *прѣдъ* + твор., по отношению к семеме, представленной формами *су* + род., *при* + лок., *внзъ* + род. или дат., *искрѣ* + род., является отмеченным членом привативной оппозиции.

Для старославянской системы падежей с предлогами рассмотренное скопление семантически тождественных форм в позиции релевантности противопоставлений, т. е. вариантный тип реализации семем, явление уникальное: здесь как правило наблюдается совпадение отдельной формы с отдельной семемой (подобное совпадению формы *прѣдъ* + твор. с отдельной семемой).

6. II. Рассмотрим случай синонимии, фиксируемой в позиции нейтрализации основных единиц плана содержания — семем.

При описаниях функционирования форм имени существительного в сфере темпоральных отношений часто справедливо отмечается сходство последних с пространственными, подчеркивается первичность пространственных значений и вторичность темпоральных значений у этих форм ²⁵. Так, Л. П. Якубинский заметил, что «в русском языке нет, например, ни одного временного предлога, который по своему происхождению не был бы пространственным» ²⁶. В. В. Виноградов подчеркивал: «временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» ²⁷.

Но пространственный и временной аспекты употребления форм имени при всем их сходстве все же и принципиально различаются. При переходе форм, передающих пространственные отношения, к выражению темпоральных отношений закономерно сглаживаются некоторые коррелятивные признаки, связывающиеся с отдельными формами в пространственном аспекте, так как темпоральные представления отличаются от пространственных более обобщенным характером. Смыслоразличительная функция форм частично утрачивается — нейтрализуется. Это явление приводит к изменению прежних границ членов противопоставлений: общее количество оппозиций в темпоральном плане уменьшается, а их приточены внешне реализуются скоплениями форм. Вариантность выражения семантических единиц для позиции нейтрализации противопоставлений явление более типичное, чем для позиции релевантности.

Для обозначения промежутка времени, в пределах которого происходит действие, в старославянском употребляются формы *кз* + вин., *на* + вин., *кз* + лок., *на* + лок., *о* + вин., творительный беспредложный, винительный и локатив без предлогов, сложные предлоги *кз крѣмена*, *кз лѣта* с родительным падежом, форма *при* + лок. (как можно убедиться из этого перечня, рассмотренная выше форма *при* + лок. входит в другой ряд синонимичных форм). Одни из названных форм свободно заменяют одна другую, другие же находятся в отношениях дополнительной дистри-

²⁴ Само по себе понятие «положения впереди» нуждается в дальнейших уточнениях, но для нас в данном случае важен не денотативный, а функциональный аспект этого понятия, т. е. его соответствие дифференциальному семантическому признаку с отметкой «положение впереди».

²⁵ Указанное подчинение темпоральных представлений локальным равным образом действительно и для лексики: «слова, связанные с пространственными категориями, могут приобретать временные значения (ср. *длинный/короткий*...), но обратное никогда не имеет места» (см. У. Вейрейх. О семантической структуре языка. Сб. «Новое в лингвистике», вып. V. М., 1970, стр. 222).

²⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 255.

²⁷ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 686.

буции. Можно выделить две подгруппы свободно взаимозаменяющихся форм. Во-первых, могут свободно заменяться одна другой формы кз + вин., на + вин., кз + лок., на + лок., о + лок., а также творительный, винительный и локатив без предлогов, если они образуются от собственно темпоральных имен существительных, как, например, *дана*, *кччрз*, *чгз*. Возможность свободной мены подтверждается некоторыми случаями их чередований в параллельных местах текстов²⁸, например: *Кз оутрѣнии же дана... събраша са архирен и фарисей. кз пилатюу Тη δέ ἐλαθρίον Mat. XVII, 62 Мар., Зогр., Остр. (в Ассем. — кз оутрѣ, в Ник. — к ютрѣ); ицѣлѣ дзци ея во тз чгз 'αὐτῶν ἐκείνης Mat. XV, 28, Мар., Зогр., Савв. (в Остр — томъ чгз); и трети дана кзстанетз тѣ трѣтѣ ѣмерз Mat. XVII, 23 Мар., Ассем. (кз трети дана — Савв.)*

Свободная взаимозаменяемость может ожидаться и в другой подгруппе форм, а именно, в формах кз *кѣмена*, кз *лѣта* с род. пад. и при + лок., которые образуются от имен лиц, жизнь и деятельность которых служат приметой определенного исторического периода: *похашгеномз выкшешмз крѣстнѣномз кз кѣмена дѣкѣа цѣра и бѣалерѣана Synp. 97, 28; кз лѣта дншкитнѣана. кзпастн кз бѣдоу Synp. 534, 29; постншшоу во гоненнѣ. еже выстз при дншкитнѣанѣ Synp. 252, 16.*

Но между собой эти две подгруппы форм, объединяемых принадлежностью к одной и той же единице означаемого, состоят в отношениях дополнительного распределения: формы каждой подгруппы встречаются в таких сочетаниях, в которых не встречаются формы другой подгруппы.

Функциональное единство форм со значением времени, в пределах которых происходит действие, соответствующих целостной единице плана содержания, цементируется их противопоставлением другим группам форм-вариантов. Одной из этих последних является, например, противостоящая рассмотренной группе форм со значением времени, в пределах которого происходит периодически повторяющееся действие; она состоит из форм по + лок. и на + вин., которые образованы от имен существительных темпорального значения, снабженных определениями *кзждо*, *кзгз*, *кзпакз*: *кѣсѣла са на кзѣткз дана кхѣ' ѣмерхв Лука XVI, 19; по кзса дани сѣдѣхз при кзгз кхѣ' ѣмерхв Mat. XVI, 55; наказаннѣа на кзждо дана оутѣрзждана во Син. евр. 83, 1.*

Значение второй группы форм по отношению к значению первой группы форм является отмеченным членом привативной оппозиции.

7. Можно заметить, что две разобранных выше группы предположно-падежных синонимов, представляющие два типа синонимии, I и II, которые отличаются друг от друга разной ролью в системе, и по характеру внешних связей, и по внутреннему строению сходны между собой. Именно, единицы означаемого, реализуемые теми и другими скоплениями синонимичных форм, входят в одинаковые — в наших примерах привативные — оппозиции. Внутри каждой группы наблюдаются одинаковые отношения между формами-вариантами (или синонимами): отношения дополнительной дистрибуции и отношения свободного варьирования.

Это подобие вовсе не случайно: обе группы вычленились в результате однотипных процессов — сглаживания семантических противопоставлений в «симметричных» лингвистических единицах. В первом случае, однако, выравнивание семантики распространилось на всю зону релевантности противопоставления нескольких единиц, которые и стали «абсолютными» синонимами; во втором же случае устойчиво сохраняется разграничение зоны релевантности (пространственный план, где единицы «симметричны»)

²⁸ Большого количества зафиксированных чередований трудно и ожидать, так как исследуемый материал невелик по объему (список источников см. в сноске 20).

и зоны нейтрализации (темпоральный план, где они уже «асимметричны»). Важной причиной более быстрого выравнивания семантики у форм типа I и отставания этого процесса у форм типа II является, конечно, то обстоятельство, что в первом случае выравнивание не влечет за собой выхода означаемых из сферы пространственных отношений, между тем как во втором случае оно ознаменовано переходом означаемых из пространственного аспекта в другой, темпоральный.

Если былые различия между значениями форм *оу + род.*, *при + лок.* и другими синонимичными формами из группы «абсолютных» синонимов более не существенны, то различия между значениями форм *вз + лок.*, *ну + лок.*, *о + лок.* и другими формами, когда они дифференцируют пространственные представления, остаются в высшей степени важными, и невозможно даже вообразить, что необходимость в них когда-нибудь упадет. Но если все же это и могло бы когда-нибудь случиться, т. е. если бы зона нейтрализации этих форм предельно расширилась, а их различия перестали быть существенными, то возникли бы новые группы «абсолютных» синонимов.

Едва ли найдутся возражения против утверждения, что синонимы типа I и синонимы типа II являют собой две разные ступени развития системы, зафиксированные в одном и том же состоянии языка.

8. Лингвистика стремится постигнуть ход языковой эволюции и, в частности, путь развития языка от конкретного к абстрактному. Стадия асимметричности единиц системы, при которой одному означаемому соответствует несколько означающих, является, как видно, неизбежным этапом перехода от одного состояния системы к другому, а сдвиги в соотношении между означаемым и означающим указывают на непрерывность изменений. Синонимия, т. е. вариантность означающих относительно одного означаемого, является симптомом утраты противопоставлений одного уровня абстракции и зарождения противопоставлений другого уровня абстракции²⁹. Сглаживание различий между представлениями, возникшими в более ранний период развития системы, и образование новых различий не влечет за собой сразу же выработку новой формы: прежние средства сохраняются; как бы высоко ни поднималась мысль, корни ее выражения лежат в менее сложных представлениях предшествующего периода. Однако средства выражения, возникшие на почве этих представлений, созданных определенными условиями жизни, уже смешиваются или перераспределяются. Как писал С. Карцевский, «познать или понять явление — это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на скрещении которых его можно будет найти. И все же действительно новыми являются не сами координаты, а их взаимоотношение, их скрещение»³⁰.

Исходя из тезиса Ф. де Соссюра о том, что «две идеи, мыслью более не различаемые, стремятся слиться в едином означающем»³¹, мы вправе предвидеть, что в дальнейшем ходе эволюции стремление к симметрии означаемого и означающего снова победит³², из скопления форм оста-

²⁹ Уже замечалось, что варьирование средств выражения является переломным моментом в их истории. Так, В. М. Филиппова делает следующий вывод из своих наблюдений: «Вариантность возникает в один из моментов развития того или иного словосочетания, являясь обычно поворотным пунктом в этом развитии» (Разрядка наша. — К. Х.). В. М. Филиппова. Вариантные глагольно-именные сочетания в русском литературном языке XIX в. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. IV, М., 1957, стр. 216.

³⁰ С. Карцевский. Там же, стр. 86.

³¹ Ф. де Соссюр. Там же, стр. 119.

³² Ср. наблюдение З. Д. Поповой: «Отношения между дублетами и вариантами исторически строго синхронны. С течением времени дублеты непременно изживаются

нется только одна, но уже с более абстрактным значением, которая будет противопоставляться другим симметричным единицам с означаемыми, в той же мере абстрактными, т. е. цикл развития повторится на более высоком уровне³³. (Речь идет, разумеется, лишь о самом общем принципе развития. Сказанное, видимо, прежде всего относится к тем случаям, когда несколько форм, соответствующих одному и тому же означаемому, находятся в отношениях свободного варьирования.) Пользуясь образом А. Мартине, можно сказать, что структурные вариации в пространстве (географическом или социальном) перейдут в структурные вариации во времени, неразрывно связанные с первыми³⁴.

Эволюция плана содержания обладает известной независимостью от эволюции плана выражения: новые значения возникают раньше, чем новые формы, поэтому позднейшие значения многих форм отличаются от их первоначальных, обычно более конкретных, значений.

Касаясь соотношения означаемого и означающего, С. Карцевский писал, что каждое из них выходит из рамок, назначенных для него его партнером: «означающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; означаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны: будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать...»³⁵ (речь идет об омонимии и синонимии). Прибавим к этому (в качестве вывода из настоящей работы), что тот вид неустойчивости, при котором несколько означающих варьируются относительно одного означаемого, т. е. синонимия, является признаком начального этапа нейтрализации — или вообще функционального выравнивания — нескольких единиц означаемого, когда прежние способы реализации каждой из них уже смешиваются, а новый способ, который бы соответствовал означаемому нового уровня абстракции, на прежней базе еще не выработался. Правда, на шкале истории этот начальный этап может занимать не одно тысячелетие: так, например, разобранные в настоящей статье синонимические группы старославянского языка повторяются, лишь с незначительными отличиями в составе, в современном русском. И все же сам факт появления синонимов указывает на то, что почва для изменения подготовлена, и оно уже в пути, каким бы долгим этот путь ни был.

как избыточные средства. Это происходит или путем утраты одного из них, или путем семантической дифференциации. Ряды вариантов также постепенно перестраиваются». (З. Д. П о п о в а. Там же, стр. 10).

³³ Другой вопрос — можно ли и просто ли можно отнести рассмотренные здесь связи между синонимией и эволюцией системы к единицам других уровней и другой степени сложности.

³⁴ А. М а р т и н е. Там же, стр. 451.

³⁵ С. К а р ц е в с к и й. Там же, стр. 90.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. С. КИШКИН

МОЗАИКА СТАРОМЕСТСКОЙ РАТУШИ В ПРАГЕ

Каждый, кто хоть раз побывал в Праге, конечно, видел эту мозаику. Она украшает своды и стены вестибюля одной из древнейших пражских ратуш, расположенной на Староместской площади, неподалеку от знаменитого Тынского храма.

Староместская ратуша с ее островерхой, возвышающейся над площадью башней принадлежит к числу выдающихся памятников чешской готики. Она была построена в 1338—1381 гг. Свидетелем многих исторических событий стало это здание. В 1437 г. под окнами ратуши на площади были казнены последний таборитский гетман Ян Рогач из Дубы и более пятидесяти его сподвижников. Там же в июне 1621 г. были преданы смерти 27 руководителей антигабсбургского восстания 1620 г., подавленного в битве у Белой горы. Бурные демонстрации происходили на Староместской площади в революционном 1905 году. Во время освобождения Праги в мае 1945 г. у ратуши развернулись жестокие бои. Десятки тысяч тружеников-пражан вышли на Староместскую площадь 21 февраля 1948 г., чтобы защитить революционные завоевания народа.

В конце XV в. в Староместской ратуше мастером Ганушем были установлены удивительные башенные часы, так называемый «орлой», показывающие не только время, но и месяцы года. Каждый час на башне ратуши кричит петух, открываются два окошка и в них чередой проходят двенадцать апостолов, начинают двигаться расположенные по бокам циферблата фигуры смерти, скряги с мешком и старика. В 1860 г. «орлой» был украшен символическими изображениями месяцев, выполненными в традиции средневековой живописи одним из выдающихся чешских художников XIX в. Йозефом Манесом (1820—1871). Каждый месяц обозначен соответствующим ему по сельскому календарю трудовым или бытовым эпизодом. В настоящее время на часах находятся копии картин Манеса, исполненные художником Э. К. Лешкой (оригиналы — в Национальной галерее).

Староместская ратуша

В начале XX в. возникла мысль о придании парадности и торжественности вестибюлю Староместской ратуши, стены которого ничто не украшало, они выглядели пустыми и холодными. Осуществление этого замысла связано с именем Миколаша Алеша (1852—1913).

К 900-м годам Алешем уже были исполнены для архитекторов десятки проектов настенных росписей (внешних и внутренних). По его эскизам, общей темой которых была защита Праги от шведов в 1648 г., еще в 1883 г. были воспроизведены в технике сграффито фигуры на Староместской водопроводной станции, построенной на берегу Влтавы, неподалеку от Карлова моста. Из других его работ, предназначенных для декорирования зданий, стоит назвать такие, как «На военной службе» (фриз дома на Островни улице в Праге, 1889), «Резьба по дереву» (фриз дома на ул. Белькреди в Праге, 1892), «Плзенская ярмарка» (фриз дома на Товарни улице в Пльзене, 1892). Все настенные росписи художника характеризует связь не только с традициями национального и мирового искусства, но и с народным творчеством.

Крупнейшими работами Алеша по внутренней росписи стен явились: его знаменитый патриотический цикл «Родина» (1880—1881), воспроизведенный в люнетах фойе Национального театра в Праге; рисунки для заполнения 16 люнетов зала Пражской городской кассы (1895), в которых запечатлена деревенская жизнь; проект внутренней росписи готического костела в Воднянах (1895), отличающийся богатством и праздничностью растительно-животного орнамента, включающего в себя элементы чешской геральдики.

Работа по декорированию вестибюля Староместской ратуши была одной из последних крупных работ Алеша, архитектурного назначения. Впитав в себя весь творческий опыт художника, она явилась своеобразным итогом его сотрудничества с архитекторами.

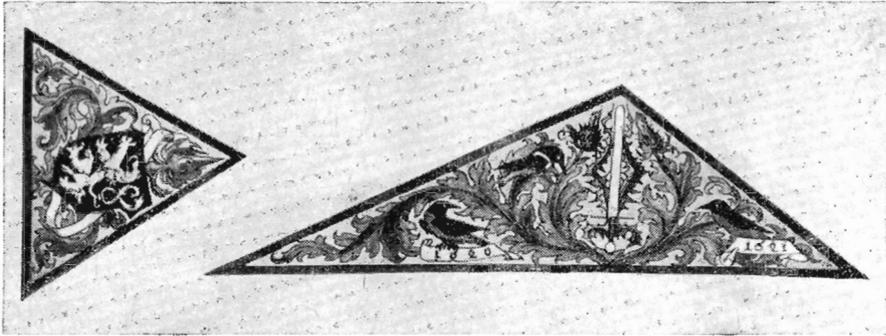
В конце 1902 г., накануне своего пятидесятилетия, Алеш получил от Пражского городского управления предложение сделать эскизы для росписи (первоначально вестибюлю украшали росписи, а не мозаика) стен и сводов вестибюля Староместской ратуши. Это предложение было сделано по инициативе Общества художников, которое хотело так, не совсем обычно, отметить юбилей Алеша и выразить ему свое уважение. Художник с радостью принял заказ. Как и в случае с Воднянским костелом, при создании эскизов росписи ему надо было найти такое решение, которое соответствовало бы готическим формам здания ратуши, бывшей не только памятником чешской архитектуры, но и символом национальной независимости Чехии в прошлом. Таким образом перед Алешем стояла двойная задача: найти соответствующую готике форму декорирования и подходящую случаю патристическую тему. Первоначально он хотел использовать, как основу для проекта росписи стен и сводов, три листа из своего графического цикла «Прага» (1882), посвященного истории чешской столицы. Но позже, убедившись, что своды потолка не подходят для многофигурной композиции, он ограничился двумя сюжетными эскизами «Пророчество Либуше» (левая стена) и «Прага славянская» (правая стена). И хотя при их создании Алеш ориентировался на первый («Пророчество Либуше») и третий («Прага королевская») листы цикла «Прага», сделанные им 20 лет назад, по существу им были созданы два совершенно новых произведения. В цикле легендарная княгиня Либуше предсказывает славное будущее Праге в присутствии одного князя Пшемисла, в ночной романтической обстановке. На эскизе росписи вестибюля это происходит днем в присутствии людей. На противоположном берегу Влтавы ясно и отчетливо видны здания древней Праги. Все стало проще и реальнее. От первого листа цикла «Прага» остались по существу лишь сама фигура Либуше да изображение орлицы у ее ног. Еще больше подвергся изменению лист «Прага королевская». От него остался лишь сам замысел показать в центре композиции восседающую на троне царственную женскую фигуру — аллегория Праги. Все остальное изменилось. В соответствии с новым содержанием (эскизный рисунок не случайно назывался «Прага славянская») у подножья трона изображены не чешские подданные (крестьяне и горожане), как это было на листе «Прага королевская», а представители

Пророчество Либуше. Цветной рисунок Алеша

Прага славянская. Цветной рисунок Алеша

Декоративные рисунки Алеша для сводов ратуши

разных славянских народов, восторженно приветствующие свободную Прагу. Среди других в левой части рисунка можно увидеть фигуру русского боярина. Сзади трона Алеш нарисовал готическую башню Староместской ратуши, а слева и справа от нее Национальный музей и Национальный театр. Последнее знаменательно: для Алеша, как и для всех чехов, сооружение этих двух зданий было свидетельством большого сдвига в развитии национальной культуры, залогом ее расцвета в будущем.

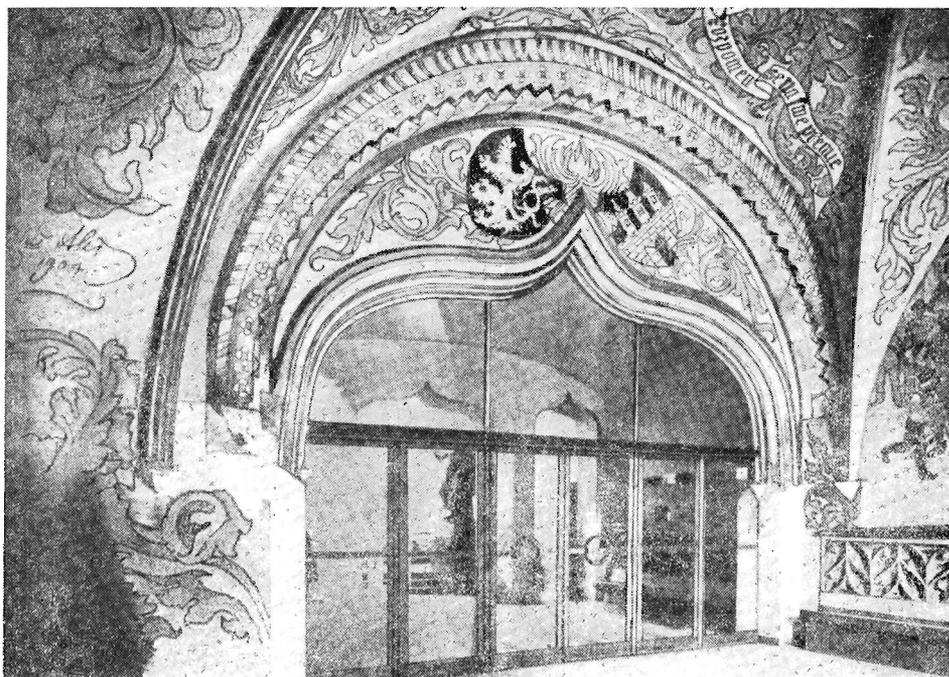
Наряду с двумя большими фигурными композициями Алеш создал для росписи вестибюля ратуши, главным образом для потолочных сводов, многочисленные эскизы орнаментального характера. Не имея возможности предложить для росписи более двух сюжетных изображений, он не отказался от самой идеи передать патристическое содержание цикла «Прага», хотя бы символически. В свой характерный растительный орнамент, восходящий к традиции древнечешских росписей и напоминающий листья копытеня, художник вписал фигуру князя Вацлава с мечом (возможно ту самую, которой восторгался Рехин)¹, гербы Праги и других чешских городов, геральдического чешского льва и святовацлавскую орлицу.

О гуситском времени в орнаменте напоминает цифра 1458 (год, когда в Праге был избран «гуситский король» Иржи из Подебрад). Темулиста цикла «Прага» — «Прага скорбящая», т. е. тему битвы у Белой горы, в орнаменте восполняют даты — «1620» и «1621», рядом с которыми изображены вороны и меч. Немало говорит и сделанная на ленте у ног князя Вацлава своеобразным алешовским шрифтом подпись из древнего хорала. Она начинается словами: «Святой Вацлав, воевода земли чешской...» и заканчивается многозначительным призывом — «вспомни о своем племени». Таким образом весь проект росписей, вестибюля ратуши был глубоко патристичен по своему содержанию, как в фигурной, так и в орнаментальной части.

Цветные эскизные рисунки, предварительные и окончательные, Алеш создал в 1904—1906 гг., однако непосредственная работа по росписи вестибюля ратуши велась до 1909 г. Из-за сравнительно бедной шкалы цветов фресок было решено использовать казеиновую темперу. На стены алешовские изображения переносил молодой чешский художник Карел Шпиллар, учившийся в Париже. Алеш выбрал его для этой цели сам, но, как и в некоторых других аналогичных случаях, ошибся². Шпиллар всячески стремился к тому, чтобы не исказить Алеша, но, будучи прежде всего колористом, а не графиком, избежать этого не смог. Его колористические представления отличались от алешовских, не всегда точен был он и в рисунке. Придав торжественно-

¹ Подробнее об этом см. в статье «Россия в жизни и творчестве Миколаша Алеша» — ж. «Советское славяноведение», 1969, № 6.

² Сам Алеш настенных росписей по своим проектам, как правило, не осуществлял. Полагают, что здесь сыграло роль несправедливое отстранение его от росписи фойе Национального театра.

Мозаика вестибюля Староместской ратуши. Современное состояние. (Общий вид; фрагменты: герб города Праги, изображение князя Вацлава)

праздничный, чешский и славянский по своему характеру вид вестибюлю ратуши, росписи все же не воспроизвели своеобразия эскизов и поэтому не вполне удовлетворили критику.

Можно было бы пожалеть, что созданный Алешом эскизный проект росписи вестибюля Староместской ратуши в процессе его реализации подвергся нежелательным искажениям. Однако история декорирования вестибюля на этом не закончилась. Стучилось так, что не очень точное воспроизведение алешовских эскизов Шпилларом много лет спустя было заменено другим, более совершенным.

Влажность стен периодически портила росписи вестибюля, через каждые пять лет их обновляли, что стоило немалых денег. В 1935 г. было решено заменить роспись мозаикой, что и было осуществлено архитектором Яном Тумпахом и художником Станиславом Ульманом в 1936—1938 гг. по цветным эскизам Алеша, в строгом соответствии с ними. Работы закончились в сентябре 1939 г., когда Чехия уже была оккупирована нацистами. Патриотическое содержание изображений, напоминавших о главнейших событиях чешской истории, вселявшая веру в освобождение композиция «Прага славянская» привлекали к себе многих зрителей чехов, часто посещавших ратушу, и это не ускользнуло от внимания гитлеровцев. В 1942 г. заместитель пражского бургомистра, бывший профессор немецкого университета И. Пфитцнер отдал распоряжение сбить мозаику со стен и сводов вестибюля ратуши. Но чешские инженеры, стремясь спасти мозаику, дали заключение, что это может вызвать обвал сводов ратуши. Тогда Пфитцнер приказал покрыть мозаические изображения штукатуркой, что и было сделано. В последние дни войны Староместская ратуша была частично разрушена и пострадала от огня. Казалось, что мозаические изображения погибли. Но к счастью этого не произошло. В 1947 г. штукатурка была снята, и после небольших восстановительных работ в 1948 г. мозаичные изображения Алеша снова засверкали в вестибюле Староместской ратуши, опять став доступными для обозрения. По воспоминаниям одного современника, Алеш высказал пожелание, чтобы вестибюль ратуши украшала именно мозаичная живопись. Если это так, то мечта художника сбылась. Алешовские мозаики в вестибюле ратуши справедливо считают одной из лучших реализаций его монументально-декоративных проектов.

По воле случая мозаики Алеша в вестибюле ратуши оказались рядом с картинами Манеса, ставшими неотъемлемой частью башенных часов. Впрочем, это скорее закономерно, чем случайно, что два великих чешских художника-патриота приняли участие в украшении одного из древнейших памятников Праги, которыми она по праву гордится. Теперь, пожалуй, уже трудно сказать, чем более знаменита Староместская ратуша, своим древним готическим видом, историей, знаменитыми часами Гануша, который, если верить легенде, был ослеплен, чтобы нигде не мог создать подобное «чудо» второй раз, или же тем, что ее стены украшают произведения Манеса и Алеша.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały

Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы

В 1965 г. появился первый том исследований и материалов «Из истории польско-советских отношений». Целью издания явилось, как это подчеркнул в предисловии его главный редактор проф. Т. Цесляк, «удовлетворение понятной заинтересованности польского общества в исторической правде о формировании отношений между Польшей и Советским Союзом...». Исследования и публикации в этой области проводятся главным образом Институтом истории польско-советских отношений ПАН и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Результатом польско-советского сотрудничества в этой области является издание источников «Документы и материалы по истории польско-советских отношений». Кроме того, Институтом истории польско-советских отношений начал выпуск вышеупомянутого периодического издания «Из истории польско-советских отношений». Уже вышло семь томов этого издания. На его страницах публикуются исследования, относящиеся как к уже завершившимся историческим явлениям, так и к современным событиям. Помещаются также документы по истории польско-советских отношений.

И том является результатом работы сотрудников Института. Он открывается статьей А. Заторского «Отношение солдат Дивизии польских стрелков к русской революции (март—июль 1917 г.)». Автор освещает малоизвестный эпизод из истории польских вооруженных сил в России в период революции 1917 г. — антивоенное восстание в Дивизии польских стрелков и борьбу за создание солдатских комитетов. Далее автор описывает проведенную командованием реорганизацию дивизии. В сформированную заново генералом Довбор-Мусницким дивизию вошло из прежней только 20% солдат. Статья В. Гостыньской «Польская политика в отношении Литвы и Белоруссии (октябрь 1918—январь 1919)» дает представление о формировании и реализации концепции внешней политики Польши в отношении ее восточных

соседей в момент образования независимого польского государства. Проблему установления польско-советских дипломатических отношений автор рассматривает в связи с польскими военными приготовлениями.

Московской конференции по разоружению (декабрь 1922 г.) посвящена статья Я. Юркевича. Автор сосредоточивает внимание на попытке нормализации польско-советских взаимоотношений. Московская конференция, в которой также принимали участие Прибалтийские государства, была первой международной конференцией, которая состоялась в Москве после создания Советского государства. В статье С. Лопатюка рассматриваются польско-советские переговоры о заключении пакта о ненападении (1925—1932 гг.). Анализируя их ход, автор показывает влияние внутренней обстановки в Польше и политики польского правительства на его позицию в ходе переговоров.

«Польско-советские дипломатические отношения после нападения Германии на СССР» (июнь—декабрь 1941 г.) — тема статьи В. Т. Ковальского. Автор не ограничивается изложением взаимных переговоров: в статье дается также характеристика польско-советских отношений в 1939—1941 гг. Роль СССР в установлении границы на Одре и Нысе освещает Э. Басиньский. Он подчеркивает значение Советского Союза как гаранта польских западных границ. Том завершается подготовленными к печати А. Лейнвандом и Я. Молендой протоколами заседаний Совета обороны государства, созданного во время польско-советской войны.

Во II томе (1966 г.) опубликованы материалы научной сессии, организованной Институтом истории польско-советских отношений ПАН в связи с 20-й годовщиной подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей. «Непреходящее значение... научной сессии, — отметил директор Института проф. Т. Цесляк, — состоят в первую очередь в

том, что был поднят широкий круг проблем, связанных с историей польско-советских отношений, и в особенности с польско-советским союзом». Свою статью Т. Цесляк посвятил генезису польско-советского союза. Он остановился на влиянии Октябрьской революции и позиции Советского правительства в вопросе независимости Польши. Автор подчеркивает роль польских прогрессивных сил в межвоенный период, которые были поборниками идеи сближения с Советским Союзом. Их программа была реализована после второй мировой войны.

«Некоторые проблемы польско-советских отношений в межвоенный период 1918—1939» такова тема статьи Я. Юркевича. В ней рассмотрены узловые проблемы взаимоотношений Польши и Советского Союза. Автор указывает на различия в общественном строе обеих стран, на страх правящих кругов Польши перед революционным влиянием и стремление их захватить значительную часть украинских, литовских и белорусских земель. Ф. Зуев пишет о польско-советском братстве по оружию в период второй мировой войны. Он выделяет два принципиально различных периода: первый — с момента нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР, и второй — с 22 июня 1941 г. до победы над третьим рейхом. Результатом союза было возвращение Польше ее западных земель.

В. Т. Ковальский в статье «Борьба СССР за признание народного польского государства» освещает советскую политику в отношении Польши во время второй мировой войны, особенно в период с июля 1944 по июнь 1945 г. Анализируя советскую политику в отношении Польши, автор приходит к выводу, что Советскому Союзу было не безразлично, какое место займет Польша в европейской политической системе и особенно каково будет направление польской внешней политики. Э. Басинский характеризует польско-советское сотрудничество в разрешении германской проблемы, автор отмечает сложность этой проблемы и разностороннее ее влияние на международные отношения. Т. Ксёнкеж рассматривает польско-советские экономические и культурные отношения в 1945—1964 гг.

В материалах дискуссии затрагиваются темы, поставленные в докладах. Кроме того, освещаются следующие вопросы: развитие товарообмена (Я. Пташек), польско-советское научное сотрудничество (Б. Луговский), сотрудничество Института славяноведения с польскими научными центрами (П. И. Резонов), братство по оружию в советской исторической литературе (П. Н. Ольшанский), роль Дома советской культуры в Польше (Н. С. Суханов), роль ПНР в преобразовании польско-советских отношений

(В. Гура), основные политические проблемы Балтики (С. Патоцкий), отношение польской эмиграции в России к власти Советов в 1917—1918 гг. (А. Заторский), проблема границ и генезис Восточного пакта (В. Гостыньская), выступления против интервенционистской войны в 1920 г. (Е. Данелевич), первые годы после Рижского мира (С. Лопатнюк), прометезизм (Г. Стемборская), проблема периодизации польско-советских отношений (В. Серчик), военное сотрудничество Польши и СССР (К. Собчак), совместные партизанские боевые действия (Н. Михта), помощь советским военнопленным (Ю. Тобиаш), в гитлеровских лагерях (К. Душин-Вонсович), возвращение на Одру и Балтику (Ч. Пилюховский), достижения польско-советской дружбы (З. Ижковский), советские псы в польских сценах (К. Пытлярчик), о договоре в Рапалло (Е. Куманецкий).

III том исследований и материалов (1968 г.) посвящен польско-украинским, польско-белорусским и польско-литовским отношениям. Он открывается статьей И. А. Хренова о развитии советского славяноведения. Славяноведение, представляющее комплекс научных дисциплин, изучающих жизнь славянских народов в историческом, историко-культурном, этнографическом и лингвистическом аспекте, прошло за время Советской власти тот же путь развития, что и все общественные науки. История развития советского славяноведения, — подчеркивает автор, — свидетельствует о его возрастающей роли в системе советских общественных наук.

В статье «Комиссариат по польским делам и вооруженное выступление 1-го польского корпуса против власти Советов» А. Заторский рассматривает деятельность Комиссариата, положение корпуса после агрессии немецких войск против Страны Советов и позицию польской социалистической печати по вопросу о вооруженном выступлении корпуса. О «Западной стрелковой дивизии» в 1918—1919 гг. пишет А. Кроник. Западная дивизия, боровшаяся против интервентов и русских белогвардейских войск в годы гражданской войны, была сформирована преимущественно из солдат-поляков. Создание одной из первых польских революционных частей на территории Советской России связано с деятельностью Польского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей.

Е. Охманский на основе неизвестных ранее воспоминаний М. Ромера, который был близок к Пилсудскому, представил подоплеку виленской кампании 1919 г. Н. В. Каменская в статье «Белоруссия в период польско-советской войны (январь 1919 — март 1921 г.)» приходит к выводу, что заключение мира с Польшей, несмотря на вынужденные территориальные уступки (западной части Украины и Бе-

лоруссии), оказалось большой победой советской внешней политики, так как Советская Россия и Белорусская Советская Социалистическая Республика смогли приступить к мирной работе по восстановлению народного хозяйства.

П. Н. Ольшанский на фоне международной и внутренней ситуации освещает польско-советские переговоры с момента заключения прелиминарного мира до подписания окончательного договора (12 X 1920 — 18 III 1921 г.). Оценивая Рижский мир, автор пишет, что он создавал «основы для добрососедских отношений между обеими странами, восстановления прерванных войной экономических, культурных и политических связей и их расширения на благо наших народов». Таким образом, заключение мирного договора между советскими республиками и Польшей было переломным моментом в истории польско-советских отношений. О деятельности польских интернационалистов на Украине в 1919 г. рассказывает П. М. Калениченко. В то время на территории Страны Советов находилось около 2,5 млн поляков; значительная часть их проживала на Украине. Под влиянием большевистской партии и польских коммунистов часть польского населения участвовала в социалистическом строительстве.

В статье З. Сладка и Я. Валенты «Украинский вопрос в чехословацкой восточной политике в 1918—1922 гг.», содержащей спорные положения, рассматриваются вопросы: концепции политических и экономических отношений Чехословакии с Украиной, Чехословакия и националистические украинские правительства, экономические отношения с Советской Украиной в 1920—1922 гг., чехословацко-польские проекты в связи с этим.

Г. Батовский освещает вопрос о «линии Керзона» и бывшей Восточной Галиции, границе 1945 г. с поправкой 1951 г. А. Слиш характеризует состояние и развитие польской рабочей печати на украинских и белорусских землях в период от Февральской революции до 1920 г. Советско-литовский договор является предметом изучения П. Лоссовского. Автор показывает неудачу плана создания в Прибалтике блока государств, направленного против СССР, и успех советской дипломатии в предотвращении изоляции Советского Союза.

Две последние статьи относятся к послевоенному периоду. И. Ф. Евсеев освещает участие Советской Украины в экономическом сотрудничестве СССР и Польши (1945—1965 гг.), а В. С. Толстой — культурное сотрудничество Белоруссии с Польшей (1945—1965 гг.). В томе опубликована С. Вроньским записка II отдела Главного штаба польской армии об отношениях с антисоветскими эмигрантскими организациями в Польше, составленная в 1938 г.

Том IV начинается статьей П. Лоссовского «Некоторые вопросы сотрудничества польских, литовских и латвийских революционеров в период революции и гражданской войны в России». Опираясь главным образом на «Книгу поляков — участников Октябрьской революции. 1917—1920» (Варшава, 1967 г.), автор показывает на примере польско-литовского и польско-латвийского сотрудничества международную солидарность трудящихся. А. Деруга в статье, посвященной генезису польско-литовского вооруженного конфликта на литовско-белорусских территориях, сосредоточивает внимание на следующих вопросах: экономические и общественно-политические позиции Польши на землях Литвы и Белоруссии, самообороны Минской земли как начало самообороны Литвы и Белоруссии, виленская самообороны, подготовка польского правительства к вооруженному захвату Вильнюса и фиаско этих намерений, борьба за Вильнюс в начале января 1919 г., так называемый «Виленский отряд Войска польского».

З. Закс в статье «Дипломатическая борьба за восточногалицийскую нефть в 1918—1923 гг.» констатирует, что главными конкурентами, стремившимися утвердить свои позиции в галицийском нефтяном бассейне, были Англия и Франция, а польское правительство использовало нефть как дипломатический козырь в борьбе за Восточную Галицию. В статье «Польско-советские отношения в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г.» Е. Куманецкий показывает международную ситуацию накануне конференции и попытки создания польско-прибалтийского блока, рассматривает варшавский договор 17 марта 1922 г. и рижский протокол, а также их оценку польскими политическими партиями, отмечает роль Польши в планах экономического восстановления Восточной Европы.

«Проблема заключения торгового договора в польско-советских отношениях (1925—1928 гг.)» — такова тема исследования С. Лопатюка. Установление торговых связей на основе условий Рижского мира была одной из трудных проблем в отношениях между Польшей и Советским Союзом. Переговоры, проводившиеся в течение всего межвоенного двадцатилетия, успешно завершились только в 1939 г. В. Михович рассматривает до сих пор совершенно неисследованный вопрос так называемой русской клаузулы в работах подготовительной комиссии конференции по разоружению. На основе 29 ст. конвенции от 17 апреля 1925 г. Эстония, Латвия, Финляндия, Польша и Румыния должны были быть освобождены от оглашения данных об импорте оружия и снаряжения до момента присоединения СССР к конвенции. Русская клаузула была результатом

принципиальной разницы во взглядах между СССР и его западными соседями на проблему разоружения.

Отдел «Материалы и информация» содержит заметки Е. Млынарского об изданиях на польском языке, выпущенных в Советской Литве (1940—1966 гг.), информацию Э. Басиньского о работе польских историков в связи с 50-летием Октябрьской революции, публикацию документов о тайных польско-советских переговорах в Барановичах и Беловеже в июне — июле 1919 г. Здесь же опубликован «Московский протокол от 9 февраля 1929 г.». Кроме того, в томе помещены рецензии на работы по проблематике изданий.

В V томе (1969 г.) напечатаны две историографические статьи: Г. Ловмянского — об освещении истории народов СССР и польско-русских отношений до конца XVIII в. в историографии народной Польши и М. Танты — о проблематике истории СССР, польско-русских и польско-советских отношений XIX—XX вв. в польской историографии. А. Деруга пишет о влиянии Октябрьской революции на формирование белорусской советской государственности. В его статье дается характеристика революционного движения в Белоруссии в период с октября 1917 до января 1919 г. С. Лопатнюк освещает позицию СССР в связи с польско-литовскими отношениями (1920—1928 гг.). Автор отмечает, что СССР был заинтересован в смирении напряженности в польско-литовских отношениях и, учитывая сложную международную ситуацию, стремился к обеспечению мира в таком важном для себя регионе, каким был бассейн Балтийского моря. П. Лоссовский в статье «Некоторые проблемы польско-литовских отношений (1934—1938 гг.)» показывает, что несмотря на отсутствие дипломатических отношений, неофициально или полуофициально велись переговоры, предпринимавшиеся по инициативе обеих сторон, которые привели в марте 1938 г. к нормализации взаимоотношений. В статье Т. Цесляка рассказывается о сотрудничестве гитлеровцев с украинскими националистами в Польше. М. Юхевич и Ю. Тобиаш касаются польско-украинского сотрудничества в подпольном и партизанском движении в годы второй мировой войны.

В отделе «Материалы и информация» опубликованы заметки: П. Калениченко «Польская революционная печать на Украине (1917—1940 гг.)», Е. Куманецкого «Польша и образование СССР», А. Склипека «Проблема Немана (1918—1928 гг.)», Р. Тожецкого «Некоторые аспекты гитлеровской политики по отношению к украинцам (1940—1944 гг.)», В. Волчева «К вопросу о позиции группировок лондонского лагеря в украинском вопросе в Люблинской земле»,

Т. Ксёнкека «Польско-литовско-белорусские общественные и научно-культурные связи в последнюю четверть века» и документы: о польско-советских переговорах относительно пакта о ненападении (С. Лопатнюк), об отношении гитлеровцев к польской культуре в Западной Украине и Западной Белоруссии в первые годы второй мировой войны (К. Пытлярчик).

В томе напечатаны рецензии на некоторые книги.

VI том (1970 г.) открывается дискуссионными статьями В. Дашкевича, В. Т. Ковальского и С. Лопатнюка о периодизации истории польско-советских отношений в 1917—1968 гг. Авторы выделяют два периода: 1917—1944 и 1944—1968 гг., которые затем подразделяют на этапы. Основными событиями, определяющим периодизацию, являются: свержение царизма и победа Октябрьской революции, Рижский мир, Локарнская конференция, пакт о ненападении, нападение Германии на Польшу, гитлеровская агрессия против СССР, установление дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, создание ПНР. Возрождение независимости Польши открывает второй период отношений между СССР и Польшей, государствами одинаковой общественной структуры. Этот период продолжается до настоящего дня.

Другие статьи касаются участия поляков в русском революционном движении накануне Февральской революции (И. И. Беляевич), начала переговоров о союзе между Пилсудским и Петлюрой в период с января до июля 1919 г. (А. Деруга), позиции Советской России и Украины по вопросу о государственной принадлежности Восточной Галиции в 1920—1923 гг. (З. Закс), вопроса о «линии Керзона» в политике западных держав во время второй мировой войны (Э. Басиньский), участия поляков в борьбе с гитлеровскими оккупантами в Литве и Белоруссии в 1941—1944 гг. (М. Юхевич) и отношения движения Сопротивления в Польше к СССР в последний период оккупации (В. Волчев).

В отделе «Материалы и информация» освещаются чехословацко-украинско-польские отношения в 1918—1922 гг., отношение солдат-поляков к демобилизации русской армии на рубеже 1917—1918 гг., позиция организаций Польского строительства людского в России (1918 г.), польско-латвийская военная конвенция (1919—1925 гг.). Публикуются документы о восточной политике Польши в 1918—1919 гг. и по истории польско-советских отношений в период Локарно и рецензии: Э. Иванчука на книгу П. М. Калениченко «Поляки в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине 1917—1920 гг.» и В. Волчева на воспоминания маршала Г. К. Жукова.

VII том (1970 г.) посвящен ленинской проблематике. В нем помещены статьи, освещающие многогранную деятельность творца первого социалистического государства и влияние ленинских идей на развитие современного мира. Т. Цесляк указывает на значение идей Ленина в период до восстановления независимости Польши. Автор приходит к выводу, что «формулировки Ленина были результатом глубокого анализа общественных процессов и реалистического учета сил и классовых соотношений». В другой статье Т. Цесляк касается оценки будущего польско-советских отношений боинским «Немецким обществом внешней политики». Предметом третьей статьи Т. Цесляка является проблематика международной научной сессии, посвященной отношениям Польши с Советским Союзом и европейскими странами народной демократии после второй мировой войны. Кроме того, в томе рассматриваются следующие вопросы; ленинская внешняя политика и генезис Литовско-Белорусской Советской Республики (А. Деруга), отношение польских крестьянских партий к Советскому Союзу в 1918—1949 гг. (Я. Файковский), жизнь и деятельность в Польше друга Ленина Бориса Вигилева (П. М. Калениченко, В. С. Суроиная), влияние ленинских идей на Силезию и Домбровский бассейн в 1917—1919 гг. (А. Калужа), история польской школы в Советском Союзе в 1917—1923 гг. (К. Кавецкая), деятельность ленинских музеев в Польше (Я. Конар, Т. Мотыльский), осуществление Советским Союзом ленинской концепции разоружения и польская дипломатия в

1927—1934 гг. (В. Михович), литературная деятельность поляков в СССР, и их воспоминания, письма и труды (К. Сероцкая), Центральная польская секция Всесоюзного объединения пролетарских писателей (К. Сероцкая), позиция Ленина по вопросу о мире с Эстонией в 1920 г. (А. Скупишек), В. И. Ленин и польское рабочее движение (Я. Собчак), произведение Ленина, изданные в народной Польше на польском языке в 1945—1968 гг. (В. Станкевич), изучение истории славянских пародов в Московском университете (И. А. Воронков), Ленин в историографии народной Польши в 1958—1968 гг. (М. Закшевская-Дубасова), отношение Ленина к вопросу о польской армии в России после Октябрьской революции (А. Заторский), воспоминания Т. Радваньского о встрече с Лениным в октябре 1917 г. (А. Заторский).

В томе опубликованы материалы о деятельности Комиссариата по польским делам при Народном комиссариате по делам национальностей в 1917—1918 гг.

Оценивая в общем вышедшие до сих пор семь томов исследований и материалов из истории польско-советских отношений, следует отметить, что они содержат статьи о межвоенном двадцатилетии, периоде второй мировой войны и последующих годах, интересные и неизвестные до сих пор документы по истории польско-советских отношений, рецензии на новейшие издания, относящиеся к вышеуказанной проблематике.

Ежи Куманецкий

Гр. ПОПИСАКОВ. Экономические отношения между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом. Перевод с болгарского. М., 1969, 335 стр.

Экономические связи, притом самые тесные, установились между Советским Союзом и Болгарией с первых же дней победы народной власти в Болгарии, и в дальнейшем они все более укреплялись и расширялись.

Рецензируемая книга известного болгарского экономиста Гр. Пописакова ценна прежде всего тем, что в ней автор на большом фактическом материале вскрывает механизм этих связей, показывает их реальное внутреннее содержание.

В первой главе книги автор дает краткий исторический очерк экономических отношений между Болгарией и Советским Союзом до 9 сентября 1944 г., во второй — рассматривает общие вопросы характера, этапов и форм экономического сотрудничества между СССР и НРБ. Четыре следующие главы посвящены отдельным видам экономических связей — внешней торговле, научно-техническому сотрудничеству, кредитной помощи Совет-

ского Союза Народной Болгарии и другим формам сотрудничества. И хотя заключение в теоретическом плане дается автором в качестве отдельной главы, седьмую главу можно считать также заключительной, так как в ней имеются определенные обобщения. Экономическую помощь Советского Союза автор рассматривает здесь с точки зрения ее значения для развития существовавших ранее и создания новых важнейших отраслей народного хозяйства Болгарии. Книга снабжена статистическими таблицами и диаграммами. В приложениях приведены тексты договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ, заключенных 18 марта 1948 г. и 12 мая 1967 г., а также дополнительные данные статистики.

Теоретические посылки автора не вызывают возражений. Не вдаваясь в бесплодный и схоластический с нашей точки зрения спор о том, можно ли говорить

о наличии межгосударственных социалистических производственных отношений, поскольку отсутствует единая межгосударственная собственность (спор, в который, кстати сказать, оказались вовлеченными и некоторые советские исследователи), Гр. Пописаков исходит из данных реальной действительности. «Материальной основой создания нового типа отношений — отношений братского сотрудничества и взаимопомощи между странами социалистического содружества — является социалистический способ производства», «...Идеологической основой взаимоотношений государств мировой социалистической системы является марксистско-ленинское учение», — пишет он (стр. 33). Он отмечает, что «социалистическая взаимопомощь является конкретным выражением социалистического интернационализма» и что «принципы социалистической взаимопомощи составляют основу отношений Народной Республики Болгарии со всеми странами социалистического содружества, особенно наглядно они проявляются в отношениях с СССР» (стр. 36—37).

Автор дает разработанную им периодизацию истории экономических отношений между СССР и НРБ. Первый этап охватывает период с 9 сентября 1944 г. до конца 1948 г.; второй этап — с 1949 г. — от создания Совета Экономической Взаимопомощи, когда народное хозяйство Болгарии уже полностью велось на плановых началах, — до 1956 г. Советско-болгарские экономические связи в этот период значительно расширились, возникли дополнительно новые формы сотрудничества. Помимо дальнейшего роста внешнеторгового обмена и согласования планов товарооборота, сотрудничество охватило и научно-техническую сферу. Советский Союз разрабатывал проекты, техническую документацию и технологию для начавшегося в эти годы в НРБ широкого промышленного строительства, направлял советских специалистов и принимал на стажировку болгарские кадры. Третий этап начался в 1956 г., когда социалистические страны — члены СЭВ — приступили к координации своих народно-хозяйственных планов, и продолжается до настоящего времени.

Данная периодизация представляется нам в целом правильной. Нельзя в связи с этим согласиться с Вес. Хаджиниколовым, который в рецензии на книгу Гр. Пописакова считает необходимым при определении хронологических рамок этапов экономических отношений между двумя странами учитывать «не только внешние, но и внутренние события в обеих странах, причем не только в экономической сфере общественной жизни, но и в политической»¹. Такой подход увел бы

нас очень далеко и не позволил бы выработать единого критерия. Ведь социалистическая интеграция происходит (и будет происходить в будущем еще неопределенно долгое время) в условиях существования суверенных социалистических государств со всем многообразием и своеобразием их внутренней жизни. Советско-болгарские экономические отношения необходимо рассматривать как часть определенного единства — межгосударственных экономических отношений в системе социалистического содружества стран СЭВ, — единства, которое имеет собственные закономерности и собственную периодизацию. Автора можно было бы упрекнуть в другом. Он пишет, что третий этап, начавшийся в 1956 г., продолжается и поныне (стр. 46). Однако решения XXIII Сессии СЭВ (апрель 1969 г.), направленные на усиление многосторонних экономических связей, на совместную разработку перспективных планов развития, создание межгосударственного инвестиционного банка, видимо, означают качественно новую, более высокую ступень социалистической интеграции. Впрочем, книга Гр. Пописакова была издана в Софии в 1968 г., а в ее советское издание 1969 г., к сожалению, не было сделано никаких дополнений.

Одной из важнейших форм экономического сотрудничества является внешняя торговля, и автор уделяет ей много внимания. Он отмечает, что всестороннее развитие советской экономики, огромная емкость советского рынка, а также быстрый рост производительных сил самой Болгарии создают благоприятные условия для развития обмена. Внешнеторговые отношения между социалистическими странами строятся на принципиально иных основаниях, чем между капиталистическими странами. В книге дано яркое сопоставление. В 1919 г., когда Болгарию, разоренную войной, потрясал глубокий кризис, правительство было вынуждено пойти на тяжелые условия, предъявленные США, и купить 22 тыс. тонн пшеничной муки по ценам выше мировых, затратив на это часть золотого запаса, что вызвало резкое падение курса лева и дальнейшее разорение страны. После второй мировой войны продовольственное положение Болгарии вследствие многократных неурожаев было еще более тяжелым, чем в 1919 г. Советский Союз в течение трех лет поставил Болгарию в кредит и без каких-либо условий свыше 300 тыс. тонн продовольственного зерна. Этот акт братской помощи со стороны Советской страны, которая сама переживала огромные трудности, никогда не забудется болгарам.

Анализируя структуру взаимной торговли между СССР и Болгарией, Гр. Пописаков приходит к выводу, что только

¹ «Исторически преглед», София, 1970, № 1—2, стр. 221.

в отношениях между социалистическими странами возможно, что более развитая в экономическом отношении страна вывозит в менее развитую главным образом (на 90%) машины, оборудование и сырье, способствуя таким образом ее индустриализации. Пассивное сальдо, которое имела Болгария в течение ряда лет в торговле с СССР, погашается болгарскими поставками в последующие годы или превращается в долгосрочные кредиты.

Взаимовыгодная торговля между СССР и Болгарией быстро растет. За период с 1944 по 1967 г. среднегодовые темпы роста товарооборота составили около 45% (стр. 109—110). Автор отмечает, что если в первые годы Болгария ввозила из СССР главным образом сырье, то теперь сырье составляет менее половины болгарского импорта. Все более возрастает удельный вес ввозимых из СССР машин и оборудования (хотя номенклатура их меняется, так как Болгария сама освоила производство целого ряда машин).

Данные, приведенные автором, впечатляющие. Почти две трети всей новой техники, которой сейчас оснащено народное хозяйство Болгарии, поставлено из СССР. Из общего количества сырья и топлива, импортированного Болгарией за период с 1950 г., около 60% ввезено из СССР (стр. 130—131). Три четверти потребностей НРБ в импортном металле было удовлетворено поставками из СССР, в том числе импортная сталь на 85% поставлена Советским Союзом (стр. 133). Болгария получает из Советского Союза почти все недостающее количество каменного угля, 75% необходимого для резиновой промышленности натурального и синтетического каучука (стр. 143, 147). Из промышленных товаров народного потребления Болгария ввозит из СССР часы, велосипеды, холодильники, стиральные машины, пылесосы, фотоаппараты, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, радиоприемники, телевизоры и т. д. (стр. 150).

Каков же болгарский экспорт в СССР? Социалистические преобразования, индустриализация страны коренным образом изменили экономику Болгарии, а следовательно, и структуру ее экспорта. Весьма интересна диаграмма, помещенная на стр. 159. Если в первые годы Болгария экспортировала главным образом сырье и товары народного потребления, то начиная с середины 50-х годов начинает расти экспорт машин и оборудования. В 1966 г. в болгарском экспорте в СССР машины и оборудование составляли 30%, промышленные изделия и товары народного потребления — 53,8%, а сырье — всего лишь 16,2%. Болгария поставляет в СССР вагоны, мотопеды, различные виды судов. Автор отмечает, что в последние годы почти вся продукция болгарского судостроения направляется в СССР (стр. 169). Растет болгарский экс-

порт в СССР автомобильных запасных частей. В Советский Союз Болгария вывозит до 80% экспортируемых электромоторов, от 78 до 98% силосокомбайнов, молотилок, косилок, тракторных сеялок и других сельскохозяйственных машин. Гр. Пописаков приходит к выводу, что «обеспечение сбыта большей части экспортной продукции болгарского машиностроения на таком надежном рынке, как советский, служит залогом дальнейшего успешного развития машиностроения Народной Республики Болгарии, еще большего его расцвета» (стр. 163).

Важное место в болгарском экспорте в СССР занимают продовольственные товары (около одной трети), главным образом — свежие и переработанные фрукты и овощи, которые, как известно, пользуются в нашей стране неограниченным спросом. Быстрыми темпами растет также болгарский экспорт промышленных товаров народного потребления — готовой одежды, мебели, меховых изделий, кожаных лаптей и обуви. Заказы Советского Союза обеспечивают высокую занятость в этих отраслях болгарской промышленности, а некоторые из них работают в основном на советский рынок. Автор отмечает, в частности, что без заказов СССР «производство мебели в Болгарии пришлось бы почти полностью прекратить» (стр. 188).

Налицо, таким образом, убедительный пример международного социалистического разделения труда, межгосударственной специализации и кооперирования производства, взаимовыгодных для обеих стран и имеющих неограниченные возможности расширения. В книге Гр. Пописакова есть специальный раздел, трактующий эти вопросы, но главным образом в теоретическом плане, без достаточного использования приведенных самим автором богатейших фактов. Определенно Гр. Пописаковым произведенного кооперирования между нашими странами нам кажется несколько узким. Он пишет, что в этой области осуществляются «первые шаги», и в качестве примера приводит сборку в Болгарии автомобилей марки «Москвич» из деталей, производимых советскими заводами (стр. 70). Таким образом, имеется в виду лишь кооперирование в связи с подетальной специализацией. А как же со специализацией по выпуску готовой продукции, которая существует уже давно и получила широкое развитие, что явствует из всего материала книги и особо подчеркивается автором в специальном разделе? Ведь оборотной ее стороной, ее необходимым дополнением является кооперирование, иначе специализация потеряла бы всякий смысл. Как отмечается в «Основных принципах международного социалистического разделения труда» — документе, выработанном XV сессией СЭВ и одобренным II совещанием пред-

ставителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран — членов СЭВ, «международная специализация означает концентрацию производства однородной продукции в одной или нескольких социалистических странах для удовлетворения потребностей заинтересованных стран, повышение в связи с этим уровня техники и организации производства и установление устойчивых экономических связей и производственного кооперирования между странами»².

Важной формой экономических межгосударственных отношений, значение которой все более возрастает, является научно-техническое сотрудничество социалистических стран.

Наука все более превращается в непосредственную производительную силу. Но только социалистическое общество и содружество социалистических стран способно планомерно развернуть научные исследования и использовать их результаты в интересах народа. Обмен технической документацией, помощь в подготовке кадров способствуют ликвидации разрыва в уровне экономического развития отдельных стран. Координация усилий исследовательских учреждений позволяет достигнуть решения сложных научно-технических проблем с максимальной экономией сил и средств. Гр. Пописаков рассматривает характер и формы научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и Народной Болгарией. За период с 1948 по 1966 г. Болгария получила из СССР 6 тыс. комплектов различной документации и в свою очередь передала Советскому Союзу 311 комплектов (стр. 200—201). До 1968 г. в Болгарию было командировано 3800 советских специалистов, причем около 20% из них занимались вопросами машиностроения. Впрочем, «... в Болгарии нет такого министерства или ведомства, которое бы не использовало научно-техническую помощь советских специалистов», — отмечает автор (стр. 201). За эти же годы большое количество болгарских специалистов побывали в СССР на стажировке, немало юношей и девушек получили образование в Советском Союзе. Тесно связаны научные учреждения обеих стран.

Межгосударственные экономические связи немислимы без использования кредита. Но в то время как капиталистические кредиты представляют собой одно из сильнейших средств грабежа, средств нажима на слабо развитые страны с целью заставить их отказаться от суверенитета и изменить свою политику, социалистические кредиты выражают сущность по-

вых отношений взаимопомощи и братского сотрудничества. Гр. Пописаков показывает, что Болгария не имела возможности преодолеть свою экономическую отсталость без существенной помощи кредитами извне. Такая помощь была ей оказана в первую очередь Советским Союзом, предоставившим ей ряд кредитов — денежных, товарных и инвестиционных, причем на принятых между социалистическими странами льготных условиях. За период с 1947 по 1966 г. общая сумма советских кредитов Болгарии достигла 1780 млн. руб. О роли советской кредитной помощи, пишет автор, можно судить по тому, что кредитные поставки из СССР составляют четвертую часть всех капиталовложений в народное хозяйство Болгарии за период с 1944 по 1966 г. (стр. 231).

Основные итоги, как отмечалось выше, подведены автором в седьмой главе — «Экономическая помощь Советского Союза в развитии важнейших отраслей народного хозяйства Болгарии».

Прошедшая за короткий исторический период огромный путь, превратившаяся из отсталой аграрной в передовую индустриально-аграрную страну, Болгария многим обязана экономической помощи Советского Союза. С помощью СССР в Болгарии построено более 140 крупных промышленных предприятий, которые дают 60% всей продукции химической промышленности, 70% — цветных металлов, 92% — черных металлов, 100% — продукции судостроения. При содействии СССР создано 60% всех энергетических мощностей Болгарии, созданы важнейшие отрасли промышленности — машиностроение, металлургия, нефтехимия и др., осуществлена социалистическая реконструкция сельского хозяйства.

Книга Гр. Пописакова не свободна от недостатков. Изложение порой излишне растянуто, имеются повторения и отдельные неточности. Мало внимания уделил автор самым прогрессивным видам сотрудничества — совместному перспективному планированию и созданию единых народнохозяйственных комплексов, и поэтому складывается впечатление, что книга несколько обращена в прошлое. А ведь от экономической науки мы вправе ждать и прогнозов! Не сказано в книге и об экономической реформе, которая, хотя и является внутренним делом каждой отдельной страны, тем не менее безусловно сказывается на совершенствовании межгосударственных экономических отношений.

В целом, однако, монография Гр. Пописакова — несомненный вклад в разработку проблем социалистической интеграции, в укрепление дружбы между советским и болгарским народами.

А. Н. Киришевская

² «Основные принципы международного социалистического разделения труда». М., 1964, стр. 13.

К ВОПРОСУ О ДУБРОВНИЦКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

В последнее время необычайно возрос интерес к искусству Возрождения: идеи великих представителей ренессансной культуры оказались созвучными нашей современности, изучение их творческого наследия приобрело особую актуальность. Но, как известно, различные исследователи — искусствоведы, историки, филологи — еще по-разному подходят к определению самого понятия эпохи Возрождения, ее содержания и хронологических рамок¹. К числу спорных и недостаточно изученных относится также проблема славянского Возрождения, и в частности, проблема Возрождения у южнославянских народов. Поэтому очередная попытка В. К. Зайцева познакомить читателя с одной из блестящих страниц в истории южнославянской культуры, с творчеством И. Гундулича, не может не вызвать интереса².

Работа В. К. Зайцева, по нашему мнению, включает два главных момента — прежде всего анализ поэмы И. Гундулича «Осман» и затем — стремление автора обосновать свой взгляд на социальные корни эпохи Дубровницкого Возрождения.

Характеристика творчества И. Гундулича и выяснение общественно-политического значения его поэмы охватывают большую часть книги. Как убедительно показано в книге Зайцева, И. Гундулич прекрасно знал историю и культуру южных славян. Его «Осман» — самобытное произведение, тесно связанное с народным поэтическим творчеством — песнями, сказаниями, плачами южных славян. Влияние же античной традиции и итальянской поэзии, в частности поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», сказалось, по свидетельству автора, на произведении дубровницкого поэта чисто внешним образом. В поэме «Осман» воплощена зародившаяся в гуще народа идея братского единства всех славян.

Рассказ о жизни Гундулича, истории создания и посмертного опубликования его поэмы составляет лучшие страницы

книги В. К. Зайцева. Автор не ставил своей задачей подробное выяснение мировоззрения Гундулича, многогранности его дарования, новизны его творческих приемов и т. д. Книга о Гундуличе, по собственному определению Зайцева, является лишь началом изучения творчества поэта.

Относительно второго важного момента рассматриваемой монографии — изложения взглядов автора на истоки Дубровницкого Возрождения — нам хотелось бы высказать несколько замечаний. Разбору поэмы «Осман» в книге предпослан исторический очерк — Дубровник в эпоху Гундулича, в котором рассматривается, правда не совсем последовательно, развитие Дубровницкой республики с XIV по XVII в. Назначение этого очерка вполне очевидно — установить прямую связь между расцветом дубровницкой культуры в XV—XVII вв. и экономическим подъемом республики в тот же период. Как ясно из работы, В. К. Зайцев придерживается самой распространенной в советской историографии и обоснованной точки зрения на содержание понятия «Возрождения», признающей, что важнейшая особенность ренессансной эпохи заключается в появлении социально-экономической базы для расцвета культуры — нарождающихся капиталистических отношений (стр. 26—27). Руководствуясь этим положением, автор уже без всяких колебаний утверждает, что первые шаги Возрождения были связаны с буржуазной средой, что литература Возрождения была орудием новых классов, принимавших непосредственное участие в классовой борьбе (стр. 29) и т. д. Не подвергая сомнению существование связи между эпохой Возрождения и появлением ростков капитализма в экономике, нам хотелось бы возразить против несколько ограниченного подхода автора к сложной и противоречивой культуре Возрождения, социально-экономические корни которой не всегда вели только к буржуазному укладу. Прямолинейность понимания истоков ренессансной культуры приводит к тому, что автор пыгается во что бы то ни стало выявить наличие капиталистических отношений в дубровницкой экономике, начиная с XV и особенно в XVII в.

Анализируемый очерк истории Дубровника не является самостоятельным исследованием автора. Для характеристики социально-экономического строя Дубровника В. К. Зайцев использовал, и это, на наш взгляд, вполне приемлемо в подобных работах, выводы и заключения других ученых. Однако несколько неожиданным является то, что главный материал к этому очерку почерпнут автором из исследований, прямо не затрагивающих социального строя респуб-

¹ В. И. Рутенбург. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое». «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 93—115.

² В. К. Зайцев. Между Львом и Драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман». Минск, 1969, 164 стр. См. также другие работы В. К. Зайцева, посвященные Гундуличу: «Историческая основа и идейное содержание поэмы Ивана Гундулича „Осман“». В сб. «Литература славянских народов», вып. 2. М., 1957, стр. 120—143; «Гундулич в России (страничка истории русско-дубровницких связей)». В сб. «Славянские литературы». Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 177—184.

лики и вышедших в свет почти столетие назад³. По-видимому, отсюда и ведут начало утверждения автора, что в 1490 г. в Дубровнике были построены первые фабрики сукон, а в 1530 г. — фабрики шелковых и шерстяных изделий (стр. 9), что в XVII в. торговцы вкладывают свои капиталы в мануфактурное производство, подчиняя торговлю промышленности (стр. 13) и т. д.

Следует отметить, что в настоящее время советские и югославские исследователи весьма осторожно подходят к решению вопроса о зарождении капиталистического производства в Дубровнике XV—XVI вв. И нет основания говорить о возникновении фабрик в Дубровнике XV в., о подчинении торговли мануфактурному производству в XVII в. Первые мануфактуры, появившиеся в сукнодельческой промышленности республики, оказались слабыми и в условиях Далмации XV—XVI вв. они быстро сворачивались, оставляя место мелкому ремесленному производству феодального типа.

Подчеркивая значение бюргерского слоя населения, из среды которого выходили представители молодой буржуазии, Зайцев пытается показать перерождение дубровницкого патрициата, его слияние с дубровницким бюргерством и молодой буржуазией (стр. 20). Автор утверждает, что в Дубровнике постепенно стирались различия между патрициями и богатыми торговцами-бюргерами, что незнатные торговцы, обладавшие значительным капиталом, могли вступать в патрицианское сословие (стр. 21). Однако известно, что до землетрясения 1667 г. состав патрициата Дубровника не пополнялся простыми гражданами. И. Тадич, например, считает разобщенность, непреодолимую грань между патрициями и другими слоями городского населения важной причиной внутренней слабости республики⁴.

Спад экономического развития Дубровника Зайцев относит ко второй половине XVII в. (стр. 41, 47)⁵, что, на наш взгляд, нуждается в уточнении — явные

признаки упадка ремесла и первых мануфактур наблюдаются в Дубровнике уже в XVI в.⁶ При характеристике социального строя республики времен Гундулича Зайцев исходит из необоснованной посылки, что в Дубровнике уже существует «молодой класс торгово-промышленной буржуазии» (стр. 21).

На протяжении XV—XVII вв. Дубровник оставался центром посреднической торговли, где господствовал торгово-земледельческий патрициат, и достиг своего высокого развития купеческий капитал. И хотя мануфактурное производство Дубровника изучено недостаточно, имеющийся в научном обороте материал позволяет предположить, что купеческий капитал лишь в незначительной степени переходил в промышленный.

Таким образом, одно из главных положений книги В. Зайцева о том, что за Дубровницким Возрождением стоят новые общественные силы — растущая буржуазия — остается слабо аргументированным. Да и можно ли считать И. Гундулича, как это делает с небольшими оговорками Зайцев (стр. 55, 109, 156), идеологом торгово-предпринимательных слоев дубровницкого населения — бюргерства и зарождающейся буржуазии? Каким оно было, это дубровницкое бюргерство XV—XVII вв.? Разве не довольствовало оно жалкой ролью политически неполноправного слоя в классическом государстве патрициев? Ранняя и малочисленная дубровницкая буржуазия, способная на смелые торговые и коммерческие акции, вряд ли могла уже выступать в качестве силы, «ищущей и требующей новых порядков» (стр. 55). На наш взгляд, И. Гундулич в «Османе» является прежде всего выразителем интересов и идеологом тех прогрессивных сил балканских славян, которые принимали активное участие в национально-освободительном движении против турецкого господства.

Однако нельзя упрекать автора в том, что он не выяснил до конца социальные истоки культуры Дубровницкого Возрождения. Этот вопрос, как уже говорилось, достаточно сложен, чтобы можно было решить его мимоходом в небольшом и относительно узком исследовании творчества отдельного поэта.

Проблема Возрождения в Дубровнике представляется нам одной из самых интересных проблем истории культуры южных славян. В известном исследовании И. Н. Голенищева-Кутузова эпоха Возрождения в Дубровнике весьма четко ограничена XV—XVI вв.⁷ Думается, что пока трудно определить, в какой степени

³ В. К. Зайцев чаще всего ссылается на работы: В. М а к ш е в. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1869; е г о ж е. Задунайские и адриатические славяне. СПб., 1867, а также на книгу: Р. М а т к о в и ć. Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike Dubrovačke. Rad JAZU, VII. Zagreb, 1869.

⁴ J. T a d i ć. O društvenoj strukturi Dalmacije i Dubrovnika u vreme renesanse. «Zgodovinski časopis», VI—VII. Ljubljana, 1952—1953, s. 559 i сл.

⁵ В книге В. К. Зайцева встречаются противоречивые суждения. Например, на стр. 55 о XVII в. сказано как о времени экономического, социального и культурного расцвета.

⁶ D. R o l l e r. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. Zagreb, 1951.

⁷ И. Н. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963.

можно говорить о культуре Возрождения в Дубровнике применительно к XVII в. Но, возможно, касаясь корней Дубровнического Возрождения XV—XVI вв., следует учитывать не только внутреннее развитие республики, политическую обстановку на Балканском полуострове, но и социально-экономическое развитие всех стран Адриатического бассейна, где дух предпринимательства и устремления

к великим свершениям подогревался главным образом Италией. И весьма вероятно, что зарождение раннекапиталистических отношений в Дубровнике именно в сочетании с мощным влиянием всей атмосферы Адриатики вообще и Италии в частности дало толчок к яркому расцвету здесь культуры ренессансного типа

Н. П. Мананчикова

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 1918—1939 гг.

Исследование доцента Ягеллонского университета Марьяна Стемпенья¹ посвящено польским литературным и общественным деятелям, поселившимся после 1917 г. в Советском Союзе. В этой группе Стемпень выделяет два поколения: «старшее», участвовавшее еще в изданиях СДКПиЛ (А. Варский, Г. Каменьский), «младшее», имевшее опыт работы в изданиях КПП (Я. Гемпель, Б. Ясенский и др.). Автор прослеживает определенную связь общественно-литературных взглядов этих деятелей с традициями тех партий в польском рабочем движении, из которых они вышли.

В области литературоведения польские критики в СССР ставили себе целью критически пересмотреть историю польской литературы, оценить современный ее этап и определить перспективы ее развития. Источником данного исследования являются две книги о польской литературе, вышедшие в СССР на польском языке, и многочисленные статьи, печатавшиеся в СССР на польском и русском языках.

В развитии польской литературной критики в СССР М. Стемпень выделяет три этапа. В 20-е годы (первый этап) он отмечает наряду с упрощениями, типа пролеткультовских, многообразие литературно-критических воззрений. Второй этап — 1929—1933 гг. — автор оценивает весьма критически, отмечая односторонний подход к литературным явлениям, характерный для большинства польских критиков тех лет.

Характер третьего этапа, начавшегося в 1934—1935 гг., М. Стемпень связывает с развитием в Польше борьбы за антифашистский народный фронт, а также с теми перспективами, которые для литературы открывала программа социалистического реализма, провозглашенная на I съезде советских писателей.

Говоря о большом внимании, которое критики уделяли польскому романтизму, Стемпень отмечает, что интерес к литера-

туре романтизма был своего рода традицией в польском социалистическом движении. Польские коммунисты в СССР, как и их предшественники — деятели СДКПиЛ, особенно Р. Люксембург, рассматривали романтизм не только как явление литературное, но и политическое.

Отношение к национальной литературной традиции, и прежде всего к романтизму, было важным моментом в решении польскими марксистскими критиками вопроса о создании польского пролетарского искусства. Стемпень очень детально анализирует развернувшуюся в их среде полемику вокруг творчества А. Мицкевича (прямолинейно-социологический подход Я. Гемпеля и, с другой стороны, точка зрения Г. Каменьского, понимавшего специфику художественного творчества).

В главе о литературе позитивизма автор книги подчеркивает различие во взглядах большинства критиков, о которых идет речь, в 20-е и 30-е годы. На первом этапе в творчестве польских реалистов второй половины XIX в. они стремились выделить гуманистическое содержание, художественное своеобразие их искусства, постановку ими социальных вопросов. В 30-е годы оценки этих самых писателей отличались сектанством и упрощенчеством и по сравнению с воззрениями на позитивизм Бялоблочного, Келлез-Краузе, А. Дрогошевского были, считает Стемпень, шагом назад.

Оставаясь на тех же позициях — «поиска социологического эквивалента литературного произведения» в подходе к следующему периоду, польские критики в СССР, как считает Стемпень, проявили не только определенную «оригинальность», но и указали «на тот аспект литературной проблематики Молодой Польши, которая до сего дня ожидает своего исчерпывающего рассмотрения». Автор книги имеет в виду стремление критиков показать «сложную и многоплановую связь литературы „Молодой Польши“ с ее общественной основой». Из писателей этого периода в центре внимания польской критики в СССР оказалась творчество С. Жеромского, наиболее интересной интерпретацией которого, по мнению

¹ M. Stępień. Zagadnienia literackie w publicystyce polonij radzieckiej. 1918—1939. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, 190 s.

Стемпень, были работы Г. Каменского.

Среди своих современников польские критики в СССР большое внимание уделяли творчеству Ю. Кадена-Бандровского (стр. 87—95). Предметом резкой критики Б. Ясенского, С. Р. Станде, Я. Гемпеля и др. стали романы писателя «Генерал Барч», «Черные крылья», «Матеуш Бигда». Г. Джевецкий квалифицировал последний из них как враждебный пролетариату, как «первый серьезный фашистский роман в Польше»².

Лишь немногие из произведений писателей демократического лагеря имели признание польских марксистских критиков в СССР, но и те не получили глубокого анализа и оценки. В их числе сборник «Люди оттуда» М. Домбровской, повести «Грипп свирепствует в Направе» Я. Курека, «Соль земли» Ю. Витглина. Что касается произведений Налковской, Зегалдовича, А. Рудницкого, Униловского, Гоявичинской, Кунцевичовой, Хороманского, Шульца — то оценка их в большинстве своем отличалась крайними упрощениями, а нередко и искажениями творческого облика писателя. Чаще всего применительно к их творчеству и совершенно необоснованно, пишет Стемпень, польские критики в СССР писали о проявлении «кризиса», «пустоты», «разложения» польской литературы.

Возможных союзников в своей общественно-литературной борьбе названные польские критики видели в писателях, обращавшихся в своем творчестве к жизни широких народных масс, мелкой буржуазии, беднейших слоев интеллигенции и крестьянства. Среди работ о писателях — «союзниках» автор книги наиболее детально рассматривает работы, посвященные творчеству Л. Кручковского. Интересны наблюдения Стемпеня об отношении к творчеству этого писателя Гемпеля, Людкевича, Будзыньского и других. Они квалифицировали его «Кордана и хама» как «первый польский революционный роман». В свете оценок, даваемых польскими критиками в СССР литературным произведениям, это не означало высшей похвалы, каковой было бы признание произведения «пролетарским».

В работе о поэзии польских критиков в СССР Стемпень отмечает происходившее в начале 20-х годов «перемещение внимания с художественной плоскости в идеологическую» (стр. 132). Одной из наиболее острых проблем польской критики в СССР, в том числе в области поэзии, на рубеже второго и третьего десятилетия оказалась проблема создания польской пролетарской литературы в ус-

ловиях эмиграции, отрыва от национальной культуры. Сомнение относительно такой возможности высказывали Б. Ясенский, Т. Домбаль, В. Вандурский (стр. 141), в то время как другая группа критиков (в том числе Я. Нейман, Г. Политур) считала возможным создание пролетарской культуры исключительно в условиях освобождения от капитализма, то есть применительно к тогдашней ситуации — польская пролетарская литература могла развиваться только в Советском Союзе. Эта позиция восторжествовала после съезда польских пролетарских писателей в Минске в августе 1931 г.

В особой главе Стемпень рассматривает отношение критики к творчеству Б. Ясенского и взгляды самого писателя (в советский период творчества) на пролетарское искусство. Автор книги пишет о сложном и обособленном положении Б. Ясенского в среде польских эмигрантов, вызванном прежде всего отличием литературно-критических взглядов поэта от воззрений многих других польских литературных деятелей в СССР. Один из немногих, кому был близок поиск авангардистов в искусстве, смелый экспериментатор, последовательный противник натуралистического кощирования действительности — таким представлен Б. Ясенский в книге Стемпеня.

К наиболее слабым моментам польской критики в СССР Стемпень относит проблемы методологии. В методологических дискуссиях того времени, пишет он, преобладали политические и идейные споры. Польские критики-коммунисты, по мнению Стемпеня, не учитывали в литературно-критической деятельности труды своих предшественников — польских критиков — радикальных демократов и марксистов XIX в., за исключением работ Р. Люксембург. Однако и в отношении к ним преобладали, особенно в 30-е годы, ограниченность и социологичность (например, в работах С. Р. Станде).

Интересен содержащийся в книге материал о связях польских литераторов с советской литературной жизнью тех лет. Автор пишет о воздействии советской литературы на польскую революционную литературу на разных этапах ее развития, о значении творчества В. Маяковского, — приводя, в частности, малоизвестные материалы об отношении к нему С. Р. Станде. Наряду с этим он прослеживает отрицательное воздействие на развитие польской литературы — пролеткультовских, затем раповских теорий.

Один важный, на мой взгляд, момент оказался в книге опущенным. Речь идет об участии польских коммунистов в деятельности Международной организации революционных писателей (МОРИП) и значении этого для формирования их литературно-критических взглядов. Известно, что и Ясенский, и Людкевич, и Вандурский, и Станде, и Гемпель входили на

² Подобным образом оценивали творчество Кадена-Бандровского левые критики в самой Польше. Так, А. Полевка видел в романе исключительно «паксвилль на все организации пролетариата» (стр. 94).

разных этапах деятельности в руководящие инстанции этой организации, известно, что Ясенский занимался вопросами французской, Людкевич — немецкой литературы, Гемпель и Джевецкий сотрудничали в Издательстве иностранных рабочих в Москве и т. д. Своей деятельностью в международных творческих объединениях и редколлегиях литературных органов МБРЛ и МОРП польские литераторы участвовали в укреплении международных связей революционных литераторов разных стран, в укреплении идеи и духа интернационализма в своей родной литературе.

Достижения польских литераторов в СССР, как и их ошибки и заблуждения, могут быть всесторонне объяснены и оценены только с учетом связей с отечественными литературно-критическими традициями, с советским литературным процессом и с литературно-художественными тенденциями мировой революционной литературы тех лет.

Эти вопросы еще ждут своего полного разрешения. И книга М. Стемпея — первая работа о литературно-критических взглядах польских литераторов в СССР — важный этап на пути к этому.

Т. Агапкина

НЕМЕЦКИЕ СЛАВИСТЫ ОБ ЭПОХЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Труды славистов ГДР давно привлекают внимание советских исследователей и получают достойную оценку в нашей периодической печати. Ученые ГДР достигли значительных успехов в разработке как методологических проблем, так и фактического материала. На высоком научном уровне выполнены, в частности, многие работы наших коллег по изучению общественно-политической мысли, культуры, литературы XVIII в.

Недавно вышел второй том «Исследований по истории русской литературы XVIII в.»¹ (первый том был издан в 1963 г.²), свидетельствующий об устойчивости научных интересов славистов ГДР и о заметном возрастании теоретико-методологического уровня славистики вообще. В сборнике представлены труды специалистов разных профилей, что отвечает принципиальной установке на комплексное рассмотрение проблем Просвещения — с философской, исторической, филологической точек зрения. Он открывается статьей Х. Грасхофа «Состояние и задачи изучения немецко-русских литературных связей в эпоху Просвещения». Отмечая особые заслуги академиков В. Крауса и Э. Винтера в организации комплексных исследований и связывая последующее нарастание интереса к проблемам Просвещения с IV Международным конгрессом славистов, автор характеризует основную тенденцию

развития славистики в ГДР — переход от изучения творчества отдельных писателей и произведений, от выявления и накопления фактов к широкому историко-теоретическим обобщениям, к постановке центральных методологических вопросов. Этому «возмужанию», своими успехами она во многом обязана, замечает Х. Грасхоф, советским ученым, что ничуть не умаляет, однако, достижений немецких славистов.

В лаконичной, строго аргументированной статье Э. Винтера «О духовном облике Феофана Прокоповича» делается удачная попытка связать просветительские стремления сподвижника Петра с его пребыванием в Риме, где он прослушал курс лекций И. Б. Птолмая по философии и теологии, имел возможность заниматься классической физикой, математикой, астрономией, ознакомиться с учением Лютера. Отсюда — происшел славистский рационализм его мышления. Сочетание в Феофане пристрастия к иронии и сатире, направляемых против религиозного обскурантизма, с верой в Библию и панегириками в адрес властителей может получить, по убеждению Э. Винтера, исчерпывающее объяснение лишь при условии глубокого изучения истории русской православной церкви. Этот, на первый взгляд, неожиданный аспект таит, надо полагать, убедительные ответы на вопрос о степени и характере воздействия теистического учения на воззрения не только Прокоповича.

В статье О. Фингера внимание акцентируется на некоторых положениях философии Просвещения — человек как «продукт обстоятельств» и как предмет философии, отрицание божественной субстанции и др. Общие заключения статьи «Просвещение и генезис научного мировоззрения» иллюстрируются рассмотрением одного из моментов «перерастания» просветительской философии в материалистическую философию.

¹ «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts». Bd. II. Herausgegeben von H. Grasshof und U. Lehman. Akademie — Verlag, Berlin, 1968, 492 s.

² «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts». Herausgegeben von H. N. Bielfeldt (Redaktion H. Grasshof, U. Lehman). Akademie — Verlag, Berlin, 1963, 188 s.

листическую — на примере П. Бейля и Л. Фейербаха. О. Фингер видит в Пьере Бейле, подорвавшим, по словам Маркса, оружием скептицизма доверие ко всякой метафизике вообще, духовного предшественника, учителя и единомышленника автора «Сущности христианства».

Помещенная в сборнике статья советского исследователя А. Позднеева отчасти реализует давно уже назревшую и требующую вдумчивого рассмотрения проблему изображения крестьянства в литературе XVIII в. Автор впервые дает обзор произведений (начиная с «Повести временных лет»), так или иначе затрагивающих эту тему. Другой советский исследователь А. Гольдберг изучает частный, но весьма интересный эпизод из истории публицистики XVIII в. — полемику Ю. Крижанича с А. Олеарием. Автор легко убеждает нас там, где он, ссылаясь на высказывание того и другого, говорит, что гневное и безоговорочное неприятие отрицательных характеристик, которые Олеарий давал русскому народу в России, было вызвано стремлением Крижанича защитить русскую православную веру, русский народ, Русь, ибо в них он хотел видеть оплот и центр славянского мира. Однако представляется совершенно не вытекающим из проведенных сопоставлений вывод о том, что Крижанич и Олеарий не только не противоречили, а и (будто бы) дополняли друг друга. Позиция Олеария определялась националистически филлистерским равнодушием к судьбам России, презрением к русскому народу — в противоположность его противнику, движимому надеждой и верой в них.

Особой группой выделяются статьи о путях распространения знаний русского языка и литературы в Германии. Предположения и догадки о существовании «передаточных звеньев» между двумя странами, которыми до недавнего времени приходилось оперировать, подкрепляются документально. Заметим, что пока этим вопросом больше занимаются немецкие слависты. В. Берххаген, например, устанавливает, что составителем предназначенных для немецкого читателя «Домашних разговоров» (1778), включивших отрывки из сочинений П. И. Рычкова, русские послы и поговорки, был секретарь рижского магистрата Я. Родде. С его именем связано и другое произведение — анонимная русская драма «Благодеяния приобретают сердца». К. Гюнтер проводит детальнейший сопоставительный анализ русского, немецкого и французского вариантов драмы и приходит к выводу о совершенно свободной и оригинальной переработке ее неизвестным русским автором. Драма была, заключает автор статьи, «одним из ранних произведений русского дворянского сентиментализма», «литературным откликом на события русско-турецкой войны 1768—

1774 гг.», а ее постановка 6 октября 1773 г. на сцене школьного театра в гимназии г. Гильдесгейма — первым представлением русской драмы в Германии.

Г. Грау и П. Гофман освещают деятельность лейпцигских книгопродавцев по распространению русских публикаций в Германии, их связи с Петербургской Академией наук. Привлеченные архивные материалы свидетельствуют о большом интересе западноевропейской общественности к издававшимся в России книгам, побуждавшим книгопродавцев иной раз обходить цензурные запреты, инспирированные русским правительством и исходившие от саксонского курфюрста.

В статье А. Лауха охарактеризована деятельность известного немецкого просветителя, знатока русской литературы и языка И. Г. Ридигера, выступившего еще тогда, почти двести лет назад, против профессоров Геттингенского университета Г. Мейнера и Л. Ситтлера, которые развивали идеи превосходства немецкого народа, его культуры, языка над языком, культурой других народов. Считая русский язык одним из «самых распространенных», «образно утонченных языков мира», Ридигер, называя имена Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других деятелей русской культуры и литературы, восклицал: «Разве не настало время изучать язык, на котором написано так много полезного и прекрасного».

У. Леман в статье «Басни Хемницера и Геллерта» уточняет существовавшие до сих пор слишком общее представление о характере заимствований в баснях Хемницера, выделяя в них три группы разных степеней «рецепции»: собственно заимствованные, басни-парафразы и «свободные переводы». Заключения автора статьи совпадают с выводами советского исследователя Н. Л. Степанова, подчеркивающего, что Хемницер выступал не как переводчик немецкого баснописца, а как «самостоятельный интерпретатор его сюжетных мотивов», часто преодолевая абстрактный дидактизм своего предшественника и заостряя социальную направленность басен. Несколько странное кажется в связи с этим, утверждение У. Лемана, будто бы в новейших исследованиях вопрос о творческих связях Хемницера с Геллертом совсем не затрагивается.

Ю. Доланский в статье «Карамзин и Зонненфельс» связывает «Бедную Лизу» с повестью австрийского писателя «Ларисса», изданной впервые в 1766 г. в Вене. Отсутствие каких-либо свидетельств о знакомстве русского писателя с этой повестью побуждает исследователя искать в содержании обоих произведений сходные моменты. Они находятся, в частности, в настойчивой декларации писателями правдивости повествования. Само название повести «Бедная Лиза» остро-

умно (но не убедительно) связывается с именем героини рассказа Зонненфельса — Беллизой (первый слог «Бе» якобы подсказал Карамзину первое слово названия повести — «Бедная»). Аналогично точки соприкосновения устанавливаются между «Натальей, боярской дочерью» и «Лариссой», статьями «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзина и «О любви к отечеству» Зонненфельса. Игнорировать эту переключку и отрицать выдвигаемое предположение о знакомстве Карамзина с творчеством австрийского писателя нет оснований. Однако нельзя все же не видеть главного, того, что «Бедная Лиза» в ее идейно-художественной сущности органична для Карамзина, «вписывается» не случайным моментом в его эволюции к сентиментализму, а знаменует высшую точку развития творческой индивидуальности писателя. Понятие же «заимствование», которым оперирует исследователь, почти отождествляется с подражанием и ставит под сомнение самостоятельность Карамзина.

Особо следует сказать о монографических исследованиях Г. Мюльпфурдта и Г. Шнейдера. Работа Мюльпфурдта «Ломоносов и среднегерманское Просвещение» — первая, во многом удавшаяся попытка восстановить и представить в цельной картине ту атмосферу научной и литературно-критической мысли, в которой проходило становление русского энциклопедиста. Особую роль в этом сыграли, как показывает автор, Галльский и Лейпцигский университеты, первый из которых славился высоким уровнем точных наук, а второй — «блистал наукой о прекрасном» (стр. 154). Галльскому «триумvirату» (Х. Вольф, Г. Шталь, Ф. Гофман), которому Ломоносов был обязан своими познаниями в области математики, физики, химии, медицины, соответствовала лейпцигская «троица» (И. Готшед, И. Гюнтер, Ф. Геллерт), давшая русскому студенту филологическую «закваску». Исследователь подробнейшим образом перечисляет и характеризует труды немецких просветителей, выводя из забвения десятки имен и названий работ, так или иначе связанных с рассматриваемой проблемой. Основной вывод о сильнейшем воздействии на формирование мировоззрения Ломоносова именно среднегерманского Просвещения базируется на объективном изучении и сопоставлении материалов по истории развития просветительской мысли многих университетов Германии — Иены, Виттенберга, Эрфурта, Дрездена, Геттингена. Скрупулезный статистический анализ состава библиотеки Ломоносова подтверждает этот вывод. В целом работа Г. Мюльпфурдта является ценным вкладом в изучение истории немецкого Просвещения вообще и незаменимым источником для освещения марбургско-фрейбургского периода обучения Ломоносова

в частности. Она привлекает не только фундаментальностью и полнотой проведенного обзора источников XVIII в., но и стремлением пересмотреть некоторые традиционные представления. Автор поднимает, например, вопрос об отношении Ломоносова к теории флогистона, считая убеждение о неприятии ее русским ученым заблуждением. Он полагает, что в свое время Б. Н. Меншуткин ошибочно отождествил эту теорию (ее автором был, как известно, Г. Шталь) с теорией «горючей материи» Бейля, которую Ломоносов, действительно, критиковал.

Однако в некоторых моментах, составляющих концептуальную основу исследования, позиция Г. Мюльпфурдта не очень отчетлива. Это касается, прежде всего, трактовки содержания самого понятия среднегерманского Просвещения и собственно ломоносовского к нему отношения. Явление это, столь сложное и противоречивое, предстает порой в освещении автора статьи в некоем недифференцированном единстве, якобы одинаково приемлемом во всех его проявлениях для Ломоносова. В общем ряду оказываются «выстроенными» и те, к кому русский ученый питал до конца дней самые глубокие чувства уважения, и те, на кого эти чувства никогда не обращались. Своеобразную психологическую «амнистию» получают даже явные противники Ломоносова. Невнятно говорится о Шумахере, Тауберте, тогда как ломоносовский взгляд на них предельно ясен. Миллер оказывается просто «соперником» в борьбе за руководство в академии, а научные столкновения его с Ломоносовым — якобы лишь следствие соперничества (стр. 156). Между тем, очевидна обратная логическая зависимость. Борьба Ломоносова со Шлецером расценивается «как драматическое столкновение двух гениев холерического темперамента» (стр. 170) — и только. Все это как-то смещает общую картину, выдвигает на первый план несущественные детали.

Вряд ли может быть принята и та категоричность, с какой Г. Мюльпфурдт зачисляет некоторых деятелей немецкого Просвещения в духовные учителя Ломоносова только на том основании, что они были учителями его непосредственных наставников. Если к некоторым существенным положениям учения своих наставников (Вольфа, к примеру) Ломоносов относился критически (свидетельство тому — письмо Л. Эйлеру в феврале 1754 г.), то еще менее приемлемыми могли быть для него эти положения в их «гене-зисном» виде.

Автор статьи нередко чересчур прямолинейно устанавливает те или иные параллели к открытиям Ломоносова в работах немецких ученых. Не говоря уже о филологических трудах Ломоносова и его одах, которые ставятся в прямую

зависимость от Готшеда и Гюнтера, даже работа «О сохранении и размножении русского народа» рассматривается лишь как следствие изучения сочинения Зюсмилха «Соотношение человеческих поколений», причем в подтверждение предположения о знакомстве Ломоносова с ним приводится то, что ему было предпослано предисловие Вольфа. Отсутствии ссылок на работы, приводимые в параллель к трудам Ломоносова, автор статьи объясняет тем, что русский ученый «в последние годы был экономен в цитатах и справках» (стр. 193).

Признавая факт огромного воздействия среднегерманского Просвещения на мировоззрение Ломоносова, соглашаясь с тем, что оно было «посредником» между ним и, в частности, французским Просвещением (чем, может быть, и объясняется отрицательное отношение Ломоносова к Вольтеру), мы вправе ожидать дальнейших уточнений о соотношении собственно русского ломоносовского национально-самобытного начала и стимулировавшего его развитие западноевропейского опыта.

Деятельность выдающихся немецких просветителей-естествоиспытателей И. Р. и Г. А. Форстеров (в особенности последнего) является темой монографического исследования Г. Шнейдера. Вводя в научный оборот массу нового материала, автор открывает целую область интересов Г. Форстера, связанных с Россией, полнее и глубже раскрывает его эволюцию под воздействием контактов с русской действительностью. Особенно интересны и совершенно свежи по сообщаемым фактам те разделы исследования Г. Шнейдера, в которых речь идет об отношении Г. Форстера к русской монархии. Он долгое время разделял апологетическое чув-

ство своего отца, видя в Екатерине II «просвещенного монарха». Лишь ко времени французской революции оно сменяется трезвой прозорливой оценкой ее правления. В «Воспоминаниях 1790 года» он проникательно замечает, что за театральными декорациями, установленными на пути следования Екатерины на юг в 1787 г., скрывались убогие хижины с бедствующим в них народом. Получив в 1788 г. приглашение на службу в кадетский корпус, Г. Форстер отвечает отказом, мотивируя его тем, что «в Петербурге не преуспевает тот, кто не может интриговать и строить козни». К этому времени Форстер становится одним из немногих немцев, кто понял истинную коварную сущность внутренней и внешней политики Екатерины. К 1793 г. относятся его записи об огромном честолюбии «великой» императрицы, о том, что она руководствуется «фальшивым принципом, будто бы людей можно привести к счастью в окопах», о том, что «из северного угла» русская монархия «раздувает пламя несчастья на всю Европу».

Не случаен живой интерес к Форстеру Герцена, Чернышевского, видевших в нем «гениального человека», «прямого продолжателя Лессинга», угадывавших в нем «удивительно полную, реальную, ясно и глубоко выдающую натуру». Г. Шнейдер не упоминает этих высказываний, но его работа являет собой образец их документального подтверждения.

В целом вышедший сборник демонстрирует плодотворность конкретно-исторического рассмотрения сложных проблем интернациональных культурных связей эпохи Просвещения.

А. Татаринцев

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД «ДИАЛЕКТИКИ» ИОАННА ДАМАСКИНА В ИЗДАНИИ НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО

Недавно в Висбадене (ФРГ) вышла в свет книга Е. Вайера «Диалектика Иоанна Дамаскина в церковно-славянском переводе»¹. Эта книга содержит первое научное комментированное издание южнославянского перевода одного из выдающихся памятников философской мысли средневековья — «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Последняя была написана по-гречески в первой половине VIII в. в монастыре св. Саввы, близ Иерусалима, для епископа Майумского Космы. В послании к последнему Иоанн прямо заявляет, что его философская книга представляет собой собрание мнений языческих мудрецов, из которых он заимствует, подобно Григорию Богослову, только то, что не противоречит истине, иными словами Священному писанию. «Диалектика» Иоанна Дамаскина представляет собою известный шаг вперед в развитии философского познания и в научной систематизации. Иоанн Дамаскин подразделяет философию на две части: 1) теоретическую — науку о теологии, природе и математике, 2) практическую — науку об этике, доместроительстве, политике. Много места в книге уделяется установлению логических приемов познания и их применению. Находясь под сильным влиянием Аристотеля и Порфирия, Иоанн Дамаскин на страницах своего труда много рассуждает о разуме, о его высоте и о неограниченных возможностях в познании «вещей божественных и человеческих», видимых и невидимых, в приближении человека к богу.

В восточно-христианском мире «Диалектика» Иоанна Дамаскина была непрерываемым авторитетным трудом и учебным пособием для образованнейших людей своего времени.

«Диалектика» составляла первую часть трехчастного сочинения Иоанна Дамаскина «Источник знания» («Πηγή γνώσεως»), две другие части которого — «О ересьях» и «Точное изложение православной веры». Последняя часть (вернее 48 ее глав из 100) была переведена на старославянский язык около 893 г. Иоанном Экзархом. Это сочинение было широко распространено в славянских рукописях под названием «Книги Богословия», «Слово о правой вере», «Небеса» или «Уверие»².

¹ E. W e i h e r. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969. XLVIII, 312 S., 12 Tafeln. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, T. VIII.)

² Издание см.: О. М. Б о д я н с к и й. Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского. По харатейному списку Московской Си-

Это был важнейший и авторитетнейший труд в области православной догматики.

К. Ф. Калайдович считал, что и первая часть «Источника знания» — «Диалектика» также переведена Иоанном Экзархом³. Однако А. В. Горский и К. Н. Невоструев подвергли эту гипотезу критике и высказали весьма вероятное суждение о том, что язык перевода «Диалектики» не имеет ничего общего с языком перевода «Книг богословия» и «Шестоднева»⁴. С тех пор большинство исследователей соглашаются с тем, что автор перевода «Диалектики» не имеет ничего общего с Иоанном Экзархом и что во времена царя Симеона перевода полного текста «Диалектики» еще не существовало: отдельные главы из нее в другом переводе появились еще в IX в. в Изборнике царя Симеона.

В Белградском Музее православной церкви сохранилась сербская рукопись бывш. Крушедолского монастыря, конца XIV в., содержащая полный дословный южнославянский перевод греческого текста «Диалектики» Иоанна Дамаскина⁵. К какому времени относится этот перевод? В каком уголке обширного славянского мира и кем он был сделан? Ответы на эти вопросы может дать только полное изучение истории текста и литературной судьбы «Диалектики» по всем сохранившимся до наших дней рукописям, которых насчитывается многие десятки.

Обратимся теперь непосредственно к содержанию рецензируемой книги. Во «Введении» (стр. XIII—XLVIII) дается основной комментарий. Е. Вайер удачно использует новейшую научную литературу об Иоанне Дамаскине (труды Б. Коттера, Г. Рихтера⁶). Особенно подробно

нодальной библиотеки буква в букву и слово в слово. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1877, кн. 4; L. S a d n i k. Des hl. Johannes von Damaskus 'Ευθεσις ἀκριβῆς τῆς ἱεροδόξου πίσσεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1967.

³ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824, стр. 74 и сл.

⁴ А. В. Г о р с к и й, К. Н. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2, М., 1859, стр. 313 и сл. Ср.: Е. Г е о р г и е в. Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962, стр. 268—269.

⁵ Церковный музей Сербской патриархии (Белград), собрание рукописей, № 176.

⁶ В. K o t t e r. Die Überlieferung der Pege Gnoeseos des hl. Johannes von Damaskos. Ettal, 1959; G. R i c h t e r. Die

говорится о рукописи Крушедолского монастыря: дается ее палеографическое описание (впрочем вне четкой и строгой системы), обращается внимание на характер начертаний отдельных букв. Крушедолская рукопись далее фигурирует в книге под условным обозначением А. Затем дается археографический обзор других пяти рукописей, содержащих «Диалектику» или ее фрагменты. — Софийской Народной библиотеки, № 311/182, XVI в. (В), Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, из собр. князя П. П. Вяземского, XVII—XVIII в. (С), Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ), из собр. Синодального, № 442/156, XVI в. (D), Пражского Национального музея, № IX G 2 (S.28), XVII в. (E; фрагмент), ГИМ, из собр. Епархиального (бывш. Волоколамского монастыря, № 82) 1522 г. (F) ⁷. Удачная сторона обзоров — характеристика языка используемых списков. Далее (стр. XXIII—XXV) упоминается еще целый ряд списков, ныне хранящихся в Центральной Научной библиотеке АН УССР в Киеве, в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, в Государственном Историческом музее, в Софийской Народной библиотеке, в Хиландарском монастыре на Афоне.

Читатели теперь вправе ожидать, что, собрав славянские списки «Диалектики», немецкий исследователь примется за постепенное их изучение, чтобы прийти к построению подлинно научной истории текста памятника. Однако вместо этого автор рецензируемой книги ограничивается скромной задачей собрать лишь предварительный материал для будущих текстологов (стр. XXVI). Вместо текстологического исследования предлагаются ценные, но не суммированные наблюдения над эволюцией чтений в нескольких списках (стр. XXVI—XXXI), беглые наблюдения над стилем перевода (стр. XXXI—XXXVIII), краткий анализ трех отрывков из «Диалектики» в сборнике XIV—XV в. Белградской Народной библиотеки, № 29 (стр. XXXVIII—XLI). Издать старший Крушедолский список южнославянского перевода «Диалектики», который à priori объявляется наиболее близким к несохранившемуся оригиналу перевода текстом, — вот та главная цель, которую поставил перед собой немецкий исследователь. И он осуществляет эту цель, предварив издание рядом необходимых пояснений (стр. XLI—XLIV), указателями глав славянского и греческого текстов и библейских цитат (стр. XLV—XLVIII).

Dialektik des Johannes von Damaskos. Ettal, 1964.

⁷ В конце книги даны 12 таблиц-фото-снимков с образцами почерков некоторых из перечисленных рукописей.

В разделе «Текстовая часть» (стр. 1—247) приводится текст южнославянского перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина: на четных страницах — текст основного Крушедолского списка и текст перевода «Диалектики» на немецкий язык, на нечетных страницах — греческий текст «Диалектики» (по Миню) и варианты к славянскому тексту по рукописям А, В, С, D, E, F. Более логичным выглядело бы помещение разночтений на четных страницах непосредственно под славянским текстом основного списка.

Принципы передачи славянского текста вряд ли могут вызывать возражение: все особенности рукописи (за исключением надстрочных знаков) переданы точно, титла сохранены, знаки пунктуации составлены современные. Каждая строка и абзац текста имеют цифровые и буквенные обозначения, что позволяет легко отыскать нужную фразу или слово. Ориентироваться в издаваемых славянском и греческом текстах помогают подробные славяно-греческий и греко-славянский указатели (стр. 258—312).

Варианты к основному тексту приводятся по 6 рукописям, причем в подстрочных примечаниях содержится ценный филологический комментарий каждого любопытного разночтения и даются греческие параллели к отдельным словосочетаниям и словам, помогающим понять смысл работы славянских переписчиков. Все эти ценнейшие наблюдения, к сожалению, никак не суммируются, не обобщаются, не используются для построения стеммы и новых выводов.

Несколько неожиданным выглядит раздел «Добавление» (стр. 248—257), из которого читатель узнает еще о трех списках «Диалектики» из Великих миней — Четых митрополита Макария, середины XVI в. Вспоминная, что в 1901 г. текст «Диалектики» был издан по этим спискам⁸, Е. Вайер находит нужным подробно проанализировать разночтения минейных списков, слив их с другими известными ему списками. Этот материал сам по себе ценен. Но самый главный вопрос, какое место в истории текста славянского перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина занимают минейные списки, оставлен без ответа.

Вместо полного и систематического изложения истории текста «Диалектики» на славянской почве Е. Вайер, опираясь на греческий оригинал, пытается сразу же приступить к восстановлению первоначальных чтений славянского перевода при поддержке чтений нескольких случайных списков.

Итак, большинство недоуменных вопросов объясняется тем, что автор рецен-

⁸ Великие Миней-Четья, декабрь, дни 1—5. М., 1901 (Памятники славяно-русской письменности, изд. Археографической комиссии, I, вып. 10.)

зируемой книги, подняв огромный и интереснейший материал, не дал строго текстологического анализа.

Несмотря на высказанные здесь критические замечания, мы полагаем, что выполненный на высоком филологическом уровне большой труд немецкого исследователя не является бесполезным: он доставит материал будущим иссле-

дователям «Диалектики», которые пожелают заняться изучением истории текста этого памятника и на ее основе решить кардинальнейшие вопросы, связанные с определением времени и места перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина.

Ю. К. Бегунов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1970 Г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Александров В. Надежный страж мира и социализма (К 15-летию заключения Варшавского договора). «Новое время», 1970, № 20.

Андреев Г. Крестьянской партии Болгарии — 70 лет. «Земледелие», 1970, № 5.

Андреев Н. С. Некоторые вопросы теории стоимости К. Маркса и действие закона стоимости при социализме. Уч. зап. кафедр полит. эконом. высш. парт. школ. 1970, вып. 9.

Антонов Н. А. Общее и особенное в классической структуре стран социалистической системы. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1970, № 3.

Арустамян М. А. Ленинские идеи сотрудничества социалистических стран. Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки, 1970, № 1.

Багрий П. В. И. Ленин и экономическое сотрудничество социалистических стран. Экономика Сов. Украины. 1970, № 4.

Билак В. Чехословацко-советские отношения — основа развития чехословацкой государственности. «Коммунист», 1970, № 7.

Бондаренко В. Г. Развитие машиностроения — передумова социалистичного будівництва в сільському господарстві країн РЕВ. Питання політ. економії. 1970, вип. 64.

Броневич В. Цивільно-процессуальний кодекс ПНР (його система, основні принципи й інститути). Рад. право, 1970, № 5.

В интересах социализма и мира. Визит М. Рибичича. «Правда», 1970, 24, 25 июня.

В исполнительном Комитете Совета. (О работе Исполкома СЭВ в Москве 24—27 февраля 1970 г.) Бюл. эконом. информации (СЭВ), 1970, № 2.

Варголик Ю. Завещано сорок пятым... (О значении 25-й годовщины освобождения Чехословакии). «Молодой коммунист», 1970, № 5.

Василенко В. Д. Прибыль как экономическая категория социализма. Уч. зап. Перм. ун-та, 1970, № 231.

Васильев Н. Симпозиум по актуальной проблеме (повышения экономической эффективности общественного производства в социалистических странах. М., декабрь, 1969 г.) «Вопросы экономики», 1970, № 4.

Вахрамеев А. Актуальные проблемы развития мировой системы социализма. Междунар. жизнь, 1970, № 8.

Волкова Л. Юбилей педагога-ленинца (80-летие Т. Павлова). Сов. педагогика, 1970, № 4.

Воловчик А. Новые принципы финансирования капиталовложений в ПНР. Эконом. реформы в соц. странах Европы. 1970, вып. 9.

Воронков В. Д. Изучение проблем организации труда в странах СЭВ, Труд и зар. плата, 1970, № 2.

Гаврилина Э. Т. Обзор криминалистической литературы зарубежных европейских социалистических стран по методике расследования преступлений против социалистической собственности. Вопросы борьбы с преступностью. 1970, № 12.

Гаврилов В., Соколов А. Претворение идей В. И. Ленина в экономическом сотрудничестве социалистических стран. Научн. докл. высш. школы. Эконом. науки. 1970, № 4.

Ганичев И. Великая дружба. Ленинские принципы пролетарского интернационализма в действии. (О сотрудничестве социалистических стран в области капитального строительства.) Эконом. стр-ва, 1970, № 4.

Гарбузов В. Международный инвестиционный банк социалистических стран. «Правда», 1970, 11 июля.

Глазко С. Г. Выполняем интернациональный долг (О технической помощи Министерства транспортного строитель-

ства СССР братским странам). Трансп. стр-во, 1970, № 4.

Гнатов В. Совершенствование системы финансирования капитальных вложений в ПНР. Финансы СССР, 1970, № 6.

Гусак Г. Гарантия социалистического развития (Изложение выступления на празднике дружбы в Девине 7 июля) «Правда», 1970, 8 июля.

Гусак Г. Курс на укрепление социализма (Изложение доклада на пленуме ЦК КПЧ). «Правда», 1970, 28 июня.

Гусак Г. Ленинизм и коммунистическое движение в Чехословакии. Проблемы мира и соц-ма, Прага, 1970, № 5.

Густолес И. Дружба, сотрудничество, взаимопомощь (в экономическом и научно-техническом сотрудничестве ЧССР с Советским Союзом). Эконом. газ., 1970, № 19.

Гуськов А. Знаменательный юбилей чехословацкого народа. (К 25-летию освобождения страны). Полит. самообразование, 1970, № 5.

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о прохождении границы континентального шельфа в Гданьском заливе и юго-восточной части Балтийского моря. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, 27 мая, № 21.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой (Текст Договора от 6 мая 1970 г.). «Новое время», 1970, № 20.

Доронченков А. Единство национального и интернационального в мировой социалистической системе. «Под знаменем ленинизма», 1970, № 11.

Дудинский И. В. Воплощение идей Октября в мировой системе социализма. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Евстигнеева Ю. Г., Карпенко И. М., Карасев Г. Ф. Воплощение ленинских принципов кооперирования в европейских странах СЭВ. Докл. и сообщения (ВНИИ экономики сел. хоз-ва) 1970, № 52.

Елизаренко С. Опора на актив. (Об идеологической работе в партийных организациях Польши) Парт. жизнь, 1970, № 10.

Зайкерт Х., Браун А. Факторы экономического роста при социализме. «Вопросы экономики», 1970, № 6.

Зайфрид М. Сплоченные пролетарским интернационализмом (О сотрудничестве польских железнодорожников в рамках СЭВ). Ж-д транспорт, 1970, № 4.

Иванов А. Мировая социалистическая система — воплощение великих идей. (О международной конференции «Возрастание роли марксизма в современную эпоху и критика антикоммуниз-

ма». Москва, январь 1970 г.) «Вопросы экономики», 1970, № 5.

Исусов М. Основные черты и особенности социалистической революции в Болгарии. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. 1970.

Йорданов Х. Ленинский юбилей в странах социализма. (Болгария). Вопросы лит-ры, 1970, № 4.

Калантаров В. Сотрудничество таможенных органов социалистических стран. Внеш. торговля. 1970, № 5.

Киселев Л. Н. К вопросу о марксистском понимании структуры интересов в мировой социалистической системе. Труды преподавателей полит. эконом. вузов Поволжья. Волгоград, 1969, вып. 3.

Клоц Е. Социалистические страны на современном этапе. (Развитие кооперации в сельском хозяйстве социалистических стран). Эконом. сельхоз-ва. 1970, № 4.

Ковальчик Л. Чехословакия празднует день освобождения. Парт. жизнь, 1970, № 9.

Коммюнике о XXIV сессии Совета Экономической Взаимопомощи (Варшава, 12—14 марта 1970 г.) Эконом. газ. 1970, № 21.

Коммюнике о пребывании Председателя Верховного кооперативного совета Польской Народной Республики Тадеуша Янчика в Советском Союзе (3—6 марта 1970 г.). Сов. потр. кооперация, 1970, № 5.

Коммюнике совещания министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора. (Будапешт, 21—22 июня 1970 г.). «Правда», 1970, 24 июня.

Корчагин В. Демографические проблемы европейских социалистических стран. «Новое время», 1970, 4 июня, № 23.

Косицкий С. Народная Польша к ленинскому юбилею. «Коммунист Украины», 1970, № 4.

Кузнецов Г. Я. Некоторые вопросы формирования стоимости и цены сельскохозяйственной продукции при социализме. Уч. зап. кафедр полит. эконом. высш. парт. школ, 1970, вып. 9.

Ленгвель Т. Техническая эстетика на службе строительства социализма. (Из опыта социалистических стран). Техн. эстетика, 1970, № 4.

Лесечко М. По пути дальнейшего совершенствования сотрудничества стран — членов СЭВ. «Правда», 30 июня.

Лешек Т. Новая система экономических стимулов. (В свете решений V пленума ЦК ПОРП о повышении эффективности экономики). Эконом. газ. 1970, № 26.

Лонгвиненко В. К., Тараненко О. Ф., Гиравець П. В. Втілення лєнінських ідей соціалістичних перетворень на селі (СССР і другіє соціалістичніє країни) Питання політ. економії, 1970, вип. 64.

Майорош О. На новом этапе. (О деятельности национальных комитетов в ЧССР). «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 5.

Марко Я. 25 лет освобождения и внешняя политика ЧССР. Междунар. жизнь, М., 1970, № 5.

Махненко А. Х. Конституционное закрепление компетенции верховных органов народного представительства социалистических стран. Сов. гос. и право, М., 1970, № 5.

Международный банк экономического сотрудничества. (Деятельность в 1969 г.). Эконом. газ., 1970, № 25.

Меликян О. Возрастание роли ленинизма и критика антикоммунизма в наши дни. (О международной теоретической конференции; Москва, 19—23 января 1970 г.). «Вопросы экономики», 1970, № 4.

Меморандум. (Текст Меморандума, выработанного совещанием министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора по вопросам, связанным с созывом общеевропейского совещания. Будапешт, 21—22 июня 1970 г.). «Правда», 1970, 27 июня.

Миккульский К. Новые горизонты научно-технического прогресса в странах СЭВ. Междунар. жизнь, 1970, № 5.

Михайлова М. Совещание директоров институтов и главных редакторов юридических журналов социалистических стран. (Прага, март 1970 г.). Сов. гос-во и право, 1970, № 6.

Михал В. Методы территориального планирования капитальных вложений в ЧССР. Экономика стр-ва, 1970, № 6.

Можаров Н. Флот социалистической Чехословакии. «Вымпел», 1970, № 7.

На международной научной конференции «Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма». (Москва, 27—30 янв. 1970 г.). (Краткое изложение отдельных выступлений). Бюл. эконом. информации (СЭВ), 1970, № 3.

Неделькович Д. Творческая новизна мысли В. И. Ленина. Научн. докл. выпш. школы. Филос. науки, 1970, № 2.

Никонов А. А. Сельское хозяйство ЧССР и некоторые экономические проблемы его развития Труды Ставроп. НИИСХ, 1970, вып. 9.

Павлов Т. Ленинская диалектика как наиболее общий метод и высшая алгебра социалистической революции. Науч. докл. выпш. школы. Филос. науки, 1970, № 3.

Паестка Ю. Некоторые проблемы экономического развития Народной Польши. «Экономика и жизнь», 1970, № 3.

Павлов В. «Воплощение идей ленинизма во внешнеэкономических отношениях социалистического государства». Юбилейная научная конференция. (Мо-

сква, 17—18 февраля 1970 г.). Внеш. торговля, 1970, № 4.

Патолитчев Н. Экономическое сотрудничество — путь к упрочению мира в Европе. (О сотрудничестве между социалистическими странами на современном этапе). «Правда», 1970, 18 июня.

Петров А. Ленинские идеи планирования и их осуществление в социалистических странах. Научн. докл. выпш. школы. Эконом. науки, 1970, № 4.

Петрова Э. Ф. В. И. Ленин о многообразии путей и форм развития мировой социалистической революции в современную эпоху. Материалы теорет. семинаров и научн. конференций, 1969, вып. 8.

Петухова С. Сотрудничество социалистических стран в области международных услуг. «Вопросы экономики», 1970, № 6.

Под знаменем марксизма-ленинизма. (Развитие социалистической торговли братских стран). Сов. торговля, 1970, № 4.

Поляков Р. И., Саркисян С. С. Всесоюзная юбилейная конференция по экономическим проблемам социализма. (Тема конференции: Предприятие в системе экономических отношений социализма. Ленинград, 12—22 ноября 1969 г.). Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 5. Эконом., философ., право, вып. 1.

Поляков Ю. С. К вопросу о кругообороте средств при социализме. Уч. зап. кафедр полит. эконом. выпш. парт. школ, 1970, вып. 9.

Птасиньский Я. Договор дружбы и братства. (К 25-летию советско-польского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве). «Новое время», 1970, № 16.

Раковский М. Ленин и Польша. (Ленин о Польше и значении ленинских идей для строительства народной Польши). «Новое время», 1970, № 17.

Рихта Р., Зелены И. Ленинское понимание диалектики и современность. Науч. докл. выпш. школы. Филос. науки, 1970, № 3.

Рудневский К. Эргономика и производство. Охрана труда и соц. страхование, 1970, № 6.

Рябушкин Т. Воплощение ленинских идей в развитии мировой социалистической системы. (О социально-экономическом развитии стран — членов СЭВ). Вестн. статистики, 1970, № 4.

Самошенко Ю. М. К вопросу о соотношении и сочетании национальных и интернациональных интересов социалистических стран. Материалы теорет. семинаров и научн. конференций, 1969, вып. 8.

Семин К. Торговля СССР с социалистическими и развивающимися странами. «Вопросы и ответы», 1970, № 6.

Совместное советско-югославское заявление о визите в СССР Председателя СИВ

СФРЮ тов. М. Рибичича. «Правда», 1970, 1 июля.

Сонин М. «Демографический взрыв» или новые закономерности. (Краткое изложение докладов ученых социалистических стран на XVI международном демографическом конгрессе. Лондон, сентябрь 1969 г.) Мировая экон. и междунар. отношения, 1970, № 6.

Терентьев Г. К. Экономические интересы и система социалистических производственных отношений. Уч. зап. Перм. ун-та, 1970, № 231.

Терехов В. Научно-технический прогресс и развитие стран СЭВ. «Новое время», 1970, № 18.

Трофимова И. Нерасторжимый союз. (К заключению советско-чехословацкого Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 мая 1970 г., «Новое время», 1970, № 20.

Троянов В. Промышленная энергетика в Народной республике Болгарии. Пром. энергетика, 1970, № 6.

Труженников Н. Надежный страж мира и социализма (К 15-летию Варшавского Договора). Коммунист Восток. Спл, 1970, № 9.

Факлолас Т. Международное разделение труда в условиях капитализма и социализма. Соц. труд, 1970, № 6.

Цветков А. Механизация учета в болгарских кооперативах. Учет и финансы, 1970, № 5.

Цегельски Л. Достижения и перспективы. (Об успехах механизации сельского хозяйства Польши). Механизация и электрификация соц. сел. хоз-ва, 1970, № 4.

Черковец В. Закон преимущественного роста производства средств производства и политическая экономия социализма. Вестн. моск. ун-та. Эконом., 1970, № 3.

Чесноков Н. Е. По пути экономического сотрудничества и взаимопомощи. (О сотрудничестве социалистических стран в области швейной промышленности). Швейная пром-сть, 1970, № 2.

Чипек К. Финансы и экономические реформы в социалистических странах Европы. Эконом. реформы в соц. странах Европы, 1970, вып. 9.

Чугунов В. Криминологические исследования югославских ученых. Сов. юстиция, 1970, № 10.

Шевелев Ф. Плодотворное сотрудничество (Академии коммунального хозяйства СССР с родственными учреждениями социалистических стран). Жил. и комму. хоз-во, 1970, № 4.

Шептулин А. П., Кузнецов К. Т., Спирина А. Г. Роль Тодора Павлова в пропаганде и разработке проблем марксистско-ленинской философии. Науч. докл. высш. школы. Филос. науки, 1970, № 2.

Ширяев А. Советско-чехословац-

кое экономическое сотрудничество. Внешнеторговля, 1970, № 5.

Шопров В. Преобразующая сила ленинских идей. (Об успехах механизации сельского хозяйства Болгарии). Механизация и электрификация соц. сел. хоз-ва, 1970, № 4.

Юбилейные вести из братских стран (О подготовке к юбилею В. И. Ленина в вузах Болгарии, Польши и Венгрии). Вестн. высш. школы, 1970, № 4.

Язвинский М. Г., Алексеев М. М. За ленинскими заповидами. (О кооперативном движении в европейских социалистических странах). Хлебобороб Украины, 1970, № 4.

Якубовский И. На страже мира и социализма. (К 15-летию Варшавского Договора). Воен. ист. журн., 1970, № 5.

Янчик Т. Ленинские идеи освещают нам путь. (Осуществление ленинских идей о кооперации в ПНР). Сов. потреб. кооперация, 1970, № 4.

Ярошевич П. СЭВ. Семидесятые годы. Сов. Союз, 1970, № 6.

Ярошевский Т. Формирование материалистического мировоззрения у населения в Польской Народной Республике. Вопросы науч. атеизма, 1970, вып. 9.

2. Партийная жизнь.

Давагсурэн Ц., Лаборде Х., Масыгин А. Партия и строительство нового общества. (Обзор дискуссии на международной научной конференции «Растущая роль коммунистических партий в революционном процессе строительства социализма и коммунизма», состоявшейся в Берлине 16—18 июня 1970 г.). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 8.

Коцев В. Борьба с антикоммунизмом — наше общее дело. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 7.

Остойч П. Из опыта Болгарской коммунистической партии в строительстве народно-демократического государства. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Почему Александр Дубчек был исключен из рядов КПЧ? (текст статьи, опубликованной в «Руде Право»). Лит. газ. 1970, 22 июля.

3. Государственное строительство и право.

Баграмов Э. А. Национальный вопрос в идеологической борьбе. В кн.: Оружие борьбы. М., 1970.

Вагина М. М. Разработка болгарскими марксистами учения В. И. Ленина о государстве и революции. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 225, вып. 15.

Ермолин М., Семченко А. Социалистическая собственность и ее буржуазные и ревизионистские трактовки. «Вопросы экономики», 1970, № 8.

Еросинская М. О культуре современного рабочего класса Польши.

В кн. Социальные исследования. Вып. 3. М., 1970.

Зихерл Б. О некоторых особенностях социалистической революции в Югославии. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Недорезов А. И. Чехословакия в годы революции и строительства социализма. (К 25-летию освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков). «Вопросы истории», 1970, № 5.

Раковский С. Н. Некоторые проблемы миграций и формирования населения в зарубежных социалистических странах Европы. В кн.: Междугосударственное совещание по географии населения. 2-е. Москва, 1967. Материалы. 30 янв.—4 февр. 1967. Вып. 2. Симпозиумы четвертый и пятый. М., 1968.

Растущая роль коммунистических партий в революционном процессе строительства социализма и коммунизма. С международ. науч. конференции (Берлин, ГДР). 1970, № 15.

Тихонова В. В. Вопросы избирательного права в конституциях социалистических стран Европы. В кн.: Томский университет им. В. В. Куйбышева. Научная конференция. 1969. Доклады научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. И. Ленина (дек. 1969 г.). Томск, 1970.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аморт Ч. Международные отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию по материалам так называемого Парижского архива (О материалах, содержащихся в архиве Чехословацкого национального совета, основанного в Париже перед первой мировой войной). В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Арэхва М. С. Барацьба КПЗБ за сыцыяльнае і нацыянальнае вызваленне і уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР. В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Баяркатровиц М. Цыгане в современной Югославии. Сов. этнография, 1970, № 3.

Беднаж Б. Поляки в Красной Армии в 1917—1920 гг. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Бортников А. И. Кирилло-мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение (О связях и идеях взаимовлиянии). В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Бутич И. Л. Архівні джерела про Колівищину. В кн.: Колівищина 1768.

Материали ювіл. нау. сесії, присвяч. 200—річчю повстання. Київ, 1970.

Волков А. Г. Основные проблемы истории болгарского возрождения в освещении Д. Благоева. В кн.: Из истории нового и новейшего времени. Вып. 2. Воронеж, 1969.

Генсель В., Дымачевски У. И. А., Гильчерувна С. Результаты польских археологических исследований в городище Стырмен, округ Русе в Болгарии (1962—1968). Сов. археология, 1970, № 3.

Гибянский Л. Я. Потсдам и Югославия. «Новая и новейшая история». 1970, № 4.

Говин С. В. Товарищество белорусской школы и его издательская деятельность (1921—1936 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Гогина К. П. Аграрные отношения в Чешских землях в первой половине XIX в. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Годотик Л. Некоторые проблемы чехословацкой историографии Октябрьской революции. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Гольберг М. Я. Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Грабовецкий В. В. Гайдамацькі рухи і опришківство. В кн.: Колівищина 1768. Материали ювіл. наук. сесії, присвяч. 200—річчю повстання. Київ, 1970.

Гросфельд Л. Позиция центральных держав в польском вопросе после свержения царизма и победы Октябрьской революции. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Дешко И. Ф. Деятельность КПЗБ по интернациональному воспитанию трудящихся (1934—1938 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Домбровский Я. Проблемы восточных связей лужицкой культуры. (О связях с древней Польшей). Сов. археология, 1970, № 3.

Дамьянович П. О некоторых проблемах социалистических революций в России и Югославии. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Дронь П. П., Игнатович Н. Б. Борьба трудящихся Польши в защиту Советской власти в Белоруссии (1919—1920 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Зеленин В. В. Югославия. В кн. Герои сопротивления. М., 1970.

Зелинский Г. Социальное и национальное движение в Верхней Силезии в 1918—1921 гг. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Киршевская А. Н. Болгария. В кн.: Герои сопротивления. М., 1970.

Кобилянський С. Д. Становище селянства Північної Буковини напередодні возволення краю від окупації. Укр. іст. журн., 1970, № 7.

Колева Т. Великая Октябрьская социалистическая революция и большевизация Болгарской коммунистической партии. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Компан О. С. Вплив Коліївщини на антифеодалну боротьбу в Росії Польщі і Білорусії. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук. сесії, присвяч. 200—річчю повстання. Київ, 1970.

Комплектование документальными материалами государственных архивов социалистических стран и работа ведомственных архивов. (В основе статьи — доклад Главного архивного управления СМ СССР на совещании руководителей архивных управлений европейских соц. стран в марте 1970 г. в Потсдаме (Сов. архивы, 1970, № 3).

Конобеев В. Д. К оценке классового содержания идеологии и программы Паисия Хилендарского. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Копылов В. Р. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной Армии (1918—1920 гг.). В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Куян М. В. Діяльність Всеслов'янського Комітету по згуртованню антифашистських сил (1941—1945 рр.). Укр. іст. журн., 1970, № 7.

Ладышев В. Ф. КПЗБ в борьбе за ликвидацию концлагеря Береза Картузская. В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Лещиловская И. И. Национальное движение в Хорватии и Славонии в период подъема революции 1848 г. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Лещиловская И. И. Роль города в формировании хорватской национально-освободительной идеологии в первой половине XIX века. Сов. славяноведение, 1970, № 4.

Лисенко О. С. До 50-річчя розгрому військ буржуазно-поміщицької Польщі на Україні в 1920 р. Укр. іст. журн. 1970, № 6.

Любовцев В. Там, где рождалась народная Польша. (Из истории создания Польского комитета национального ос-

вобождения 1944 г.). «Новое время», 1970, 17 июня.

Макар Ю. І. З історії Варшавсько-го повстання 1944 р. Укр. іст. журн. 1970, № 6.

Максимович Б. Функциональные основы эстетических ценностей народного зодчества в Югославии. В кн.: Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 7-й. Москва. 1964. Тр... (3—10 авг. 1964 г.) Т. 7, М., 1970.

Малиновский Г. Влияние Октябрьской революции на формы борьбы польского рабочего класса в период создания Польской буржуазной республики (1918—1919 гг.). В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М. 1970.

Манусевич А. В революционной школе Великого Октября (Обзор зарубежной историографии по истории интернационального движения за последние годы). В кн. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Манусевич А. Я. Движение Сопротивления. В кн.: Герои сопротивления. М., 1970.

Манусевич А. Я. Польша. В кн. Герои сопротивления. М., 1970.

Мараш И. Я. Из истории издания и распространения трудов В. И. Ленина в Польше и Западной Белоруссии (1919—1939). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Маркіна В. О. Соціально-економічні передумови Коліївщини. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук. сесії, присвяч. 200-річчя повстання. Київ, 1970.

Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М. 1970.

Мерперт Н. Я. Работы болгаро-советской экспедиции. В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970.

Мишкинис П. А. Н. Развитие литовско-польских отношений после II мировой войны. Тр. АН Лит.ССР. Сер. А, Вильнюс, 1970, т. 1.

Мишко Д. І. Боротьба трудящих мас Правобережної України напередодні Коліївщини за своє визволення і возз'єднання з Росією (30—50-ті роки XVIII ст.). В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук. сесії, присвяч. 200-річчю повстання. Київ, 1970.

Молок Ф. А. Чехословакия. В кн.: Герои сопротивления. М., 1970.

Мурашко Г. П. 25 лет освобождения Чехословакии. (Научн. сессия в Москве 6 мая 1970 г.). Вестн. АН СССР, 1970, № 7.

Мыльников А. С. Возникновение раннепросветительских объединений в чешских землях. В кн.: Развитие ка-

питализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Наумов Е. П. К вопросу о роли фонда свободных земель в Сербии (30—50-е годы XIX в.). В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Нестеров Х. Октябрь и подъем революционной борьбы болгарского народа. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Николов Ц. Болгария и республика Советов в 1917—1921 гг. (О деятельности БКП по оказанию помощи Советской республике против белой армии). В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Овчинников А. П. Польский сейм и вопросы внешней политики (1932—1935 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Оруджев Р. В борьбе за новую жизнь. (К 25-летию освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков). «Азербайджан коммунист», 1970.

Панайтов П. Участие болгар в Октябрьской революции и защите Советской власти. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Петрович Н. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Югославского государства. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Попков Б. С. Исахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Попович Н. Коммунисты — югославы в Советской России. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Поплыко Д. Ф. Васо Пелагич в России. (О влиянии прогрессивной общественности России на формирование просветительской идеологии и программы В. Пелагича). В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Ракевич Н. А. Роль нелегальной коммунистической печати Западной Белоруссии в мобилизации трудящихся на борьбу за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР в 1921—1939 гг. В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Ратнер Н. Д. Особенности пангерманизма в Австрии в конце XIX в. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Рехтман М. У боротьбі проти клерикалізму. (О коммунистической и прогрессивной печати Западной Украины в 30-е годы.) «Жовтень», 1970, № 6.

Ружицкий Э. И. Неопубликованный документ XIV века по истории армянской колонии во Львове. Вестн. обществ. наук АН Арм.ССР, 1970, № 2.

Сергієнко Г. Я. Історіографія Коліївщини. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук сесії, присвяч. 200-річчю повстання. Київ, 1970.

Смирнов А. Ф. Традиции совместной русско-белорусско-польской революционно-освободительной борьбы. В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Сорокин А. А. Аграрная политика буржуазно-помещичьей Польши и обезземеливание крестьянства Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Минск, 1970.

Стецюк К. І. Коліївщина — велике народно-визвольне антифеодалне повстання на Україні XVIII ст. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук сесії, присвяч. 200-річчю повстання. Київ, 1970.

Стругар В. Югославские социал-демократические партии и группы о февральской и Октябрьской революциях (1917—1918 гг.). В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Фучик Ю. Под знаменем коммунизма. (Статья, опубликованная в связи со смертью В. И. Ленина.) В кн.: Вечноживой. Образ В. И. Ленина в художественной литературе, 1970.

Хакимова У. Становище трудящих Болгарії та їх боротьба за свої права (1929—1933 рр.) Укр. іст. журн. 1970, № 6.

Храбан Г. Ю. Мемуари як історіографічне джерело вивчення народно-визвольного повстання 1768 р. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук сесії, присвяч. 200-річчю повстання. Київ, 1970.

Цесляк Т. Об отношении поляков к революции 1917 года. В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.

Чуркина И. В. Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

Шоймер Г. Е. Болгарская Рабочая партия во главе вооруженной борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны. (Очерк советской историографии). Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та, 1970, т. 16, вып. 7.

Шульга І. Г. Відгомін Коліївщини в Карпатах. В кн.: Коліївщина 1768. Матеріали ювіл. наук сесії, присвяч. 200-річчю повстання. Київ, 1970.

Якубский В. А. Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии. В кн.: Развитие

капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.

2. Языкознание.

Бернштейн С. Б. Очерки славянской морфологии. (Чередование в парадигме настоящего времени). Вестн. Моск. ун-та. Филол., 1970, № 3.

Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б. Стойко Стойков (1912—1969). В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

Вашек А., Утепены С. Некоторые замечания о методике работы над Общеславянским лингвистическим атласом на территории чешского языка. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1968, М., 1970.

Висоцкий С. О. Стародавня слов'янська азбука в Софії Київській. Вісн. АН УССР, 1970, № 6.

Вялкина Л. В., Коннова В. Ф., Лукина Г. Н. Изучение славянской лексики и «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» (На материале названий руки и ее частей). В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

Габовштык А. Об исследованиях говоривших в методах работы над Общесла-

вянским лингвистическим атласом в Словакии. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1968, М., 1970.

Закревская Я. В. Лингво-географический аспект в изучении отраслевой лексики. (На материале народных названий растений). В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

Карпов В. А. Именные беспредложные словосочетания в болгарском языке. Вестн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія, Журналістыка, 1970, № 2.

Тополинская З. Фонологическое описание говора населенного пункта для Общеславянского лингвистического атласа. (Предложения и проект). В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

Чумакова Ю. П. Глагольные термины, связанные с домашней обработкой волокна, в славянских языках. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

Штольц И. О картографировании явлений в Общеславянском лингвистическом атласе. В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969, М., 1970.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1970, № 3

Д. Косев. Первый конгресс Болгарского исторического общества; А. Кузманова. Румыния и дипломатическая подготовка Балканского пакта (октябрь 1933 — февраль 1934 гг.); К. Кожухаров. О характере и структуре самостоятельного земледельческого управления (1920—1923); А. Стоянова. Из истории деятельности БКП среди крестьян в годы экономического кризиса (1929—1934 гг.); А. К. Мартыненко. Русско-болгарские связи в период разрыва дипломатических отношений (1886—1896 гг.); Г. Пырьев. Польская общественность о болгарях и Апрельском восстании; О. Маждраков. Чавдарова Г. С. Раковский и его газета «Дунавски лебед» о национально-освободительном и революционном движении в Европе (1860—1861 гг.).

«Литературна мисъл», 1970, № 2

Л. Стоянов. Социальная философия Ленина в мировом масштабе; Х. Дудевски. В. И. Ленин и болгарская литература; М. Канадирска. «О нем вечно будут говорить» (Г. Бакалов и Ленин); С. Машинский. Тема «Ленин и Толстой» в освещении советского литературоведения; Л. Амар. Вос-

поминание об Октябре и Ленине; П. Диников. Древнеболгарская литература — наша гордость и забота; Д. Лихчев. Размышления о национальном своеобразии и европейском значении древнеболгарской литературы.

№ 3

И. Конев. Христо Ботев и румынская литературно-общественная мысль 70-х годов прошлого столетия; Б. Делчев. Встречи и беседы с Светославом Минковым; Л. Георгиев. Страшный суд совести; З. Петров. Раннее творчество Ивана Пейчева; А. Славов. Идеиная направленность и композиционная техника в «Я стучусь в дверь» Шопа О'Кейси и «Одиссее» Джеймса Джойса; В. Борщук. Проблемы типологического изучения истории советской и болгарской литературы 20—30-х годов в советском и болгарском литературоведении.

«Език и литература», 1970, № 2

С. Русакиев. Образ Ленина в болгарской художественной литературе; Б. Ценков. Ленин об отношении мировоззрения и художественного метода; С. Георгиев. Из наблюдений над синтаксисом сложного предложения у Петко Славейкова; П. Велчев.

Дон Кихот в творческом восприятии Константина Величкова; К. Герасимов. Из истории научно-философских интересов русских поэтов XVIII в.; Х. Недялков. О творческом процессе у Стояна Загорчикова; Б. Ангелов. Сказание о железном кресте; И. Лекков. Космонавтика создает свою лексику; К. Попов. Еще раз о диахронии и синхронии.

№ 3

С. Стоянов. Ленин и некоторые проблемы языкознания; В. Велчев. И. С. Тургенев и русское освободительное движение; Д. Мюллер-Отт. Продуктивность уменьшительных суффиксов с элементом *-к-и-ц-* в русском и болгарском языках; Л. Фигловская. Максим Горький и Якуб Колас; А. Давидов. «Беседа против Богомилов» Пресвитера Козьмы и «Златая цепь». К вопросу о влиянии Козьмы на древнюю русскую литературу; Б. Райков. Неизвестное проложное житие Ивана Рильского; А. Ничев. К чтению болгарского текста четырехязычного словаря Данила; С. Димитрова. Структурализм, формализация и формализм. С. Стоянов. Об *Етрополе* и приемах научных споров; П. Лисовой. Иван Франко — великий украинский писатель-революционер.

«Zeitschrift für Slawistik», 1970, № 1

И. Шрёйдер. Образ Ленина в новейшей советской поэзии; Г. Шлимперт. Название *Potsdam*; Ф. Ливер. К вопросу о соотношении немецкой и славянской лексики; Г. Билфельд. Славянские слова в немецком языке Бранденбурга; К. Мюллер. Славянское название гриба «лисичка» в Тюрингии; Ф. Хинце. Несколько словицких слов в нижненемецком; Ф. Хинце. Этимологическое толкование имен в районе Леба-Зее в Померании; Й. Дитце. Тенденция к унификации в склонении существительных в древнерусском языке; В. Фидлер. К характеристике категории аспекта в балканских языках; К. Гутшмидт. К вопросу о славяно-румынских лексических заимствованиях; К. Костов. Др.-болг. *въдовица* (*въдова*) и его соответствия в болгарских диалектах; Г. Штурм. Двенадцать немецких переводов «Слова о полку Игореве»; Х. Порт. О деятельности слависта А. Беркенера в Берлине (1881—1839).

№ 2

М. Енихен. Восприятие чешской литературы немецкой и австрийской социал-демократией накануне XX в.; Х. Грассгоф. Готшед как популяризатор и переводчик русской литературы; В. Буссевиц. Тенденции в развитии советского романа в 60-е годы;

Б. Видера. Были ли носители зарубинецкой культуры восточными славянами? Ф. Хинце. Телефон и радио в кашубском фольклоре. Ф. Хинце. Еще раз о полабском *sobaka* «собака»; К. Гюнтер. Немецкие переводы русских драм в XVIII веке; Ю. Д. Левиш. К проблематике русских переводов Шекспира; Л. Н. Назарова. Новое советское издание собрания сочинений и писем И. С. Тургенева; В. В. Янушевский. Войцех Цыбульский в Берлинском университете.

«Kwartalnik Historyczny», 1970, № 3

Б. Гермек. Декласированные элементы в средневековом городе; В. Томкевич. Европейская художественная культура в XVII в.; Я. Тазбир. Польша и Европа; Я. Жарновский. О генезисе системы национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе после 1918 г.; А. Чубинский. Национальные страны в Центральной Европе в межвоенный период; Г. Батовский. Проблема национальных меньшинств в Европе накануне второй мировой войны; В. Михович. Разоружение и безопасность в 1920—1939 гг.; Ф. Рышка. Общественность и власть при фашизме. К вопросу истории гитлеризма в свете новых исследований; З. Станкевич. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Польши; Е. Бродовская. Крестьянские аграрные движения в Центральной и Восточной Европе в XIX — начале XX в.; Г. Слабек. Характер аграрной реформы в Народной Польше; Ю. Р. Шафлик. Состояние исследований по истории польского крестьянского движения; Т. Мантейфель. Формы тайного обучения на уровне высших учебных заведений в Варшаве, 1939—1944 гг.; В. Хойнацкий. Издательская деятельность польского движения Сопротивления в 1939—1945 гг.; М. Вжосек. Мобилизация сил польского народа в 1944—1945 гг.

«Z pola walki», 1970, № 2

М. В. Искров. Ленин и вопросы современного рабочего движения; Ю. Хлебовчик. Маркс и Энгельс и вопрос малых наций в Центральной и Восточной Европе (к вопросу о генезисе и развитии так называемых неисторических наций); Р. Война. Нестор Махно и «анархизм действия»; Ю. Ковальский. Судьба программы Коммунистической партии Польши; Я. Щеблевский. II съезд Польской Объединенной Рабочей партии. Организационные вопросы.

«Slavia Orientalis», 1970, № 1

Ф. Селицкий. О популярности Гоголя в Польше (1918—1939); В. Скрунда. Русские литературные альманахи

1794—1852 гг.; Л. Суханек. Баллады П. Катенина. К вопросу о народности в романтической поэзии; М. Юрковский. Неизвестные свадебные песни в собрании В. Поля; Д. Полс. Монофонги *е, *е, и *о в кобринском говоре (БССР).

№ 2

Е. Кирилук. Иван Котляревский; Ф. Неужный. «Энеида» Котляревского и ее резонанс в украинской литературе XIX в.; С. Козак. Проблема народных традиций и романтизма в «Энеиде» Котляревского; М. Якубец. Котляревский и польская литература; П. Зволинский. Языковая биография Котляревского; М. Юрковский. Народная лексика в «Энеиде» Котляревского; М. Лэсюв. Древнеукраинские элементы в «Энеиде» Котляревского; В. Витковский. Польские лексические элементы в «Энеиде» Котляревского.

«Język Polski», 1970, № 1

С. Урбаньчик. 50-летие журнала «Język Polski»; Я. Залеский. Сорок лет научной работы проф. С. Ёдловского; В. Ташицкий. Существительное *uniwersytet* и подобные слова в польском языке (Существительные с латинско-немецким суффиксом *-tet*); Ю. Речек. Новый период в изучении Легенды о св. Алексее; Е. Островская. *Cztery w jednym księgach o nim*; Б. Крея. Словообразовательный и фонетический состав слов; М. Зарембина. Роль слов в словаре и в тексте (на польском материале); М. Вейсс-Бжезина. Из истории слов, заимствованных в польском языке: *pergamín // pargamin*; Ю. Бубак. Диалектные тексты; З. Климек. Сборники и статьи, посвященные юбилею проф. Ташицкого; В. Маньчак. Написание названий марок товаров; С. Урбаньчик. [Замечание к статье В. Маньчака]; С. Роспнд. К вопросу об этимологии *Mazowsza*; Е. Павловский. Четвертый раз о *Sąde(c)czyźnie*.

№ 2

В. Ташицкий. *Jurand* из *Spychow'a* Сенкевича; С. Миколайчак. Синтаксис *Quo vadis* Г. Сенкевича в статистической характеристике (для стилистических целей); К. Вильчевская. О словаре современной моды; М. Схабовская. Неопределенное числительное *troche*; Б. Крея. Словообразовательный и фонетический состав слов (окончания); Я. Твардзиков. Об отношении развертывания в сложно-подчиненном предложении. 2. Модальные предложения; С. Бонк. Мой путь к языковедским исследованиям в Силезии; З. Броцкий. Заметки на полях работы Д. Бутлер о языковом

остроумии; М. Рудницкий. О названии *Obodriti* и др.; И. Баерова. Есть ли различия? Какие различия? И. Шлесинский. Заимствование ли слово *pryk*?

№ 3

С. Роспнд. Из исследований польской топономастики XIII *Bydgoszcz* 'поселение Быдгоста'; П. Смочинский. О местном названии *Kutno* и подобных; З. Кемпф. Развитие и утрата польского партитива; М. Зарембина. Новые случаи использования эллипсиса; А. Ленговская-Грыбосёва. О синтаксисе дееспричастия; С. Гжедова. Носовые гласные в говоре сел Домброво-тарновского повята; А. Стеффен. *Junochodnik* или *inochodnik*? И. Шлесинский. *Sprzed laty*; А. Кузёрова. Замечания о географии названий степеней семейного родства и свойства.

«Slovanský přehled», 1970, № 3

Р. Поспишил. Противоречия в Польше в 1945 г.; М. Тейхман. Румынский февраль 1945 г.; И. Пинтер. К истории антифашистского и антигитлеровского национально-освободительного движения в Венгрии (1941—1945 гг.).

№ 4

В. Жачек. Андрия Т. Брлич в Чехии в 1848 г.; М. Шестаков. Кривошійское восстание в 1869—1870 гг. и чешская политика; Т. Стойков. Влияние экономического кризиса на изменение режима монархической диктатуры в Югославии; В. Мелихар. Гражданская война в Греции (1946—1949); К. Вах. Чехословацкие трудящиеся и Венгерская советская республика.

«Česká literatura», 1970, № 3

В. Кенигсмарк. Семантические возможности фабулированной прозы; Г. Мирвалдова-Янтова. Формы символического приема обозначения в творчестве Бржезины и Ванчуры; Б. Пражан, О. Суш. Перемены контекста и семантического принципа в прозе Веры Лингартовой; Я. Яначкова. Истоки новейшей словацкой прозы; И. Опелик. Жанр рассказа в эпоху расцвета романного жанра.

«Slovenská literatura», 1970, № 3

М. Томчик. Интерпретация лирической прозы; К. Томиш. Личные формы повествования в творчестве Илемницкого; М. Гловинский. Литературный вид и проблемы исторической поэтики; Ю. Шпитцер. Марксизм, структурализм, формализм; З. Пешат. К семантике поэм Аполлинера и Санрара.

«Slavia», 1969, № 4

А. В а й а н. Константин-Кирилл и Псевдо-Феофилакт; И. Д у й ч е в. Константин философ-Кирилл в Риме в начале 868 г.; К. Г о р а л е к. Несколько спорных кирилло-мефодиевских вопросов; Ж. Л е ц и с ь е. Сказание Бандури и его историческое значение: назывался ли брат Константина-Кирилла Афанасием? В. Т к а д л ч и к. Дата прибытия славянских апостолов в Моравию; Л. М о ш и н с к и й. Критерии включения Константином-Кириллом слов иноязычного происхождения в славянские тексты; Э. Г а у п т о в а. Миссионерская деятельность Константина и источники славянского письма; В. К и а с. О более пространственных и более кратких чтениях в рукописях Жития Константина; Э. Б а г о в а. К вопросу об *отъчъскыѣ книгъ*; П. В ы с к о ч и л. Передача трех глаголических «и» кириллицей; А. Д о с т а л. Начало старославянской письменности и Византия; И. В л а ш е к. Об отношении переводческой техники и поэтики в старославянской псалтыри; Р. Т у р е к. К проблеме следов миссии Кирилла и Мефодия в материальной культуре Великой Моравии; В. К у д е л к а. Славянская литература в послевоенное двадцатилетие.

1970, № 1

Д. У о р т. О морфологии славянского глагола; Х. К р ж и ж к о в а. Относительно предложения в современных славянских языках; Ю. Д о л а н с к и й. Поэзия Вацлава Ганки и Карамзин; О. З и л ы н с к и й. Главы из истории восточнославянских народных игр; Г. Б и р н б а у м. Снова в Дубровнике: драматургии эпохи Ренессанса.

№ 2

С. В о л ь м а н. Наше понимание славянской филологии 1945—1970 гг. В. П о л а к. Несколько замечаний о происхождении глаголического письма; Ф. С в е й к о в с к и й. Homo animalis — homo spiritualis в Прологе (К интерпретации поэтической структуры); И. Б а д а л и ч. Юрий Крижанич как поэт. В. М а н ь ч а к. К вопросу о праславянских окончаниях; Р. В е ч е р к а. Проблематика старославянской письменности в Чехии Пшемьслов; И. В р а н а. Пражские глаголические отрывки как свидетельство непрерывной кирилло-мефодиевской традиции в Чехии до конца XI в.

«Slavica Solvaca», 1970, № 1

Д. М ю л л е р. Энтропия системы уменьшительных существительных в славянских языках; Э. С е к а н и н о в а. Место префиксации в видовой системе славянского глагола; М. О. М а л и к о в а. Словообразовательная и семантическая структура слов с лексической морфемой *пол-* / *поло-* / *полу-* в русском языке; Д. К о л л а р. Переводное значение — его сущность и проблемы; М. М а й т а н о в а. Некоторые западнославянские народные названия грибов? Г. Б е н е д е к. О словацких диалектах Бихара и Салая в Румынии.

«Slovo o slovesnost», 1970, № 1

В. С к а л и ч к а. Гипосинтаксис; Д. Х а й м с. Лингвистическая теория и речевые функции; Э. Г л а в с а. Синтаксическая значимость некоторых местоимений и числительных; С. У т е ш е н ы й. К вопросу о языковом развитии в пограничье Чешских земель; Й. Г р б а ч е к. Заметки и дискуссии о сложном предложении; И. Ш т и н д л о в а. Запись и обработка текста с помощью машин.

№ 2

Я. К о р ж е н с к и й. Структура функциональных отношений категорий существительных (особенно с учетом падежа); О. Д у х а ч е к. О микроструктурах в лексике; Й. В а х е к. О новых путях порождающей фонологии; К. Г о р а л е к. Три замечания о структуре эпикки; Р. С г а л л. К характеристике современной теоретической лингвистики в мире.

«Slovenská reč», 1970, № 1

Я. Г о р е ц к и й. Некоторые предпосылки развития словацкого языкознания; Й. Р у ж и ч к а. Развитие специального стиля словацкого литературного языка в XX в.; М. М а р с и н о в а. О количестве глагола *lumpáčit'*; Ф. К о ч и ш. О значении глагола *zaškoliť*; А. Г а б о в ш т я к. Об изучении лексического состава и фразеологии словацких говоров; М. И в а н о в а - Ш а л и н г о в а. Новые успехи словацкой драмы в радиопередачах; Л. Д в о н ч. Еще раз о склонении слова *zrebe*.

НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА XIII КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Международная комиссия славянских исследований работала 19 и 20 августа 1970 г. Доклады и выступления были посвящены теме «Город и его роль в развитии национального самосознания». Заседание открылось докладом советских историков Е. И. Дружининой, Ю. Р. Клокмана, П. Г. Рындзюнского и А. Л. Хорошкевич «Города России XV—XIX вв. и их роль в развитии национального самосознания». На конкретном материале авторы показали быстрый рост городов в центре и на севере страны в конце XV и XVI в. Городское торгово-ремесленное население было ведущей силой в борьбе за освобождение России от татаро-монгольского ига и способствовало ее политической централизации. В XVII—XVIII вв. распускающаяся городская буржуазия выдвинула свои требования по преобразованию общественного строя. В первой половине XIX в. Петербург, Москва и Киев стали центрами культурной жизни. Здесь получили развитие передовые течения общественной мысли, литература и искусство, способствовавшие завершению процесса оформления национального самосознания. В заключение докладчики охарактеризовали условия, в которых формировалось национальное самосознание русского народа: наличие единого и независимого государства, революционные традиции, выработанные длительной борьбой против политического гнета, и многонациональный характер страны.

Э. Доннерт (ГДР) в докладе «Проблемы изучения городов России в начале XVII века» высказал мысль о том, что новому расцвету русских городов, в целом более древних, чем города во многих районах Европы, способствовало свержение татарского ига и создание единого русского государства. Он остановился на вопросе о количественном росте и изменении социального состава русских городов в XVI в., особо отметив ведущее место Москвы. Докладчик пришел к выводу о том, что все увеличивающееся могущество феодального класса и распространявшееся крепостное право суживали возможности экономического и политического развития русских городов и тем самым тормозили зарождение и развитие капиталистических

отношений. Поэтому подъем русских городов в XVI и начале XVII в. не смог обусловить ликвидацию феодального строя.

У. Леман (ГДР) рассказал о роли Петербурга как центра распространения русского национального самосознания. Петербург был выбран автором потому, что, по его мнению, возникновение этого города приходится именно на то время, когда русское национальное самосознание начало проявляться в различных формах, истоки которых исходили из новой столицы. Основное внимание докладчик уделил проблеме русского Просвещения и его роли в процессе роста национального самосознания. У. Леман отметил большое влияние представителей русской прогрессивной интеллигенции — петербургских писателей, публицистов и ученых — на процесс формирования русской нации и воспитание патриотических чувств. Русские просветители XVIII в., сказал он, выступали выразителями стремлений угнетенных слоев населения, сторонниками освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Доклады А. С. Мыльникова (СССР) и Ю. Месароша и В. Матулы (ЧССР) были посвящены городам Чехословакии. А. С. Мыльников в докладе «К вопросу о положении и культурно-политической роли чешского города побелогорского времени» выступил с тезисом о том, что вопрос об оценке положения и культурно-политической роли чешского города указанного периода требует существенной корректировки. По мнению докладчика, несмотря на упадок городской жизни в середине XVII в., город сыграл определенную роль в зарождении прогрессивных идейных и культурных тенденций последующего времени. Центральное место в докладе было уделено культурно-административной роли города, выделены такие аспекты деятельности горожан, как строительство, архитектура и книжное дело. Далее докладчик осветил вопрос о распространении идей Просвещения в крупных городских центрах чешских земель — Праге, Брно, Оломоуце — в середине XVIII в.

Ю. Месарош и В. Матула прочитали доклад «Развитие национального движения, лишенного единого городского центра на примере Словакия». Начало процесса формирования словацкой нации и развития словацкого национального движения датируется докладчиками концом XVIII в., его гегемоном определена интеллигенция мелкобуржуазного и плебейского происхождения, отличающаяся демократическими социальными взглядами. Функцию центров национального движения в конце XVIII и начале XIX в. выполняла Братислава, где находилась главная духовная семинария, в 20—30-х гг. XIX в. — Пешт и Будин, в которых сосредоточилась деятельность наиболее видных представителей национального движения, с 60-х годов — небольшой городок Турчанский Святой Мартин, ставший не только культурным, но и политическим центром. Коснувшись вопроса о периодизации словацкого национально-освободительного движения, докладчики назвали 60-ые годы вершиной борьбы за государственно-правовое решение словацкого вопроса.

Я. Жарновский (Польша) выступил с докладом «Прогресс урбанизации и развитие польского национального сознания в XIX—XX веках». Докладчик отметил большую роль Варшавы, Кракова, Вильно в формировании современного понятия нации в период Просвещения и их значение как центров культурной жизни после 1815 г. По его мнению, на рубеже 60—70-х гг. XIX в. помещичье-шляхетские круги перестают не только занимать руководящую, но и вообще играть какую-то активную роль в национальном движении, в частности потому, что значительная часть даже имущей шляхты переместилась в город. Заключительная часть доклада была посвящена периоду, во время которого изменились роль и облик польских городов. Причины этих изменений докладчик видит в нескольких факторах: 1) постепенной индустриализации городов, 2) увеличении роли крупной промышленности в профессиональном составе городского населения, 3) в культурных достижениях городов, связанных с процессами адаптации мигрантов из села с началом развития процессов урбанизации деревни, с изменениями профессионального и социального образа жизни, индивидуальных запросов и проч.

И. И. Лещиловская (СССР) доклад «Роль города в формировании хорватской национальной идеологии в первой половине XIX века» посвятила проблеме хорватского национального Возрождения. Докладчик кратко обрисовал роль хорватских городов в создании материальных предпосылок Возрождения и в формировании и выдвигании тех общественных слоев, которые явились его социальной опорой. Она пришла к выводу, что в условиях Хорватии и Славонии носителями идей Возрождения были: передовое небо-

гатое дворянство, купцы и предприниматели, интеллигенция и часть высшего духовенства. Зарождение элементов национального самосознания в Хорватии докладчик относит ко второй половине XVIII в., а начало новой фазы датирует 1835 г. — началом организованного национально-освободительного движения, опорными пунктами которого являлись хорватские города. В докладе обосновывается положение о том, что именно в городах закладывались основы общехорватского литературного языка, национальной литературы и культуры. В заключение докладчик подчеркнул, что национально-освободительная борьба сплачивала нацию, в ходе ее крепло национально-самосознание.

Доклад А. Морича (Австрия) «Национальное сознание в городах Каринтии с разноязычным населением» был посвящен более частной проблеме. Автор рассмотрел вопрос о том, какие социальные слои населения говорили на словенском языке, кто легче онемечивался. Рассмотрев результаты трех переписей населения Австро-Венгрии, докладчик пришел к выводу, что уже с 1880 г. стало быстро возрастать число говорящих по-словенски.

Одной из особенностей языкового развития Южной Каринтии А. Морич назвал сравнительную слабость национального самосознания в этой области, объяснив ее особенностями географического положения. Докладчик отметил три фазы в развитии словенского национального движения в Каринтии. До революции 1848 г. оно носило, по его мнению, чисто культурный характер. В 1848 г. была сформулирована первая словенская национальная программа. С 1861 г. движение приобретает более широкий размах.

Городам Болгарии был посвящен доклад Х. Христова (Болгария) «Роль городов в болгарском национальном Возрождении». Докладчик рассмотрел различные типы городов. Идеи болгарского Возрождения зародились в городах наиболее этнически однородных, экономически развитых. Отметил роль зарождавшейся интеллигенции, которая прежде всего оторвалась от средневековой схоластики. Далее автор остановился на вопросе о социальной дифференциации в городах в середине XIX в. В 30—40 гг. XIX в. ремесленники и мелкие торговцы становятся основной социальной силой и начинают борьбу за влияние в городской общине. Упадок ремесленного и мануфактурного производства после Крымской войны привел к обеднению горожан и усилению национально-освободительной борьбы. Остановившись на вопросе о роли болгарских общин в городах, докладчик отмечает его малую изученность, указывает на связи общин с монастырями, их роль в национально-религиозной борьбе. После Крымской войны города и пункты городского типа становятся центрами револю-

ционной пропаганды и местонахождением Центрального болгарского революционного комитета. Хотя крестьянство являлось движущей силой революции, руководящим центром ее были города. Социальной основой революционной организации были ремесленники, мелкие торговцы, городская беднота. На этапе вооруженной борьбы роль города не была единой. Болгарское Возрождение, как и Возрождение в Западной Европе, отражало новые социально-экономические отношения, созданные генезисом капитализма. Отличительная черта болгарского Возрождения — это связь образования и гуманизма с реформой (в смысле создания автокефальной болгарской церкви) и болгарской национально-освободительной революцией. Нельзя из-за тождественности терминологии ставить знак равенства в отношении силы, глубины и значения процесса Возрождения в Западной и Центральной Европе с Возрождением в странах Юго-Восточной Европы, в том числе Болгарии. Болгарское национальное Возрождение — более позднее по времени и имеющее локально-специфические черты.

По прочитанным докладом состоялась дискуссия, в которой приняли участие 28 человек. Больше всего откликов получил доклад советских историков Е. И. Дружининой, Ю. Р. Клокмана, П. Г. Рындзюнского и А. Л. Хорошкевич. Оценив в целом доклад положительно, выступившие внесли ряд дополнений. Б. А. Рыбаков (СССР) отметил большую роль посада в XVI—XVII вв. в формировании русской общины. Л. В. Черепнин (СССР) подчеркнул тезис о том, что город сыграл определенную роль в формировании таких понятий, как «национальная общность» и «межнациональное общение». Он обратил также внимание на памятники русской средневековой письменности, в которых делалась попытка обосновать идею славянского единства. Я. С. Лурье (СССР) остановился на вопросе о соотношении рукописной традиции XV в. и книгопечатания XVI в. М. Г. Рабинович (СССР) рассказал, каким образом город оказывал влияние на развитие различных сторон материальной культуры. Б. Мишель (Франция) привел ряд примеров развития городов в других странах Восточной Европы, подчеркнув особенно важную роль урбанизации, так как город осуществлял культурное влияние по многим направлениям, а индустриализация, по его словам, усиливала национальные движения. И. С. Миллер (СССР) отметил, что на основании доклада можно сделать вывод, будто процесс развития русского национального самосознания прерывался, тогда как национальное самосознание сохранялось и в период феодальной раздробленности.

Проблеме развития украинских городов были посвящены выступления украинских историков А. К. Касименко и

Ф. П. Шевченко. В выступлении Р. Сербина (Канада), украинца по происхождению, проводилась мысль, что входившие в состав русского государства украинские земли XVII—XIX вв. представляли собой колонию, где всячески глушилось развитие национального самосознания. Поэтому украинские города вплоть до Октябрьской революции были якобы центрами денационализации. Против этого положения, обратив внимание на его ненаучность и односторонность аргументации, выступили Ф. И. Шевченко (СССР), Ю. Р. Клокман (СССР) и В. Матула (ЧССР).

По докладу У. Лемана выступили советские историки Е. И. Дружинина, А. С. Мыльников и М. Г. Рабинович. А. С. Мыльников и М. Г. Рабинович в целом положительно оценили доклад. Е. И. Дружинина поддержала сомнительный тезис докладчика о противопоставлении понятий «национальное самосознание» и «государственный патриотизм». А. С. Мыльников не согласился с мнением Е. И. Дружининой и поддержал У. Лемана в понимании термина «государственный патриотизм». Рабинович подчеркнул необходимость учитывать влияние деревни на формирование в городе прогрессивного мировоззрения. В частности, он отметил, что мировоззрение А. Н. Радищева в Петербурге или Н. Н. Новикова в Москве не было бы таким, не будь в России крепостничества, крепостной деревни.

А. Л. Хорошкевич дополнила доклад Э. Доннерта положениями о неравномерности развития городов России в начале XVII в., о географическом районировании в XVI—XVII вв., когда города становятся центрами по переработке сельскохозяйственных продуктов, об усилении роли посадского населения в этот период.

В дискуссии по докладу А. С. Мыльникова приняли участие К. П. Гогина (СССР) и М. Грох (ЧССР). Гогина поставила вопрос о необходимости изучения трех политических сил эпохи позднего феодализма: королевской власти, городов и феодалов, что, на ее взгляд, поможет более всестороннему освещению причин упадка чешских городов во второй половине XVII в. М. Грох заострил свое внимание на роли городов в формировании национального самосознания в условиях развития свободной и угнетенной нации.

Я. Шолта (ГДР), обращаясь к докладу Ю. Месароша и В. Матулы, подчеркнул две особенности национального развития в Словакии: отсутствие единого городского центра и наличие двух языков. Л. Лаптева (СССР) провела параллели между положением лужицких сербов и словаков.

Оживленная дискуссия разгорелась по докладу Я. Жарновского. Советский историк В. А. Дьяков сделал ряд методологических замечаний. Он подчеркнул, что нельзя забывать о соотношении между количественным и качественным анали-

зами исследуемых явлений. По его мнению, дело не только в росте удельного веса городского населения, но и в изменениях его сословно-классового состава. Далее выступавший подчеркнул, что нельзя суживать понятие «национальное самосознание», необходимо, в частности, учитывать всю совокупность национальных представлений каждой данной эпохи, включая и националистические отклонения. И. С. Миллер (СССР) отметил, что в докладе Я. Жарновского сужена база изучения национального самосознания, так как вычленена только проблема города. Польский историк М. Дроздовский не согласился с замечаниями В. А. Дьякова относительно использования докладчиком статистического метода исследования. С. Костанецкий и К. Дунин-Вонсович (Польша) подчеркнули решающую роль города в формировании и укреплении польского национального самосознания.

По докладу И. И. Лещиловской с положительной оценкой выступили В. И. Фрейдзон (СССР) и Я. Шолта (ГДР). Фрейдзон особое внимание уделил специфике развития южнославянских городов. Он выразил свое согласие с постановкой в докладе вопроса о роли территориальной замкнутости.

Особое значение географически замкнутого единства для направления развития национального самосознания подчеркнул Я. Плетерский (Югославия), выступивший по докладу А. Морича. Он отметил, что словенцы не были изолированной этнической группой и высказал ряд критических замечаний по докладу. В частности, на его взгляд, в анализе А. Морича фактору города и политической власти было уделено слишком мало внимания, не учтено принципиально новое отношение к национальному вопросу в Социалистической Югославии. Он отметил также, что результаты официального подсчета населения требуют осторожного обращения. Они не всегда совпадают с подсчетами частных лиц.

По докладу Х. Христова с дополнениями выступили болгарские историки. К. Косев осветил роль городов в формировании болгарской нации. В. Паскалева выступила с дополнением об особенностях развития болгарского национального самосознания при переходе от феодализма к капитализму со второй половины XVIII в. и подчеркнула большую роль национальной интеллигенции в этом процессе. С. Дамянов

дополнил выступление В. Паскалевой, раскрыв роль болгарских городов как центров национальной культуры. Н. Годоров остановился на характеристике социально-экономической структуры и роли городов в XV—XVI вв. Он пришел к выводу, что города в Болгарии имели большее значение и оказывали большее влияние на формирование психологии горожан, чем в Сербии и Греции.

В дискуссии по обсуждаемой проблеме приняли также участие румынский историк Шт. Штефанеску и американский историк Дж. Армстронг. Шт. Штефанеску говорил об особенностях развития румынских городов в период Возрождения. По мнению Дж. Армстронга, докладчики показали важную роль города в развитии национального самосознания, но не дали ему должной оценки, а в разных условиях эта роль могла быть как отрицательной, так и положительной. Затем он обратил внимание на то, что докладчики и выступающие не коснулись вопроса о многонациональном составе городов. В данной связи, сказал, он, город можно было бы рассматривать и как центр денационализации.

На заседании обсуждались также вопросы дальнейшей работы Международной комиссии славянских исследований. Было высказано пожелание сосредоточить внимание на проблемах, служащих базой для сравнительно-исторического изучения (И. С. Миллер — СССР, Х. Христов — Болгария). И. С. Миллер, в частности, отметил некоторую нечеткость формулировки темы заседания, так как термин «национальное самосознание» включает в себя понятия и сложившейся нации и предшествующих народностей. Г. Батовский (Польша) предложил создать подкомиссию по подготовке коллективного сборника, посвященного истории славянских университетских городов. Ю. Р. Клокман (СССР) предложил для исследования вопросы культуры и быта славянских народов.

На состоявшемся позднее заседании членов Международной комиссии славянских исследований в ее состав наряду с зарубежными учеными было избрано 8 советских ученых: С. А. Никитин, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, Е. И. Дружинина, Г. А. Новицкий, И. А. Хренов, Д. Ф. Марков, Ф. П. Шевченко. Президентом Международной комиссии избран С. А. Никитин.

Л. Обушenkova

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Во время XIII Международного конгресса исторических наук среди многочисленных комиссий Конгресса работала и специальная комиссия по тематике Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы (МАЮВЕ).

В заседании комиссии, состоявшемся 22 августа под председательством члена Международного комитета МАЮВЕ Й. Переньи (Венгрия), приняло участие около 100 человек — ученые из Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии, Греции и ФРГ. Темой заседания было обсуждение вопроса о состоянии юго-восточно-европейских исследований, проводимых в рамках МАЮВЕ и перспектив работы на будущее.

С докладом «Современное состояние исследований в области балканистики в странах Юго-Восточной Европы» выступил Генеральный секретарь МАЮВЕ Э. Кондураки (Румыния). В начале своего доклада Э. Кондураки подчеркнул большое значение того факта, что впервые в программу Международного конгресса исторических наук было включено заседание Ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы. Он отметил достижения в области балканистики в странах Юго-Восточной Европы, указав на то, что работы ученых и научных коллективов, участвующих в МАЮВЕ, носят не только узкий страноведческий характер, но и все больше приобретают форму комплексных исследований (междисциплинарных и межрегиональных).

В МАЮВЕ, сообщил докладчик, существуют и положительно зарекомендовали себя разнообразные формы научного сотрудничества: обмен специалистами, проведение научных симпозиумов и конференций, организуемых работающими в рамках Ассоциации комиссиями (по истории городов, по истории идей, по фольклору и др.). Э. Кондураки рассказал об успешно работающих в ряде юго-восточноевропейских стран (Болгарии, Румынии, Югославии) научных центрах по вопросам балканистики, а также о разработке многих балканистических проблем в институтах истории, археологии, этнографии, фольклора и др. В заключение докладчик указал на необходимость начать подготовку к III конгрессу балканистов, который намечено созвать в Бухаресте через четыре года.

А. Ф. Миллер (СССР) в кратком выступлении подчеркнул, что балканистика, подобно славяноведению и другим комплексным дисциплинам, становится самостоятельной отраслью среди других исторических наук, и призвал участников заседания обменяться мнениями о дальнейших направлениях исследований по проблематике Юго-Восточной Европы.

Ученый секретарь Балканской секции Национального комитета историков СССР В. В. Зеленин (Москва) выступил с кратким обзором балканских исследований в СССР, проводимых как в рамках отдельных отраслей гуманитарных наук (истории, археологии, этнографии, литературоведения, языкознания и др.), так и в форме междисциплинарного и комплексного изучения общих для народов балканского региона проблем их исторического развития и современного положения; научным центром балканских исследований в СССР является Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В. В. Зеленин рассказал о достижениях советских археологов по изучению древнейших культур на территории СССР, непосредственно примыкающей к балканскому региону, а также на самом Балканском полуострове (совместная болгаро-советская археологическая экспедиция). Эти исследования имеют существенное значение для исследования ряда важных вопросов древнейшей истории Балкан.

Советские этнографы-балканисты, отметил В. В. Зеленин, наряду с полным этнографическим описанием народов Балканского полуострова, уделяют большое внимание отдельным узловым проблемам балканской этнографии (этногенезу и этнической истории, общине, ее быту, общинному праву, материальной культуре отдельных балканских народов). Ведется работа по палеоэтнографии и антропологии.

Значительный вклад в балканистику вносят советские византилисты и слависты. Их исследования имеют важное значение для изучения вопроса о складывании славянских народов на Балканах, процессов социально-экономического синтеза, генезиса феодализма у славян, славяно-византийских связей, социально-экономического развития и классовой борьбы, аграрных отношений, городского ремесла и торговли и др. Большое внимание уделяется проблематике турецкого завоевания Балкан и условиям жизни народов Балканского полуострова под турецким владычеством, в частности таким проблемам, как социально-экономическое развитие народов в условиях турецкого ига, освободительное движение, формирование национальных государств и др. Большую ценность имеют исследования советских ученых, посвященные проблемам международной политики и дипломатии на Балканах, исследованию той роли, которую сыграла Россия в период подъема национально-освободительных движений балканских народов. В. В. Зеленин указал на назревающую необходимость перейти к комплексному изучению общебалканских проблем эпохи турец-

кого господства и создать обобщающие труды, посвященные социально-экономическому, политическому и культурному развитию балканских народов в этот период.

Благоприятные перспективы для расширения исследований по этой проблематике, отметил В. В. Зеленин, открывает издание в СССР важных архивных источников (многотомная публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX веков», «Освобождение Болгарии от турецкого ига, Документы» в 3-х томах, документы по истории Первого сербского восстания и др.).

Большое внимание советские историки-балканисты уделяют вопросам рабочего движения на Балканах, образованию социал-демократических партий, их борьбе против войны и реакции и особенно влиянию идей В. И. Ленина на развитие революционных сил в балканских странах.

Советские историки новейшего времени исследуют такие узловые проблемы как подъем революционного движения на Балканах под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, образование коммунистических партий, борьба народов за мир и коллективную безопасность, место и роль балканских народов в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны.

В. В. Зеленин также кратко охарактеризовал основные направления работ советских литературоведов и фольклористов в области балканистики.

Выступление В. Я. Гросула (Кишинев) было посвящено истории и современному состоянию балканских исследований в Молдавской ССР. В работах молдавских историков-балканистов, сообщил В. Я. Гросул, исследуется широкий круг проблем, в том числе такие, как революционные события 1848 г. в Дунайских княжествах, рабочее движение в Румынии, участие румынских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в России, русско-болгарские и русско-сербские революционные связи, движение гетеристов и др.

С. Б. Бернштейн (Москва), отметив большие достижения советской лингвистики в области изучения отдельных балканских языков, подчеркнул, что до сих пор эти исследования велись главным образом изолированно (изучение отдельных языков или языковых групп). В настоящее время необходимо перейти к широкому комплексному изучению балканского языкового союза. С. Б. Бернштейн призвал МАЮБЕ приложить усилия к объединению исследований ученых разных стран, к направлению их в единое русло.

Л. Живкова (Болгария) предложила Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы уделять большее внимание проблематике новейшей истории, в частности, вопросам балканской истории между двумя мировыми войнами. Пока-

зав несостоятельность политики гарантий, проводимой западными державами в 30-х гг. нашего века по отношению к балканским странам, Л. Живкова отметила необходимость глубокого исследования вопроса борьбы СССР за создание эффективной системы коллективной безопасности и, учитывая актуальность этой проблемы, предложила организовать научную конференцию на эту тему.

В своем выступлении М. М. Фрейденберг (Калинин) внес предложение включить в программу балканских исследований изучение какого-либо универсального общественного института. Он высказался за комплексное изучение средневекового города, в частности, балканского города XIV—XV вв. При этом, по его мнению, можно было бы особое внимание уделить таким узловым проблемам, как профессиональный состав городского населения и характер товаров, проходящих через городской рынок.

В качестве возможных тем для будущих исследований Ю. А. Писарев (Москва) предложил изучение таких общих для всего региона вопросов, как отставание балканских стран в их экономическом развитии от передовых стран Запада (и социально-экономические и политические последствия этого отставания) и роль идей в общественном развитии балканских народов.

Проф. Гротхузен (Гамбург) охарактеризовал состояние юго-восточно-европейских исследований в ФРГ, отметив комплексный характер работ, проводимых западногерманскими учеными (междисциплинарные исследования), наличие довольно развитых внешних связей у ряда институтов, занимающихся юго-восточно-европейскими исследованиями. При этом проф. Гротхузен указал на существование известной терминологической разницы между понятиями «балканистика» и «юго-восточно-европейские исследования» (в частности по охвату стран этими понятиями).

Б. Цветкова (Болгария) посвятила свое выступление проблематике тюркологических исследований в странах, участвующих в работе МАЮБЕ. Она предложила развернуть работу по публикации каталогов турецких документов, имеющих большое значение для изучения истории балканских стран (начиная с XV в.).

Сообщив о работе группы тюркологов-архивистов, сотрудников Национальной библиотеки в Софии, по изданию турецких дефтеров, содержащихся в архивах Софии, Б. Цветкова преподнесла президиуму Комиссии экземпляр изданной в Болгарии публикации и призвала руководство МАЮБЕ активизировать такого рода работу в других странах.

Е. Скворонец (Польша) в своей информации о состоянии и развитии балканских исследований в Польше сообщил, что в последние годы в ряде научных учреж-

дений и учебных заведений (Институт истории ПАН, исторические факультеты Варшавского и Ягеллонского университетов) успешно ведутся исследования по ряду проблем, касающихся истории Балкан и связей балканских народов с другими народами Европы (история балканских государств в раннем средневековье, участие прогрессивной польской общественности в освободительном движении балканских народов, польско-сербское и польско-румынское сотрудничество в первой половине XIX в., Франция и южные славяне в 30—50-х гг. XIX в., проблемы дипломатической истории Балкан в XIX—XX вв. и некоторые другие). Е. Скворонек в качестве возможных будущих направлений в работе МАЮВЕ выдвинул ряд тем, в разработке которых наряду с учеными других стран могли бы активно участвовать и польские ученые. Среди них: специфические и общие черты в общественно-политических движениях балканских народов XIX в. и влияние на них европейских идеологических течений, тенденции к политическому сотрудничеству и объединению балканских народов в борьбе за освобождение в XVIII—XIX вв., участие представителей небалканских народов в балканском освободительном движении и ряд других. По мнению Е. Скворонек, большой научный интерес представляла бы подготовка при участии ученых разных стран (СССР, Франции, Польши и других) сборника до сих пор не публиковавшихся проектов, направленных на освобождение балканских народов и укрепление мира на Балканах в XIX в.

О работе и выпшедших в свет изданиях созданного в 1967 г. в Софии балканистического информационного центра рассказал Т. Трайков (Болгария).

Как сообщил о своем выступлении Д. Деливанис (Салоники), балканскими исследованиями в Греции, в основном, занимаются Институт балканистики в Салониках и соответствующие сектора при Академии наук и Королевском Фонде в Афинах. В издаваемом Институтом балканистики журнале «Balkan Studies» (выходит 2 раза в год) публикуются рецензии на все важнейшие работы по балканистике, выходящие в балканских странах. При институте организованы курсы по изучению языков балканских стран и русского языка; библиотека института собирает балканистическую литературу. Институт поощряет подготовку молодых кадров по балканистике и защиту докторских диссертаций в балканских странах.

В своем заключительном слове Э. Кондураки выразил удовлетворение плодотворным обсуждением доклада и конструктивным характером предложений. При этом он подчеркнул назревшую необходимость уделять большее внимание проблематике новейшей истории, истории международных отношений на Балканах, проблемам культуры, образования и т. д. Отметив возрастающий интерес к проблемам Юго-Восточной Европы, Э. Кондураки призвал развернуть широкую подготовку к III конгрессу балканистов.

В. В. Зеленин

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ БАЛТИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

16—18 июня 1970 г. в Вильнюсе состоялась вторая всесоюзная конференция по актуальным проблемам балтийского языкознания, организованная кафедрой литовского языка Вильнюсского университета и журналом «Baltistica». В ее работе приняли участие ученые Вильнюса, Риги, Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Киева, Донецка, а также ГДР, ФРГ, США.

Конференция открылась докладом акад. К. Корсакаса. Докладчик сделал обзор наиболее значительных исследований последнего времени по балтийскому языкознанию, а также наметил задачи дальнейшей работы в этой области и, в частности, подчеркнул значение подготавливаемого Институтом литовского языка и литературы диалектологического атласа литовского языка.

З. Зинкявичюс (Вильнюс) в докладе «О сужении первого элемента в литовских тавтосиллабических сочетаниях типа *an*» предложил обоснование более ранней (XI—XII в.), чем это было принято (XIV в.), датировки «дзуканья» в литовских говорах, исходя из того, что обнаруженные наиболее ранние фиксации сужения первого элемента в тавтосиллабических сочетаниях с носовым (*an > un*) — явления, хронологически предшествовавшего «дзуканью», — относятся к XIII в.

Доклад И. Казлаускаса (Вильнюс) «Границы и возможности установления относительной хронологии изменений в балтийских языках» был посвящен разграничению наиболее древних диалектных различий и тех, которые могут объясняться последующей нивелицией.

В докладе В. К. Журавлева и А. Г. Авксентьевой (Донецк) «Об одной балтославянской изоглоссе» рассматривалась проблема происхождения балто-славянской оппозиции акут — циркумфлекс и обосновывался вывод о том, что в балтославянской изоглоссной области интонация обязана своим происхождением сокращению долготы в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, трансфонологизации признака долготы в интонационных различиях.

В докладе «Генетические связи балтийских языков с другими индоевропейскими языками» А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону) высказал предположение, что остатки первичных окончаний медиа, обнаруживаемые в балтийских и славянских языках, дают основание отнести прото-балтийский и протославянский к восточной зоне праиндоевропейских диалектов, в отличие от протогерманского, не охваченного этой изоглоссой и входящего в западную зону.

В. Р. Шмальштиг (США) в докладе «Хронология развития вокалических систем в балтийском и славянском» рекон-

струировал и сопоставил последовательные стадии развития балтийского и славянского вокализма.

Доклад А. Брейдака (Рига) «Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии» был посвящен палатализации согласных в латгальских говорах. Как показал докладчик, возникновение фонологического противопоставления твердых и мягких согласных в латгальских говорах было обусловлено исчезновением кратких гласных на конце слова.

Р. Грисле (Рига) в докладе «Семантическое значение интонации латышского слога» говорила о смыслообразительной, фонологической роли противопоставления трех латышских интонаций (нисходящей, восходящей и «прерывистой») в средне-латышских говорах, составляющих основу литературного латышского языка, и о наметавшейся эволюции этой интонационной системы.

В. Мажюлис (Вильнюс) в докладе «К истории флексии балтийского глагола» проанализировал условия, которые сформировали систему глагольных окончаний в прусском языке.

М. К. Рудзите (Рига) в докладе «Форма настоящего времени с суффиксом *-r-* в некоторых верхнелатышских говорах» выдвигает идею спонтанного возникновения форм на *-r-/-r-* в настоящем времени глаголов с двусложной основной на *-i-*, корень которых оканчивается на губной, отличную от интерпретации этих же явлений Эндзелином как появившихся под влиянием прусского опатива на *l*.

Проблеме интерференции славянских и балтийских языков на словообразовательном и морфологическом уровне был посвящен доклад Р. Эккерта (ГДР) «Славянские заимствования с основой на *-i-* в истории литовского языка».

С. Каралюнас (Вильнюс) был прочитан доклад «О некоторых диахронических порождающих моделях в балтийских языках».

В докладе А. Гирдяниса (Вильнюс) «Эволюция акцентуации суффиксов в литовском языке» была предложена интерпретация развития различной акцентуации в тождественных словообразовательных моделях имен существительных в литовском языке.

Доклад И. Палёниса (Вильнюс) был посвящен анализу инфинитивных конструкций в Постгилле И. Брегкунаса.

В докладе «О развитии причастных синтаксических конструкций в литовском языке» В. Амбразас (Вильнюс), рассматривая различные типы причастных конструкций в современном литовском языке, реконструирует архаическую

модель синтаксических причастных конструкций.

А. Пирочкина (Вильнюс) в докладе «Об употреблении конструкции „родительный и винительный падежи существительных с инфинитивом“ в значении обстоятельства цели» указывает случаи, когда на месте единственно возможной теперь конструкции инфинитива с винительным падежом при глаголах движения раньше употреблялись конструкции с родительным падежом.

На конференции был представлен доклад В. Н. Топорова «О балтийском элементе Подмоскovie», в котором на основании лингвистического анализа гидронимов обосновывается вывод о том, что не менее 300 гидронимов, относящихся к бассейнам Москвы, Клязьмы, Оки и Волги в пределах Московской области, могут быть причислены к балтийскому слою.

В докладе В. Дамбе (Рига) «Соответствия с древнепрусским языком в топонимии Латвийской ССР» на основании фонетических, лексических и семантических соответствий выделяются латышские топонимы, гипотетически связанные с прусским языком.

О. Н. Трубачев представил доклад на тему «Литовское *nasrai* 'пасть': этимология и грамматика».

В докладе А. Сабалиускаса (Вильнюс) «Названия хлеба в балтийских языках» этимологизируется более десяти соответствующих лексем, определяется исконно балтийский или заимствованный их характер, указывается ареал их распространения и фиксация в древнейших памятниках письменности.

Ю. В. Откупщиков (Ленинград) в докладе «О принципах отбора лексических изоглосс» остановился на вопросе о значении лексических — наряду с фонетическими и морфологическими — изоглосс при решении вопроса о диалектном членении индоевропейской языковой общности и указал на особую важность эксклюзивных, полных в фонетическом, словообразовательном и семантическом отношении, изоглосс, не имеющих со-

ответствия за пределами данного ареала.

В докладе А. П. Непокупного (Киев) «Литовские апеллятивы в памятниках украинского языка XVI—XVII в.» рассматривались лексические литуанизмы, отмеченные в украинских письменных памятниках XVI—XVII в., в частности, в описании оборонительных замков.

Ю. Лаучюте (Ленинград) в докладе «Словообразовательный критерий выделения балтизмов в славянских языках» рассмотрела сложные случаи двойного заимствования из славянского языка в балтийские (где славизм получает балтийский суффикс) и последующего их усвоения славянскими языками, а также примеры обратного направления заимствования.

На конференции был зачитан доклад Д. Земзаре (Рига) «Куршские параллели», в котором подчеркивалась необходимость изучения быстро исчезающих под влиянием литературного языка западнолатвийских диалектов, в лексике которых сохранилось множество интересных и важных свидетельств их близкого родства с другими балтийскими языками и следы взаимодействия с прибалтийскофинскими языками.

Р. Я. Бертудис (Рига) в докладе «Семантика лит. *bėrnas*: лтш. *bėrns* и их производных» указанные лексемы рассматривает как элементы семантического поля, включающего целый ряд иных лексем, взаимодействие которых обуславливало изменение значения лит. *bernas*.

На конференции с сообщениями выступили также Б. Н. Проценко (Ростов-на-Дону) — «Названия животных и птиц в славянских и балтийских языках» и В. В. Иоффе (Ростов-на-Дону) — «К вопросу об истории балтийского претерита».

Было принято решение устраивать конференции по актуальным проблемам балтийского языкознания раз в четыре года.

Материалы конференции будут опубликованы.

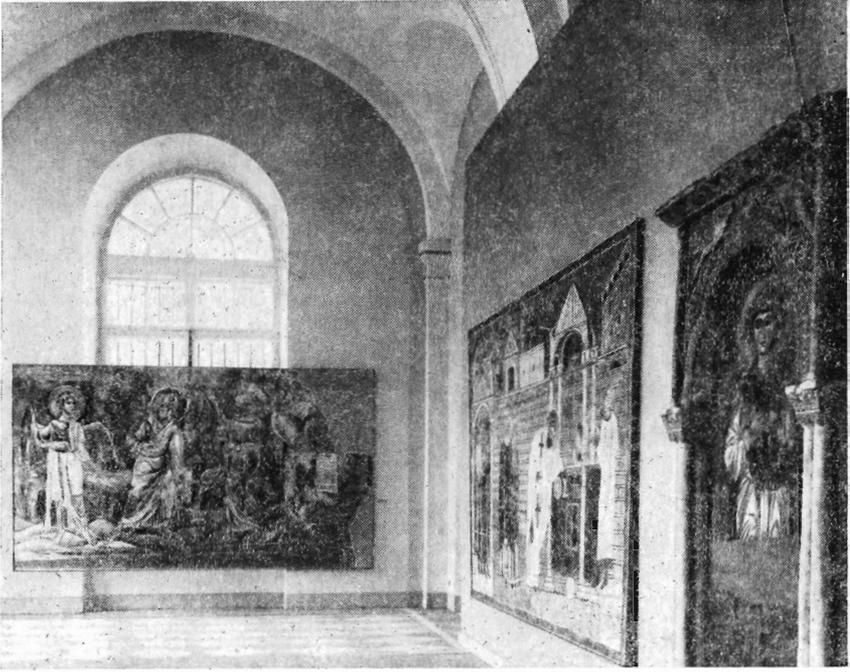
Л. Г. Невская, Т. М. Судник

ВЫСТАВКА «ЮГОСЛАВСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФРЕСКИ» В ЭРМИТАЖЕ

С 26 мая по 6 июля 1970 г. в Государственном Эрмитаже была открыта выставка копий югославских средневековых фресок, организованная Галереей фресок в Белграде. На выставке было представлено 95 копий, с исключительной точностью воспроизводящих оригиналы прославленных памятников Сербии, Македонии и Черногории (XI—XV вв.). В их числе около четверти экспонатов были специально исполнены для выставки в Советском Союзе.

В первом разделе были представлены композиции «Вознесение» и «Литургия Василия Великого» из церкви св. Софии в Охриде XI в., а также великолепный фрагмент из церкви Леонтия в Водиче. Художественная культура Византии оказала немалое воздействие на эти росписи, однако можно предполагать, что уже в это время в Охриде начала формироваться собственная художественная школа.

Совсем иную, романскую, традицию

Югославские фрески в Растреллиевской галерее Эрмитажа. I раздел

отражает небольшой фрагмент из церкви Михаила в Стоне (XI в.).

Композиции «Благовещение» и «Вознесение» в церкви Георгия в Курблянове (XII в.) дают отчетливое представление об этом выдающемся памятнике подчеркнута линейного стиля. Изображение евангелиста Марка из Джурджеви стубови, несмотря на фрагментарность, позволило посетителям ощутить монументальную силу этого произведения XII в., тесную связь живописи с архитектурным пространством.

Грандиозное «Распятие» и сравнительно недавно расчищенные фигуры святителей из церкви Богоматери в Студенице представляют начальный этап собственно сербской живописи (около 1205 г.). Привлекло внимание посетителей «Распятие» из церкви Спаса в Жиче (начало XIII в.). Особым успехом пользовалась прекрасно отраженная на выставке живопись церкви Вознесения в Милешеве (30-е годы XIII в.) и Троицы в Сопочанх (60-е годы XIII в.). Если «Ангел у гроба», портреты ктиторов, «Благовещение» получили широкую известность благодаря репродукциям, то группы апостолов из «Успения», обычно воспроизводящиеся лишь в деталях, явились своего рода откровением: свободная, смелая, живописная манера, монументальность, красная гамма красок.

Композиция «Успения» из Сопочан, развернутая на богатом архитектурном

фоне, с элементами линейной перспективы, глубоко эмоциональная и насыщенная лиризмом, скопирована почти полностью (за исключением самого верха). К сожалению, несколько пострадавшая от сырости копия не вполне адекватна оригиналу. Колорит сопочанских фресок передают копии отдельных фигур апостолов и мучеников.

Почти одновременные фрески монастыря в Мораче, расположенного в горах Черногории, отражают совсем иное, несколько наивное художественное направление.

Значительно отличались от всех этих произведений фрески так называемой школы Милутина (XIV в.). Здесь сказалась суховатость исполнения, некоторая мелочность, проявившаяся даже в живописи церкви Георгия в Старом Нагоричине. Лишь изображения Иоанна Предтечи и в известной мере ктиторов в Грачанице дали представление о художественной ценности этой группы памятников.

Югославская средневековая живопись славится многочисленными портретными изображениями, дающими ценный материал для историков. Множество реаллий — одежды и украшения, оружие и доспехи — способствует восстановлению картины жизни эпохи. В этом отношении особое внимание привлекают портреты деспота Оливера и Ливерины из Леснова (середина XIV в.).

ИЗЪСЦЕЛЕНІЕ СЛЕПОГО

Исцеление слепого. Конец XIV в. Раваница

*Св. Иоанн Милостивый. Начало XIII в.
Церковь Богоматери в Студенице*

Следует сказать и о фресках церкви Димитрия в Марковом монастыре (70-е годы XIV в.). В портрете королевича Марко ощутимы черты романского стиля. Эмоциональна сцена «Избиения младенцев» и особенно ее деталь «Плач Рахили». Колористическими достоинствами выделялась сцена «Моление Христа на горе Элеонской» из монастыря Андреаш, в какой-то мере перекликающаяся с произведениями живописи XIII в.

Так называемый «Моравский трип-

тих» — Раваница, Каленичи и Ресава (Манасия) — свидетельствует о новом взлете сербского искусства. Для него характерна лиричность сцен, тонкость и изящество фигур, нежный колорит.

На выставке были представлены в некотором количестве гипсовые копии с декоративной скульптуры, начиная с обрамления монастырской церкви св. Пантелеймона в Нерези (Македония) и кончая деталями архитектурного декора Раваницы и Каленича. По ним можно было наглядно убедиться, насколько скульптура в большей мере связана с западными, нежели с византийскими памятниками. Фотографии с наиболее прославленных средневековых зданий и книжная экспозиция дополняли выставку.

Выставка привлекла внимание посетителей, ее смотрели с большим интересом. Особенно яркое впечатление она произвела на художников, в частности монументалистов. Многие специалисты из различных городов Советского Союза, в частности из Москвы, Тбилиси, Новгорода, приезжали познакомиться с югославской живописью. Впервые в нашей стране оказалось возможным на сравнительно небольшой территории музейных зал получить представление о необычайно высоком искусстве средневековой Югославии, во многом родственном Древней Руси. Для многих посетителей это было откровением. Оставлены восторженные отзывы о памятниках, об идее организации такой выставки и самой Галереи фресок, о работе художников-копиистов.

Наши большие музеи обычно не выставляют копий, но естественно делают исключение для памятников, которые составляют неотъемлемую часть зданий. Опыт югославской выставки показал и преимущества выставки копий — возможность сопоставлять разные художественные направления, развитие художественного процесса на образцах, находящихся в непосредственной близости друг от друга.

Трижды за время функционирования выставки демонстрировались фильмы, посвященные средневековому искусству Югославии.

В подготовке выставки принимала участие исполнительница многих копий Зденка Живкович. На ее открытии присутствовал директор Галереи фресок Милан Иванович. Перед ее закрытием выступила с докладом «Сербская живопись монументального стиля» хранитель Галереи Наталия Шукович — одна из составительниц напечатанного каталога выставки.

Выставка явилась большим событием в нашей культурной жизни.

А. В. Банк

ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ ВАВРИК

5 июля 1970 г. скончался В. Р. Ваврик, видный писатель, литературовед, ученый-славист и публицист, творческие интересы которого были связаны с жизнью Прикарпатья и Закарпатья.

В. Р. Ваврик родился 21 марта 1889 г. в с. Яснице Львовской области. Окончив гимназию в г. Броды, он поступил на юридический факультет Львовского университета.

В годы первой мировой войны был арестован австрийскими властями и заключен в Терезинский концлагерь, а затем в концлагерь в Талергофе.

После первой мировой войны В. Р. Ваврик поступил в Пражский Карлов университет, где в 1926 г. получил ученую степень доктора славянской филологии. Затем во Львове, дополнив образование дисциплинами по польской филологии, всеобщей истории, немецкой литературе и педагогике, В. Р. Ваврик получил ученую степень доктора Львовского университета. Впоследствии, до 1939 г., он работал ученым секретарем Львовского Ставропигийского института.

После воссоединения Западной Украины, В. Р. Ваврик — преподаватель русского языка Львовского университета. Черные дни гитлеровского нашествия прерывают его занятия. После изгнания оккупантов из Львова, В. Р. Ваврик поступает на работу во Львовский исторический музей в качестве старшего научного сотрудника. В 1956 г. Ученым советом Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР В. Р. Ваврику была присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Перу В. Р. Ваврика принадлежит ряд научных монографий, его многочисленные статьи, стихи, драмы, очерки, рассказы публиковались во многих периодических (преимущественно галицких) изданиях. Сохранился довольно значитель-

ный рукописный архив ученого. В. Р. Ваврик широко известен своими этнографическими работами, ценным богатым фактическим материалом из народного быта.

В многообразном творчестве В. Р. Ваврика следует особо выделить тему Талергофа. Бывший узник Талергофа и Терезина, очевидец бесчеловечного истребления австро-мадьярскими властями местного населения, В. Р. Ваврик документально и с чувством глубокого осуждения представил в своих трудах картины военного ужаса.

Другой большой темой, волновавшей Ваврика, был Ставропигийский институт (см. его работы «Львовская Ставропигия», 1924; «Школа и бурса Ставропигийского института», 1932; «Члены Ставропигиона за 350 лет», 1936, и др.).

Большое место в трудах В. Р. Ваврика занимали исследования творчества галицийских писателей и их связи с русской литературой. Сюда относятся: «Галицкая литература Слова о полку Игореве» (Львов, 1930); «Я. Ф. Головацкий, его деятельность и значение в галицко-русской литературе» (Львов, 1925); «А. С. Пушкин» (Львов, 1937, на укр. яз.) и многие другие.

Одну из своих главных целей В. Р. Ваврик видел в том, чтобы как можно шире ознакомить советских славистов с богатым творчеством писателей Прикарпатья и Закарпатья и определить их место в общеславянской литературе.

В. Р. Ваврик не только филолог, но и прекрасный краевед, знаток истории города Львова, оставивший большие рукописные работы, ценные для историков, литературоведов и искусствоведов.

Многочисленные друзья, товарищи, коллеги Василия Романовича всегда будут помнить о нем.

Т. Ф. Аристова

C O N T E N T S

<i>I. I. Kostiushko.</i> F. Engels on the agrarian development of Central and Eastern Europe. <i>V. Maryina.</i> The congress in Lubochnia (On the 50-ieth anniversary of the creation of the Communist Party of Slovakia). <i>M. I. Kopasheva.</i> The Czechoslovak social-democratic youth in the years of the postwar revolutionary upsurge (1918—1920). <i>V. G. Karasev.</i> Zivojin Žujović's cooperation in «The Sovremennik» (1863—1865). <i>E. V. Stankevich.</i> Textile industry in Silesia according to the General Statistical Tables of 1787. <i>A. V. Kallosh.</i> From the history of the Croatian realist drama in the 30-ies. <i>L. Titova.</i> The Czech patriotic theatre «Bouda» (1786—1789). <i>K. I. Khodova.</i> On the problems of Slavic synonymy (synonymy as a stage of the development of the system)	3
--	---

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>L. S. Kishkin.</i> Mosaics in the Old Townhall in Prague	96
---	----

REVIEWS AND REVIEW ARTICLES

<i>Jerzy Kumaniecki</i> (Poland). Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. <i>A. N. Kirshevskaia.</i> G. Popisakow. The economic relations between Bulgaria and USSR. <i>N. P. Mananchikova.</i> On the problem of the Renaissance in Ragusa. <i>T. Agapkina.</i> From the history of the Polish publicistics in 1918—1939. <i>A. Tatarintsev.</i> The German Slavists about the epoch of Enlightenment. <i>Yu. K. Begunov.</i> The Southern Slavic translation of Iohn the Damascene's «Dialectics» published by a German scientist.	102
--	-----

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1970 (continued). The contents of foreign periodicals	120
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

On the XIII-th International Congress of Historical Sciences

<i>L. Obushenkova.</i> Work of the International Komission of slavic ressurches at the XIII-th Congress of Historic Sciences. <i>V. V. Zelenin.</i> A Session of the Commission of the International Association for the Study of South-Eastern Europe. <i>L. G. Nevskaya, T. M. Sudnik.</i> The Second All-Union conference on the contemporary problems. <i>A. V. Bank.</i> An exhibition «Yugoslav medieval frescoes» in the Hermitage	131
<i>T. F. Aristova.</i> Vasilij Romanovich Vavrik	143

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 11/X 1970 г.	Т-19133	Подписано к печати 18/XII 1970 г.	Тираж 1200 экз.
Зак. 1241	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 12,6	Бум. 4 ¹ / ₂ л. Уч.-изд. л. 14,7

Ж-17

И

БОЛЬШАЯ ОРАДИКА

34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891